

Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова
Институт стран Азии и Африки

ЛОМОНОСОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

ВОСТОКОВЕДЕНИЕ

Тезисы докладов научной конференции
(Москва, 16 апреля 2010 г.)

Москва
ИД «Ключ-С»
2010

УДК 008(-11)
ББК 71
Л75

Утверждено к печати Ученым советом
ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова

Ответственные редакторы:
профессор *Мейер М.С.*
профессор *Гевелинг Л.В.*

Л75 **Ломоносовские чтения. Востоковедение** : тезисы докладов науч. конф. (Москва, 16 апреля, 2010 г.) / Мос. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, Ин-т стран Азии и Африки ; [отв. ред. М. С. Мейер, Л. В. Гевелинг]. — Москва : Ключ-С, 2010. — 268 с.
ISBN 978-5-93136-118-5

УДК 008(-11)
ББК 71

СОДЕРЖАНИЕ

Религии стран Азии и Африки: история и современность

<i>Бочковская А.В.</i> «Суфийский ренессанс» в современной Индии (на примере Панджаба).....	12
<i>Жантиев Д.Р.</i> «Шиитский фактор» в религиозно-политической жизни Саудовской Аравии	14
<i>Захарьин А.Б.</i> Мусульманское религиозное образование в Китае.....	16
<i>Захарьин Б.А.</i> «Арийская проблема» в свете роста религиозно-националистических умонастроений в индусских кругах Индии.....	17
<i>Львова Э.С.</i> Хуэй-мусульмане Южного Китая.....	19
<i>Матвеев Ю.В.</i> Этноконфессиональные проблемы развития индийского штата Джамму и Кашмир	22
<i>Орлов В.В.</i> Рифская война в марокко (1921–1926 гг.): идейно-политический аспект	25
<i>Сафронова А.Л.</i> Судьбы княжеских родов в современной Индии	27

<i>Стрелкова Г.В.</i> «Рамайна» как религиозный памятник и литературное произведение	30
<i>Филимонова А.Л.</i> Особенности политики исламизации в Пакистане (1970-1980-е гг)	32
<i>Фридман И.А.</i> Еще раз об «иудейских» элементах в практике эфиопских христиан	35
<i>Хохлова Л.В.</i> Роль светского образования в размежевании религиозных общин в колониальной Индии	37
<i>Шлыков В.И.</i> Турецкие религиозные организации в Германии и проблемы интеграции турок в немецкое общество	39
<i>Якушев М.М.</i> Религиозные аспекты османского дворцового церемониала	42

История, источниковедение и историография древнего и средневекового Востока

<i>Арешидзе Л.Г.</i> Региональный баланс сил и угрозы безопасности России в Северо- Восточной Азии в конце 1990-х- начале XXI века	45
<i>Волкова Е.В.</i> Некоторые аспекты внешней политики Мьянмы (2000-е годы)	48
<i>Горячкин Г.В.</i> О ранних Всеобщих переписях населения Египта	50
<i>Деопик Д.В., Ульянов М.Ю.</i> Исторические границы Восточной и Юго-Восточной Азии	53
<i>Козицкий И.С.</i> Роль малайзийской государственной идеологии в решении межэтнических проблем на современном этапе	58
<i>Олюнин С.В.</i> Поиски новых методологических подходов к изучению стран Ближнего и Среднего Востока	61

<i>Сабиров Р.Т.</i> «Монгольский буддизм» — к вопросу о терминологии	64
<i>Симонова-Гудзенко Е.К.</i> Понятия географической карты в японской письменной культуре VIII-XII вв. (тезисы).....	66
<i>Taşansu Türker</i> The Peace of Abdulhamid II and Alexander III: a Framework for Imperial Conservative Reformism and Peace Policy	68
<i>Ульянов М.Ю.</i> Важнейшие особенности внешней политики царства Чу во второй половине 8 – первой половине 6 вв. до н.э. и борьба за юг Великой китайской равнины	72
<i>Ульянов М.Ю.</i> К вопросу о периодизации истории царства Цинь (XI в. до н.э. — 207 г. до н.э.) и последующих событий, предшествующих возникновению государства Западная Хань (202 г. до н.э. — 8 г. н.э.).....	75
<i>Шлыков П.В.</i> Ваффы в Турции (1960-е — 2000-е гг.): проекты реформирования традиционного института и их результаты	82
Экология культуры Востока	
<i>Багратион-Мухранели И.Л.</i> Грузинско-русские литературные связи (Переводы XVIII века грузинской литературы на русский).....	87
<i>Бессонова Е.Ю.</i> Национально-культурная специфика японских письменников	89
<i>Гогиберидзе Г.М.</i> Экософская основа культуры народов Северного Кавказа	90
<i>Головачёв В. Ц.</i> Восточные мотивы, предания и обычаи в сказках А. С. Пушкина	93

<i>Ермаков К.В.</i> Культура чая в Корее на примере опыта конфуцианского мыслителя Чон Дасана (1762 — 1836).....	95
<i>Зайцев В.Н.</i> «Персидские мотивы» в русской архитектуре XVI — XX вв. (К вопросу о синтезе культур)	97
<i>Ионов А. Ю.</i> Методологические ограничения в изучении культуры Китая и способы их преодоления.....	100
<i>Ключников С.Ю.</i> Живая психология в контексте эко-синтеза культур Востока и России.....	103
<i>Кудряшова А.Р.</i> Новогодние образы в японской чайной культуре	104
<i>Латина З.Г.</i> Совершенствование человека — ключ к гармонии климата планеты (с позиций экологии культуры)	107
<i>Мазурик В.П.</i> Проблема перевода в экологии межкультурного диалога	109
<i>Машкина О.А.</i> Проблемы трансформации идентичности китайских студентов, обучающихся за рубежом	112
<i>Ремарчук В.В.</i> Колониальные войны на Дальнем Востоке (II половина XIX в.) в оценке носителей различных культур Востока и Запада	114
<i>Садокова А.Р.</i> Образ бога Дзидзо в традиционной и современной культуре Японии.....	116
<i>Семененко И.И.</i> Искренность как гармонизирующее начало в мире людей (К вопросу об экологии китайской культуры).....	118
<i>Шилин К.И.</i> Японо-Российский Ж И В О Й Университет будущего. Резюме-Замысел	120

Щека Ю.В.
Тюркская филология и проблема защиты науки от постструктурализма
(к экологии науки)..... 122

Африканистика

Громова Н.В.
Православие в Восточной Африке (личные впечатления)..... 126

Кравченко С.Л.
О происхождении омонимии в амхарском языке (к проблеме заимствования).... 129

Порхомовский В.Я.
Канонический дискурс в культурно-исторической перспективе:
лексический аспект 131

Суетина Ю.Г.
К проблеме выделения глагольного корня в языке хауса..... 133

Урб М.Р.
Продуктивность словообразовательных моделей в языке африкаанс 135

Федорова Н.Г.
Обзорное описание материала суахилийской газеты «Мзалендо» 138

Экономика стран Азии и Африки

Бойцов В.В.
Юго-Восточная Азия и Китай: экономический диалог..... 141

Бочарова Л.С.
К вопросу о состоянии современного рынка рабочей силы арабских стран 143

Гельбрас В.
Китай в XXI веке: проблемы развития 146

Ежов Г.
Президентские выборы 2009 года в Афганистане 149

Карамурзов Р. Б.
Страны Центральной Азии и Южного Кавказа (1991-2008 гг.). Положение
науки в период кризиса переходного типа, восстановительного
и поствосстановительного экономического роста..... 151

<i>Мазырин В.М.</i> АСЕАН плюс 1 (КАФТА) — основа экономической интеграции в Азиатско-Тихоокеанском регионе	153
<i>Мельянцева В.А.</i> Запад, Восток, Россия: кризис и его последствия.....	156
<i>Перепёлкин В.Ю.</i> Современный этап аграрных преобразований в Иране.....	158
<i>Тимонина И.Л.</i> Тенденции развития российско-японских экономических отношений в период мирового финансово-экономического кризиса	161
 Круглый стол на тему: «Элиты стран Востока и Запада в XX веке»	
<i>Гевелинг Л.В.</i> Социальный портрет африканской элиты	163
<i>Кутовая Е.А.</i> АСЕАН и ЕС в начале XXI века	166
 Круглый стол на тему: «Актуальные проблемы Центральной Азии и Кавказа»	
<i>Гаврилина Е.А., Семедов А.С.</i> Общая характеристика политического ислама.....	169
<i>Джагацпанян Е.Д.</i> Принципы и цели составления учебных пособий по арменоведческим дисциплинам для студентов ИСАА МГУ	172
<i>Джафар Садыг, Исмаилова Л.Г.</i> Общность культур на примере праздников “Масленица и Новруз “	174
<i>Кадырбаев А.Ш.</i> Восточный Туркестан в античную эпоху.....	178
<i>Кулешова Н.С.</i> Языковое пространство русскоязычного населения в ЦАР.....	182

<i>Купченя С.С.</i> О подготовке научно-педагогических кадров в вузах России	187
<i>Насилов Д.М.</i> Словарь Махмуда Кашгарского как источник тюркской этноистории: Кыпчаки в «Диване тюркских языков»	191
<i>Сыздыкова А.Б., Сыздыкова Ж.С.</i> Состояние и перспективы сотрудничества РФ и РК (экономический аспект)...	193
<i>Хушкадамова Х.О.</i> Гендерный аспект в системе политической власти и управления Таджикистана	199
Языкознание	
<i>Басова С.В.</i> Условно-речевые упражнения как средство формирования речевых навыков	208
<i>Бессонова Е.Ю.</i> Культурно-значимая лексика в составе японских эпистолярных сезонных клише	210
<i>Быкова С.А.</i> К вопросу о нормативности языка Токио	212
<i>Васильева Л.В.</i> Актуальные проблемы современной языковой политики Японии	215
<i>Воронцова М.В.</i> Применение современных методов психологии в преподавании иностранных языков	216
<i>Зубкова Л. Г.</i> Типологическая неоднородность языка и принцип знака	219
<i>Каплун М.И., Суетина Ю.Г.</i> Актуальные проблемы фонологии слова хауса	221
<i>Каспржак Н.Ю.</i> Домашнее чтение в курсе французского языка в высшей школе: новые потребности и возможности	223

<i>Клюкина Е.В.</i> Globish — отдельный язык или.....	228
<i>Кондрашевский С.А.</i> Особенности синтаксического оформления прилагательных в современном китайском языке.....	230
<i>Порхомовский М.В.</i> О структуре предложения в современном турецком языке	233
<i>Румак Н.Г.</i> Преподавание устного (разговорного) аспекта студентам первого года обучения (японский язык).....	234
<i>Румянцев М.К.</i> Проблема создания банка (фонотеки) нормативных интонаций по восточным и африканским языкам.....	237
<i>Софронов М.В.</i> Семантика и синтаксис принадлежности в современном китайском языке	239
<i>Фролова М.П.</i> Заметки об употреблении апострофа в современном английском языке	242
<i>Халютин М.Е.</i> The Great Bell — Big Ben.....	244
<i>Щека Ю. В.</i> Функциональный метод и изучение уступительности в тюркских языках.....	247

Литературоведение

<i>Акимушкина Е.О.</i> Эволюция жанра шахрашуб в персоязычной поэзии XI — XII вв.....	250
<i>Акинина О.Г.</i> О синонимии и омонимии в «Книге» Сибавайхи	252
<i>Оганова Е.А.</i> Женская линия в современной турецкой драматургии.....	255

Содержание

Рейснер М.Л.

Таухид («утверждение единобожия») в персидской классической поэзии:
между темой и структурой..... 259

Репенкова М.М.

Модификации турецкого литературного постмодернизма..... 261

Семенов И.И.

Архетип творчества в «Книге песен» 264

Религии стран Азии и Африки: история и современность

Бочковская А.В.

«Суфийский ренессанс» в современной Индии (на примере Панджаба)

С рубежа XX-XXI вв. в разных странах индийского общества наблюдается рост интереса к суфизму. Опубликованы многочисленные научные работы, посвященные всевозможным, в том числе историческим, аспектам проявления в Индии этого мистико-аскетического направления ислама. Появилось немало художественных и документальных фильмов, новых пьес и театральных постановок, затрагивающих суфийскую тематику, а в индийском кинематографе с его неизменной вокально-хореографической составляющей в последние годы возникла «мода» на использование суфийских (нередко — псевдосуфийских) песнопений и музыки. «Суфийский ренессанс» прослеживается как на общеиндийском, так и на региональном уровнях, в особенности в тех штатах Индии, где ощутима доля мусульманского населения и/или сохранились мусульманские святыни.

В этой связи особый интерес представляет Панджаб с его крайне незначительным количеством мусульман (1,6% от общей численности населения штата). Со времен Средневековья область Пятиречья выступала в качестве буферного района на пути проникновения ислама в Индии, и суфизм оказался одним из основных каналов его «мирного» распространения в Южной Азии. Успех суфийских проповедников был во многом предопределен формой их «пропаган-

дистской» деятельности. Они общались с индийцами на местных языках, широко задействовали фольклорные образы, а внешние эффекты (музыка, песни, танцы, демонстрация «чудес» факирами и пр.) в значительной степени способствовали привлечению внимания жителей Индостана к «чужому» вероучению и создавали благоприятную среду для восприятия последнего в качестве почти что «своего». Результатом синтеза суфизма и средневекового бхакти в Пятиречье стало появление новой религии — сикхизма.

Представляется, что в росте внимания индийцев к суфизму как «наиболее толерантному направлению в исламе» внешняя атрибутика играет определяющую роль. В современном сикхско-индусском Панджабе наблюдается небывалый всплеск интереса к песенно-музыкальным традициям суфиев. Стихи шейха Фариды, Булле-шаха и других известнейших проповедников и поэтов обретают второе рождение. Необычайной популярностью в штате пользуются певцы-*каввали*, исполняющие суфийские поэтические произведения. Гробницы (*мазары, даргах*) суфийских *пиров*-«святых» становятся центрами массового поклонения и паломничества, а потомки *пиров*, присматривающие за мусульманскими святынями, воспринимаются в качестве «наследников» духовной энергии и ее хранителей, идейных (а иногда и политических) лидеров локального масштаба.

Растущая популярность суфийских традиций в немусульманском штате, непосредственно граничащем с Пакистаном, заставляет местные власти держать ситуацию под постоянным контролем. Несмотря на непреходящие сложности в отношениях Индии и Пакистана, в последнее десятилетие в Панджабе на регулярной основе проходили научные и общественные семинары по суфизму с участием пакистанских специалистов, организовывались многочисленные музыкальные фестивали с приглашением пакистанских *каввали*. Под эгидой правительства штата в 2003 г. в Панджабе был создан Суфийский фонд (Sufi Foundation of India), призванный «сохранять и пропагандировать суфийские традиции Индии посредством обращения к музыке и танцу».

Повышенный интерес к суфизму в современном Панджабе привлекает внимание социологов, политологов и журналистов, поскольку за ним скрывается целый комплекс назревших и требующих безотлагательного решения социальных проблем, нередко

имеющих общеиндийское звучание. Ключевое место в нем занимает конфликт между панджабскими *далитами* (бывшими «неприкасаемыми», составляющими почти треть населения Пенджаба) и высококастовыми сикхами, по преимуществу принадлежащими к касте джатов. Стремление *далитов* изменить свой социальный статус и добиться иного, более уважительного, отношения со стороны общества все чаще и чаще проявляется в обращении к суфизму, рассматриваемому в качестве универсальной идеологии протеста против несвободы и нетерпимости, пути к эмансипации. При этом речь идет не об обращении *далитов* в иную веру и отказе от собственной религии, а о протестном использовании элементов иного, более привлекательного или «удобного» на данный момент религиозно-философского учения. Причина обращения к суфизму, а не к сикхизму (что, казалось бы, более логично на земле сикхизма — религии, постулировавшей равенство всех каст) заключается в «отторжении» сикхизмом низкокастовых, становящемся все более явным в XXI в.

Жантиев Д.Р.

«Шиитский фактор» в религиозно-политической жизни Саудовской Аравии

Шиитское меньшинство в Саудовской Аравии, составляя порядка 10-15% населения, представляет собой объект неусыпного внимания и опасений со стороны правящего режима. Концентрация значительной части шиитов в богатой нефтью Восточной провинции (где шииты составляют более трети населения), особенно в оазисах эль-Катиф и аль-Ахса, а также такой фактор, как влияние иранской пропаганды на единоверцев-шиитов из числа саудовских подданных, вызывают у властей Саудовской Аравии постоянные сомнения в лояльности этой группы населения. После того, как попытки обращения шиитских подданных Саудовской Аравии в суннизм в правление короля Абд аль-Азиза не увенчались успехом, политика королевской семьи в отношении шиитов несколько смягчилась: им было разрешено строить собственные мечети и подчиняться своим собственным шариатским судам. Тем не менее, до сих пор власти препятствуют открытому проведению шиитских

религиозных праздников, что не раз приводило к противостоянию и даже столкновениям шиитов с саудовскими силами безопасности.

Важным фактором общественного недовольства в шиитской среде Саудовской Аравии является дискриминационная политика в отношении шиитов при приеме на государственную службу. Для шиитов, за некоторыми исключениями, закрыт доступ в высшие и даже средние эшелоны бюрократии, а также в вооруженные силы и полицию. С другой стороны, они находятся под неусыпным контролем саудовских спецслужб и Национальной гвардии (состоящей на 100% из суннитов). После исламской революции в Иране 1979г. критика шиитской оппозиции в адрес правящего режима, в основном, затрагивала проблему социального неравенства и, в то же время, по своей риторике и аргументации порой парадоксальным образом совпадала с критикой, идущей со стороны радикальных суннитских улама, обвинявших королевскую семью в недостаточно строгом соблюдении принципов исламской законности как во внутренней, так и во внешней политике.

Начиная с 2003г., после вторжения в Ирак войск западной коалиции и свержения режима Саддама Хусейна, власти Саудовской Аравии проявляют особое беспокойство в связи с ростом активности шиитских политических сил в Ираке, видя в них «пятую колонну» Тегерана. Новый повод для опасений возник и на другом направлении — а именно, в связи с обострением конфликта между властью и движением хуситов в северных районах Йемена, сопредельных с Саудовской Аравией. Несмотря на существенные догматические различия между шиитами-имамиитами (проживающими на востоке королевства) и шиитами-зейдитами, проживающими в Йемене и, отчасти, в южных провинциях Саудовской Аравии, королевская семья склонна рассматривать и тех, и других, как благоприятную среду для иранского влияния и разного рода интриг, направленных на подрыв стабильности в государстве.

После вторжения боевых отрядов повстанцев-хуситов в приграничные районы Саудовской Аравии осенью 2009 г., в Эр-Рияде стали все чаще говорить о своего рода враждебном «шиитском кольце», которым Иран (по версии официальных саудовских политологов) пытается охватить Аравийский полуостров.

Современная политика саудовского государства в отношении шиитов представляет собой сложный комплекс мер — от экоми-

ческих проектов, призванных повысить уровень жизни населения в восточных районах страны, до укрепления границ с Ираком и Йеменом и репрессивных действий в отношении шиитской оппозиции.

Захарьин А.Б.

Мусульманское религиозное образование в Китае

В течение двадцати лет мусульмане Китая были вовлечены в процесс подтверждения своей религиозной идентичности: строительство и ремонт мечетей, распространение исламского знания, перевод религиозных текстов. В начале 1980-х годов образование было ограничено стенами медресе, но, через инициативы частных лиц и коллективов, открылось множество частных школ и институтов. За десять лет реформ (решения приняты в 1985 и 1993 годах), произошла децентрализация и приватизация системы образования. Целью мусульманских инициатив стало освобождение от государственного контроля и предоставление возможности населению, особенно девочкам, базового образования. Сегодня классическая учебная программа изменена. Число лет обучения сокращено до 4 или 5, особые отношения между учителем и учеником исчезают, обучение ограничивается изучением арабского языка и знанием основных текстов, дополненных курсом религиозной политики государства. Арабский изучается как современный, а не только как священный письменный язык Корана. Труды на персидском изучаются все реже. Реформированное обучение распространилось во все мечети. С 1990-х годов некоторые медресе превратились в независимые организации. Скромность расходов школ объясняется финансированием местных общин и низким уровнем зарплаты учителей. Наряду с частными школами, между 1983 и 1987 годами государство основало 8 институтов Корана. Они имеют статус университетов и готовят имамов, преподавателей и переводчиков арабского. Институты получают большие финансовые средства. Плата за обучение весьма высока. Многие родители настороженно относятся к подобному образованию, так как оно находится под полным контролем властей. Исламское образование — трамплин для обучения за границей и получения работы. Многие молодые

люди мечтают об обучении за рубежом. Исламское образование — скрытое поле брани между религиозными движениями. Беспокойство, рожденное социальным неравенством, приводит к тому, что все больше молодых людей интересуется дискурсом салафитского движения. Увеличение числа мусульманских школ, студентов, возвращающихся из мусульманских стран, ситуация в Синьцзяне и деятельность религиозных движений побудили власти усилить контроль. Партия не в состоянии осуществлять полный контроль над образованием, поэтому передача его самим мусульманам, лояльным к властям, представляется гарантией того, что рост новых движений будет ограничен.

Захарьин Б.А.

«Арийская проблема» в свете роста религиозно-националистических умонастроений в индусских кругах Индии

Прогресс в сфере экономики, достигнутый Индией в последние десятилетия в рамках государств БРИК и в мировом масштабе, способствовал росту религиозно- националистических настроений в определенных кругах индусской (прежде всего брахманской) общности. Одним из ярких проявлений этого явилось заметное оживление и в Индии, и на Западе интереса к традиционной теме «прародины ариев» и маршрутов передвижений древних индоевропейских племен.

Публикации и дискуссии в научной и паранаучной литературе позволяют выявить две полярные позиции по указанному вопросу. Первая из них, «прозападная», заключается в локализации прародины индоевропейцев на Западе Евразии и в постулировании последующего перемещения части и.-е. племен с Запада на Восток, в Индостан (условно к→И гипотеза»). Вторая, «проиндийская» предполагает «исконное» обитание отождествляемых с праиндоевропейцами ариев в Индостане и последующие их миграции отсюда в северном, западном и юго-восточном направлениях («←И гипотеза»); вопрос об истории проникновения ариев на территорию Индийского субконтинента в этом случае оставляется авторами без

ответа или решается в религиозно-мистическом ключе. Обе гипотезы практически не могут быть надежно подкреплены противоречивыми материалами археологических раскопок в самой Индии, поэтому единственной естественной опорой для них должны быть лингвистические данные.

Так, научной основой для «→И гипотезы» является, по сути, вся мировая компаративистика, еу и активно развивающаяся (преимущественно в странах Европы и Америки) уже более 200 лет. При всем разнообразии мнений ученых касательно прародины индоевропейцев и конкретных путей их передвижений по территории древней Евразии, до недавнего времени практически незыблемыми оставались постулаты о том, что племена, называвшие себя «арья», появились в Индостане в исторически обозримый период (не ранее 18-го в. до н.э.), что они пришли с Запада и что их разговорным языком являлся поздний общеиндоевропейский диалект класса «сатем» (по щелевому в начале названия для числительного «100»).

Внутри этой, в целом хорошо обоснованной теории, разумеется, имеются некоторые лакуны и скрытые противоречия. Например, общие, достаточно строгие нормативы распределения в пространстве двух главных групп индоевропейских языков: «сатем» в Восточной Европе и Азии, «кентум» (по заднеязычной смычной в имени «100») в Западной Европе, — всегда нарушали тохарские языки, которые были распространены в древности на востоке Средней Азии и в соседнем регионе Китая. Однако в последней четверти 20-го века и в самой Индии, в Гималаях, был обнаружен еще один представитель «кентум» — бесписьменный индоевропейский язык бангани (сравни в нем форму *кото* для понятия «100»), как будто бы позволяющий предположить поздний характер «сатемизации» исходно «кентумных» индоарийских языков.

Пока что делать и означенный, и ему подобные кардинальные выводы, ломающие устоявшиеся представления, кажется занятием преждевременным, так как и генетическая отнесенность, и внутренняя структура, и внешние связи бангани все еще остаются крайне плохо изученными. Однако приверженцы «←И гипотезы» уже поторопились объявить о «полном крахе» теории противников и о том, что язык «всегда проживавших» в Индостане ариев следует считать древнейшим ядром протоиндоевропейского. Представля-

ющий консервативные круги Махараштры Н.Р. Варадапанде даже заявил, что индоевропейская семья языков вообще является «фикцией», а некто Н.С. Раджарам, пропагандирующий взгляды брахманской ортодоксии, вторя ему, сообщил, что все сравнительно-историческое языкознание должно быть отвергнуто как некая ложная и совершенно бесполезная «западная выдумка»!

К сожалению, обскурантистские воззрения некоторых индийских псевдоученых, объявляющих даже Индскую цивилизацию (существовавшую в 3-м тысячелетии до н.э.!) вотчиной мифических «автохтонных ариев», находят поддержку и у некоторых индологов Запада, приходящих в своих недавних публикациях к весьма сомнительным, а иногда и просто противоречащим истине утверждениям и выводам относительно древнеиндийской истории и предистории (в этой связи можно упомянуть, к примеру, соответствующие работы бельгийца Э. Кунрада или британца М. Витцеля). На Земле еще живут последние представители того поколения, которое хорошо помнит о том, что в Европе явилось как продолжение теорий об «арийской исключительности», и чем все это закончилось. — Думается, подлинным ученым и Индии, и стран Запада также не следует забывать об этом и всерьез задуматься над тем, чем могут обернуться результаты «новых» подходов к старой «арийской проблеме».

Львова Э.С.

Хуэй-мусульмане Южного Китая

Хуэй — один из народов Южного Китая. Они живут в провинции Юннань вместе с 26 другими национальными меньшинствами. Долгое время (вплоть до 1953 г., когда в переписи населения страны появился вопрос о национальной принадлежности) и китайские, и российские ученые считали хуэй не отдельным этносом, а лишь этно-конфессиональной группой китайцев. Сейчас ведется пристальное изучение этого народа в Институте (ныне Университете) национальных меньшинств, отделе антропологии Национального университета Кунминя, Музее Национальностей. Первый из них был создан в 1951 г. и тогда существовало три отделения — «приграничных народов», «внутренних народов» и отдел изучения язы-

ков, имевших свою самобытную письменность. Кроме того, здесь же обучали на уровне средней школы молодых людей из этих народов. До 1956 года в Институте также работали курсы партийных активистов и администраторов из представителей национальных меньшинств. Тогда же были построены молельни для мусульман, буддистов и католиков, открылась мусульманская кухня. Затем Институт был преобразован в Университет национальностей. Среди его студентов и преподавателей преобладают представители этих народов. Сейчас в Университете около 12 000 студентов и еще 14 000 получают дополнительное образование. Имеется собственный исследовательский институт и музей с более чем 20 000 экспонатов. Преподавание и исследования проводятся по нескольким направлениям: этнология, социология, история, языки и литература народностей Юннани, языки и литература Южной Азии, химия и традиционная медицина.

Подобная работа ведется и в Музее антропологии Университета Юннани, и в Музее Национальностей. Помимо великолепного основного здания, оснащенного по последнему слову требований к музеям, с богатой библиотекой, фотогалереей, фондами экспонатов по культуре всех национальных меньшинств, включая и хуэй, при нем созданы четыре «национальные деревни», воссоздающие традиционный быт. Сотрудники, большая часть которых принадлежит к местным народностям, издают немало публикаций, организуют постоянные и передвижные выставки. При Музее проводятся главные праздники каждого народа, в которых принимают участие все желающие, а также ремесленные мастерские, призванные сохранять народное искусство.

Сами хуэй, численность которых достигает 8 миллионов 600 тысяч человек, считают себя отдельным народом. Главное их отличие от «хань» и других народов Китая — конфессиональное. Хуэй-мусульмане (русские ученые XIX века называли их «магометане»). Они полагают, что исповедуют ислам с XIII века, а связи с арабами-мусульманами установили с 7 в. Сами хуэй считают, что их предки пришли в Южный Китай с войсками Чингиз-хана. Другие связывают свое происхождение с потомками сподвижников известного политического деятеля Китая времен династии Юань, Саида Омара Шамс ад-Дина, бывшего первым правителем Юннани. По мнению ученых середины прошлого века, «ничто не отделяет

хуэй от китайцев за исключением религии» и они не представляют отдельного народа. Ныне признается существование хуэй как самостоятельного этноса, это находит отражение во всех справочниках и официальных документах.

Хуэй имеют три мечети в столице провинции, городе Кунмине. Но центр духовной жизни — город Нагу. Здесь три мечети, медресе, школы с изучением арабского языка. Одна из них, «женская» мечеть повторяет типичную китайскую дворцовую архитектуру. В жилых домах, украшенных типично китайской орнаментикой (растительные орнаменты, птицы и рыбы) обязательно есть и надписи из Корана на стенах или потолочных балках, написанные либо по-арабски, либо по-китайски. Дети получают и китайское, и мусульманское имя. Состоятельные горожане совершают хаджи. В бытовой жизни, ремеслах, обрядах жизненного цикла сочетаются мусульманские и китайские элементы культуры. Женщины не закрывают лиц, не скрывают фигуру под длинными просторными одеяниями, имеют право присутствовать во время домашних празднеств и свадебных церемоний. Мужчины, совершая молитвенные обряды, обращаются не только к Аллаху, но и местным духам. Ежедневный пятикратный намаз не считается обязательным, достаточно одной молитвы в день. Главное же — соблюдение пищевых табу и семейно-брачные установки мусульман.

Горожане традиционно занимаются торговлей и предпринимательством, что считается самым угодным Аллаху делом. Когда-то они водили караваны в страны Юго-Восточной и Южной Азии, и сейчас большинство населения занимается посреднической торговлей. Еще в первой половине прошлого века уроженцы Нагу и выходцы из клана Ха прославились далеко за пределами родного города. Один из них — Ха Чжун стал «посредником между Китаем и арабскими странами». Он посвятил свою жизнь изучению арабской истории и культуры. Другой — Ха Сюнь перевел на китайский язык «Тысячу и одну ночь».

В повседневной жизни хуэй руководствуются мусульманской этикой. Именно исламскими традициями они объясняют то, что главные занятия (семейные и наследственные) — ремесла и торговля. Как заповеданный Аллахом и Мухаммедом «закят» воспринималась и помощь пострадавшим от землетрясения в Сычуане. Сейчас здесь, наряду с торговлей и сохраненными традиционными

ремеслами, занимаются и современной производственной деятельностью, работают (в том числе и на экспорт и чрез Интернет) пищевые фабрики и прокатные заводы. Нагу и весь район расселения хуэй считается в Китае успешным примером соединения традиционной культуры и современного экономического развития.

Матвеев Ю.В.

Этноконфессиональные проблемы развития индийского штата Джамму и Кашмир

«Кашмирский вопрос» уже более полувека находится в центре внимания мирового сообщества. Сразу после обретения Индией и Пакистаном независимости в 1947 г. на первый план вышел их спор за территорию бывшего княжества Джамму и Кашмир, и исследования по этой проблеме в основном были посвящены внешней ее составляющей¹.

Взрыв сепаратизма и экстремизма, произошедший в индийском штате Джамму и Кашмир на рубеже 1980-1990-х гг., поставил вопрос о детальном рассмотрении политических процессов в штате и воздействия на них этноконфессиональных факторов.

Важной особенностью штата является его сложная этноконфессиональная структура. Большинство населения составляют кашмирцы-мусульмане, компактно расселенные в одном из регионов (Кашмире) и практически не представленные в двух других — Джамму и Ладакхе, где преобладают догры-индусы и ладакхи-буддисты, соответственно.

В условиях социально-экономической отсталости и неразвитости институтов гражданского общества политическое сознание

---

¹ К началу 1949 г. в результате индийско-пакистанской войны (1947-1948 гг.) из-за Джамму и Кашмира бывшее княжество оказалось разделено между двумя государствами линией прекращения огня (в 1972 г. преобразована в Линию контроля). Территория под контролем Индии вошла в состав штата Джамму и Кашмир, получившего особый статус в соответствии с Конституцией. Контролируемая Пакистаном территория включает формально самоуправляющийся Азад Кашмир и Северные территории прямого подчинения. Индийско-пакистанский спор относительно принадлежности Джамму и Кашмира продолжается. Сегодня под контролем Индии находится около 46% территории бывшего княжества, Пакистана — 35%. С 1960-х гг. 19% территории удерживает Китай.

населения Джамму и Кашмира формируется под значительным воздействием традиционных факторов, а политический процесс определяется узкогрупповыми интересами и соответствующими им стереотипами поведения отдельных этноконфессиональных общностей.

Проявление этого процесса заметно на двух уровнях - с одной стороны, во взаимодействии находящихся у власти сил кашмирского этнонационализма с центральным правительством, с другой — в отношениях кашмирцев с другими этническими группами в штате.

Баланс сил в этноконфессиональном сообществе в Джамму и Кашмире со временем менялся. Ключевым событием стал кризис власти в штате на рубеже 1980-1990-х гг., сопровождавшийся длительной (до 1996 г.) приостановкой действия институтов представительной демократии и беспрецедентным ростом вооруженного сепаратизма и религиозного экстремизма. Такая ситуация была вызвана, прежде всего, неспособностью основных политических сил в штате реагировать на настроения в обществе на фоне ухудшающейся экономической обстановки и растущих социальных дисбалансов. При все большей вовлеченности населения в политический процесс это привело к подъему коммуналистских настроений и быстрой радикализации масс. Особый статус штата в Индийском Союзе был к этому времени значительно урезан и многими кашмирцами более не воспринимался как путь реализации своих групповых интересов, большое распространение среди них получили сепаратистские тенденции как на кашмирской этнациональной, так и на исламской конфессиональной основе.

Вспышка насилия и, как результат, срыв демократического процесса имели серьезные последствия для развития штата. Несмотря на снижение числа вооруженных столкновений и терактов в последние годы сохраняется сосуществование конституционных и неконституционных форм политической активности, ключевую роль в поддержании стабильности продолжают играть многочисленные индийские военные подразделения.

Важные перестановки произошли на политическом поле, включая перераспределение сил в лагере кашмирских этнонационалистов, умеренная часть которых теперь представлена 2 основными партиями — Национальной конференцией и Народной демокра-

тической партией. Они сохраняют власть в штате после выборов 1996, 2002 и 2008 гг., но при этом база их поддержки заметно сократилась по сравнению с докризисным периодом, с одной стороны, за счет радикально настроенных этнонациональных сил сепаратистского толка, с другой - за счет коммуналистских сил. И те, и другие, несмотря на разрозненность, демонстрируют стойкое нежелание участвовать в легитимном политическом процессе.

Одним из последствий политического кризиса в Джамму и Кашмире стало усиление влияния Пакистана, который оказал масштабную поддержку вооруженному сепаратистскому движению и воспользовался ситуацией для того, чтобы укрепить пропакистанские коммуналистские организации в штате и привнести на его почву идеологию джихада.

В условиях роста насилия и экстремизма еще более напряженными стали отношения кашмирцев с этническими меньшинствами штата, которые начали выдвигать все более жесткие требования по учету своих интересов, вплоть до трансформации соответствующих регионов (Джамму, Ладакх) в отдельные субъекты Индийского Союза.

Несмотря на определенные успехи федерального правительства в подавлении насилия и возобновлении легитимных форм политической активности, ситуация в Джамму и Кашмире остается крайне неустойчивой и характеризуется низким уровнем доверия общества к существующим институтам власти. Хотя правительства в центре и в штате признают необходимость реформирования политической системы штата, население не вовлечено в выработку соответствующих решений (в том числе, о возможной трансформации его статуса в рамках Союза), по-прежнему не налажены механизмы урегулирования противоречий между основными группами. В результате, конфликты на этноконфессиональной почве продолжают продолжаться (при растущем влиянии конфессиональной составляющей), зачастую принимая экстремистские формы. Представляется, что этноконфессиональные факторы будут в ближайшей и среднесрочной перспективе играть определяющую роль в развитии политической обстановки в штате, способствуя сохранению напряженности в отношениях основных общностей и подрывая стабильность в штате и в южноазиатском регионе в целом.

Орлов В.В.

Рифская война в Марокко (1921–1926 гг.): идейно-политический аспект

События Рифской войны 1921–1926 гг. и деятельность национального героя Марокко Мухаммада ибн Абд ал-Карима ал-Хаттаби довольно разносторонне изучены как в отечественной, так и в зарубежной историографии. Населенная берберами горная область Риф на севере страны еще с 1919 г. давала решительный отпор испанским колонизаторам. Рифцы разгромили в 1921 г. их армию под Анвалем, создав государственное объединение — республику Риф. Пять лет военный союз горских племен противостоял колониальным войскам, и только в 1924 г. Испания и Франция, соединив свои силы, смогли ограничить размах боевых действий рифцев, а к весне 1926 г. одолели берберскую республику.

При несомненно глубоком проникновении историков в сущность событий Рифской войны, в ее истолковании и сегодня присутствует немало «белых пятен», а ряд аспектов этого противостояния еще не получил у востоковедов взвешенной и обоснованной оценки. К таким сторонам истории Марокко XX в. относится идейно-политический аспект сопротивления рифцев французским и испанским колониальным войскам.

В отечественной магрибистике и военной истории деятельность Мухаммада ибн Абд ал-Карима воспринимали главным образом как организацию национально-освободительного движения (работы М. В. Фрунзе, Н. С. Луцкой, Э. В. Павлуцкой). Эта точка зрения в целом остается верной и сегодня. Антииностранный посыл действий рифской вольницы не вызывает сомнений и хорошо заметен в марокканских и европейских источниках. Однако деятельность рифских вождей столь же правомерно рассмотреть в контексте других вопросов: 1) как соотносилась в глазах марокканцев власть мятежного «эмира Рифа» и правившего в те годы султана Мулай Йусуфа (1912–1927 гг.)? 2) какую роль сыграли исламские установления в жизни Рифского государства? и 3) что представляло собой движение рифских горцев на взгляд марокканских элит и населения в целом?

Рассмотрение источников показывает, что начиная с февраля 1924 г., когда Мухаммад ибн Абд ал-Карим провозгласил себя

«эмиром Рифа», его владения составили альтернативный султанскому дворцу центр власти; известно, что племена Рифа и предгорий в 1924–1925 гг. приносили ему клятву верности (бай‘а), аналогичную той, что было принято приносить султанам Марокко. Из этого, однако, не следует, что он желал свергнуть Алауитскую династию и занять место Мулай Йусуфа. У нас нет никаких свидетельств подобных намерений рифского лидера. Тем не менее еще в 1921 г. он говорил своим сторонникам, что хотел бы создать «страну с собственным правительством и флагом», а подписанные им документы упоминают о «Рифской республике» (Ал-Джумхурийа ар-рифийа). Возможно утверждать что, несмотря на близкое военно-горской демократии понятие «джумхурийа», Мухаммад ибн Абд ал-Карим создал государство по образцу традиционного султанского правительства (махзена). Для идейно-политической характеристики Рифской войны представляются не менее важными салафитские убеждения Мухаммада ибн Абд ал-Карима, воспитанные у него еще в ходе учебы в фесском университете ал-Каравийийин в 1904–1906 гг. То, что военная демократия Рифа основывалась на шариатских установлениях, весьма нетипично для горских обществ, и свидетельствует о «салафитском проекте» построения в ходе джихада подлинно мусульманского государства — в сравнении со слабым и подчиненным европейцам алауитским султанатом. О том же говорит устойчивое неприятие Мухаммадом ибн Абд ал-Каримом и его окружением деятельности в Рифе суфийских братств, особенно тарики Даркавийа (Даркава), обители-завийи которой он полагал опасным источником порчи нравов и профранцузской агитации.

Рифская война стала для Марокко последним в XX в. воплощением массового вооруженного антииностранным сопротивлению. Крушение Рифского государства ускорило упадок общественных позиций традиционных элит и одновременно оказалось решающим элементом пробуждения марокканского национализма в 1930–1940-х годах. Но существенно и то, что самими марокканцами движение Мухаммада ибн Абд ал-Карима еще не воспринималось ни как национально-освободительное, ни как патриотическое. Ведь появление этих понятий в лексиконе марокканских политиков относится уже к 30-м годам XX столетия. Да и сам Ибн Абд ал-Карим обратился к марокканскому патриотизму уже в 1940-х годах, находясь в ссылке, а затем в эмиграции в Каире. Современники

же Рифской войны расценивали ее в традиционных понятиях как типичную «сиба» (سيبة). Этот специфический и многозначный термин марокканской политической культуры происходит от арабского корня 'с-й-б', в котором сопряжены значения: «течь, литься», «блуждать без присмотра (о скоте), быть на воле» и «быть брошенным, запущенным, не получать ухода». Все эти значения входят в семантический круг, обозначающий понятие оппозиции, неприятия населением централизованной власти, желания жить сообразно родоплеменным порядкам без внешнего вмешательства (колониального или султанско-махзенского).

Примечательно и то, что в значении «смута, мятеж, антиправительственные акции» понятие «сиба» присутствует в современном марокканском политическом лексиконе. Этим термином возможно обозначить и последующие вооруженные выступления жителей Рифа против королевской власти в независимом Марокко. В идейно-политическом плане с Рифской войной любопытно сопоставить мятеж рифских племен против засилья при дворе партии Истикляль (1958–1959 гг.) и городские бунты в Надоре, Тетуане и Эль-Хосейме (1984 г.) в ответ на ухудшение социально-экономической ситуации в регионе.

Сафронова А.Л.

Судьбы княжеских родов в современной Индии

К середине XX в. — моменту обретения независимости территориями, входившими в состав Британской Индии — индийские княжества занимали 45% южноазиатского субконтинента, а население всех княжеств (их насчитывалось около 600) подходило к 100-миллионной черте. Система управления в княжествах имела свою специфику, связанную с развитием концепций традиционных форм государственной власти, освященных религиозными институтами — индускими, мусульманскими, сикхскими — в зависимости от вероисповедания князя и его двора. Традиционалистские представления о роли религии в государстве, существовавшие в княжествах, отличались как от светских демократических идеалов власти, присущих Индийскому национальному конгрессу (ИНК), так и от идеи демократической государственности, опирающейся

на представителей религии большинства, как у Мусульманской лиги (МЛ).

Раздел Британской Индии остро поставил вопрос о княжествах. Закон о независимости предоставлял княжествам право войти в состав одного из двух образующихся доминионов. Княжествам, таким образом, предстояло вступление либо в Индию, строящую свою политику на секулярных основах, либо в Пакистан, задуманный как государство для мусульман Южной Азии, т.е. в страны с различно складывавшимися политическими системами. Вхождение княжеств в Индию или Пакистан, согласно положениям Закона о независимости, зависело от волеизъявления их правителей и проходило в основном по конфессиональному принципу. В период с 1947 по 1949 г. более 500 княжеств присоединились к Индии (остальные вошли в состав Пакистана). Преемственность и традиционализм как доминирующие тенденции во внутреннем развитии княжеств столкнулись с бурным переустройством индийского общества, стоящего на пороге кардинальных перемен. Процесс интеграции княжеств, таким образом, был связан не только с непосредственным присоединением их территорий к Индийскому союзу, но и с принципиальным преобразованием системы управления: на смену традиционному княжескому правлению приходили демократические институты власти. Интеграция не только перекроила границы между государствами и внутри них, но и изменила представления о государственном устройстве у населения княжеств. Не случайно, многие индийские историки приравнивают ее к «революции». Процесс интеграции с доминионом в целом ряде регионов был затруднен и встретил сопротивление, вплоть до вооруженного: в то время как 14 и 15 августа 1947 г. стали днями обретения независимости для Пакистана и Индии, это был день «потери независимости» для княжеств. На фоне роста идей секулярной государственности в первые десятилетия независимости, в общественном сознании было сформировано негативное отношение к князьям как носителям религиозного обскурантизма и противникам модернизации.

После завершения процесса интеграции княжеств в Индийский союз судьбы бывших князей и их потомков складывались по-разному на протяжении периода независимого развития. Эволюция государственной политики в отношении князей и реакция на нее

общества явились отражением этапов развития индийской демократии. Первоначально князьям были установлены огромные пенсии в размерах, пропорциональных их прежним доходам. Многие получали должности раджпрамуков, губернаторов провинций, образованных на территориях бывших княжеств. В 1956 г. должности раджпрамуков были упразднены. Проведение в стране административной реформы на этнолингвистической основе привело к разрушению прежних границ княжеств, к «растаскиванию» их по разным штатам. Это объективно способствовало постепенному лишению князей их властных полномочий не только де-юре, но и де-факто. Однако отдельные князья сохранили за собой места в законодательных ассамблеях штатов, участвуя в электоральном процессе. В 1971 г. были отменены пенсии, а князья объявлены обычными гражданами Индии. Не все сумели вписаться в реалии новой жизни и найти в ней свое место: некоторые из них покинули Индию, эмигрировав в Европу, США, и даже Австралию. Однако многие князья продолжали участвовать в политической и общественной жизни республики Индия.

Политические пристрастия махараджей после завоевания Индией независимости складывались по-разному. Большинство их противостояли ИНК и поддерживали такие альтернативные Конгрессу политические партии как Джана сангх и Сватантра, позднее Бхаратия джаната парти, однако некоторые князья становились конгрессистами. Конгресс использовал авторитет ряда лояльных ему махараджей в регионах, где их влияние на массы оставалось традиционно сильным. Некоторые бывшие князья выдвигали свои кандидатуры на выборы в центральный парламент и в законодательные собрания штатов как независимые. Многие бывшие махараджи и их потомки, хорошо знакомые с этикетом и протокольными церемониями, направлялись на дипломатическую работу, как правило, в должности послов или в качестве представителей Индии в международных организациях, включая ООН; другие занимались предпринимательской деятельностью или туристическим бизнесом, а также музейным делом, переделывая свои дворцы в музеи и роскошные отели. Если в 1940-1950-е гг. существовали огромные политические, экономические и культурные различия между территориями бывших провинций Британской Индии и княжеств, а князья в ряде мест отказывались подчиняться за-

конам центральной власти, то за годы развития в рамках единого демократического государства диспропорции стерлись, а оставшиеся в Индии представители княжеских семей нашли в индийском социуме свою нишу. Бывшие князья не представляют сплоченной силы, имеющей общие интересы, не объединены в отдельные партии и выражают свои позиции через участие в той или иной общендийской политической организации или торгово-предпринимательском объединении.

Стрелкова Г.В.

«Рамайна» как религиозный памятник и литературное произведение

Доклад посвящен рассмотрению того, как живет, развивается и какое влияние оказывает на современную жизнь Индии древний сюжет о Раме — эпическом герое, который со временем стал восприниматься и трактоваться как одно из воплощений Вишну. Научную актуальность этой буквально животрепещущей¹ для современной Индии темы подтверждает то, что в прошлом, 2009 году вышло в свет несколько исследований, посвященных ей. Среди них “The Infinite Story. The Past and Present of the Rāmāyanas in Hindi” проф. Варшавского Университета Дануты Стасик и кандидатская диссертация А.В.Челноковой, преподавателя Восточного факультета Ст.Петербургского Университета «Рамайна в современной Индии. На материале литературы хинди»². Для меня эта тема стала актуальной в связи с чтением памятника джайнской религиозной литературы — Raumachariya Вималасури (конец 3 в.н.э.) в рамках Летней праkritской школы в Вюрцбурге в августе прошлого года.

Считается, что первые устные сказания о Раме сложились примерно в 5-4 в. до н.э., а первый литературный памятник на этот сюжет — «Рамайна» Вальмики на эпическом санскрите, вероятно,

---

¹ В 1992 году в Айодхье была разрушена мечеть Бабри масджид, выстроенная еще в Могольскую эпоху на «месте рождения Рамы». Это событие повлекло за собой обострение индусско-мусульманского противостояния в Индии. Сюжет о Раме стал непосредственно связан с политической и религиозной ситуацией в стране.

² Более частное подтверждение растущего научного интереса к сюжету «Рамайна»: на кафедре индийской филологии ИСАА МГУ в 2009 г. одна из квалификационных работ была выполнена по тамильской балладе «История о Кушалаване». Кроме этого, готовится к защите кандидатская диссертация, основывающаяся на воплощении сюжета о Раме в классической санскритской литературе.

сложилась к 4 в. н.э. На протяжении нескольких веков на сюжет о Раме было создано множество поэтических и прозаических произведений. Для эпохи древности и средневековья это не просто литературные, художественные тексты, но в первую очередь религиозно-философские, созданные в рамках буддийской, джайнской, индуистской литературы и в русле средневекового движения бхакти, как кришнаитского, так и собственно рамаитского. Одно из наиболее и почитаемых до сих пор в Индии переложений сюжета о Раме — «Рамачаритаманаса» (Священное озеро деяний Рамы) Тулсидаса (16 в. н.э.). В современной индуистской традиции это произведение позднего бхакти считается «пятой Ведой» и относится к своду шрути (т.е. к текстам «божественного» происхождения), а в некоторых индуистских общинах самой книге поклоняются как «ишта деву» — т.е. «личному» божеству, поклонение которому способствует исполнению желаний.

При этом «Рамаяна» Вальмики считается первой махакавей, т.е. не религиозным, но художественным произведением, точно также как и «Рамачаритаманаса» Тулсидаса — одной из вершин поэзии бхакти. Начиная с эпохи Нового времени, когда формировалась литература нового, просветительского, типа, было создано множество произведений на сюжет о Раме. Во многих из них ведущим становится образ Рамы — праведного правителя, творца «Рам-раджья», идеального, построенного на законах разума и справедливости, государства. Так же как и в предыдущие эпохи Рама — как одна из аватар Вишну — связан (и даже взаимозаменяем) с Кришной. В эпоху борьбы за независимость и тот и другой становятся наиболее привлекательны не как божеества, но государственные деятели, своего рода символы «национальной идеи». Вместе с тем, подобно тому, как ранее существовали различные религиозные (буддийское, джайнское, индуистское) толкования образа Рамы, так и в литературных интерпретациях сюжета об этом эпическом герое мы наблюдаем огромное разнообразие. Начиная с поэмы на бенгальском языке «Гибель Мегхнада» М.М.Дотто (1861), в которой положительным героем выступает отнюдь не Рама, но его противники — демон Равана и его сын Индраджит, вплоть до произведений на хинди конца XX-начала XXI вв. — Винода Бхатта, Кусум Ансаль и романов Бхагвана Сингха “Апне-Апне Рам” («У каждого свой Рама») и Нарендры Кохли “Абхьюдай” («Восхождение»). В них,

так же как и в произведениях первой половины XX века («Сакет» М.Ш.Гупты, «Вайдехи-ванавас» А.С.Упадхьяя, «Урмила» Навина, «Жертвоприношение Рамы» Ниралы) происходит переосмысление сюжета о Раме и его демофилогизация — в соответствии с взглядами, пристрастиями и намерениями автора. Часто на первый план вступают не столько литературно-художественные моменты, но идейные, социально-политические, гражданские и религиозно-нравственные. Древнее предание о Раме осовременивается, связывается с современной ситуацией в Индии и мире. Однако именно образ Рамы и других эпических героев позволяет современным авторам создавать новые жанровые формы (например, современную махакавию не на санскрите, а на хинди; сатирический рассказ; роман-детектив, феминистский роман, роман-утопию, постмодернистский роман, несущий черты комикса¹ и др.). Таким образом, сказание о Раме продолжает играть в Индии огромную роль — будь то религия, литература и культура, или же общественно-политическая жизнь. Это подтверждение мысли, выраженной еще в Ригведе (9, 23, 2): «Древние певцы ступали новейшей поступью» (anupratnās āyava: padam navīṃo akramu:). Поэтому и древний сюжет в каждую эпоху звучит современно.

Филимонова А.Л.

Особенности политики исламизации в Пакистане (1970-1980-е гг)

Идея национальной идентичности в Пакистане традиционно строилась на представлении о мусульманской общности. Однако в разные периоды существования независимого Пакистана роль ислама в построении концепции национального единства была неодинакова. Период 70-80-х гг XX в. — включающий в себя пребывание у власти гражданской администрации Зульф리카ра Али Бхутто (1971-1977 гг.) и сместившего его военного диктатора Мухаммада Зия-уль-Хака (1977-1988 гг.) — сопровождался ростом религиозных настроений в пакистанском обществе и проведением комплексной исламизации, которая затронула одновременно поли-

¹ В терминологии А.В.Челноковой

тическую, экономическую, судебную и социальную сферы. В основе данного процесса лежал целый комплекс факторов. Важнейшую роль сыграло образование в 1971 г. на месте Восточной провинции Пакистана государства Бангладеш, что, с одной стороны, сделало Пакистан религиозно более однородным, а с другой — спровоцировало рост этнонациональных конфликтов и возникновение идеологического кризиса, способного привести к дезинтеграции Пакистана.

В качестве меры по укреплению государственной стабильности исламизация вышла на первый план в начале 1970-х гг., что нашло отражение в конституции 1973 г., провозгласившей Пакистан Исламской республикой. Следующим шагом в сторону укрепления религиозных основ нации стало объявление секты ахмадия неисламской (1974 г.), введение запрета на азартные игры и потребление алкоголя, закрытие кинотеатров и ночных клубов (1977 г.). Сместивший З.А. Бхутто в 1977 г. генерал М. Зия-уль-Хак провозгласил ислам основной общенациональной ценностью, сделав религиозную риторику главным обоснованием легитимности власти военных. Задачей своего режима М. Зия-уль-Хак считал установление в Пакистане исламского порядка («низам-и мустафа»), предусматривавшего возврат к нормам жизни времен праведных халифов. Была создана сеть шариатских судебных органов (суды кази), которую возглавлял Федеральный шариатский суд, применявший традиционные исламские наказания. В 1981 г. М. Зия-уль-Хак создал Федеративный совет Маджлис-и-шура, который был призван помогать правительству в ускорении процесса исламизации.

При всей комплексности исламизации в политической, экономической и общественной сферах, в идеологическом отношении властями не было предложено ничего принципиально нового. Введенные как З.А. Бхутто, так и М. Зия-уль-Хаком меры либо копировали шаги, уже предпринятые на более ранних этапах исторического развития Пакистана, либо не шли дальше декларативных заявлений, допускавших самое широкое толкование. Исламизация характеризовалась не конструктивностью, а концентрированностью предпринятых мер.

Неспособность властей создать на базе конкретных мер по исламизации единую теоретическую модель объяснялась невозмож-

ностью выстроить таковую, не спровоцировав при этом внутринациональную рознь. Закрепив приоритет конкретного религиозного течения, правящий режим автоматически лишился бы поддержки остальных. Это было неприемлемо, учитывая многочисленность в Пакистане шиитов (15-25% населения), а также наличие существенных противоречий между местными суннитскими школами деобанди и барелви. В этой ситуации комплексная исламизация по определенному образцу могла иметь деструктивное значение для построения пакистанской нации, поскольку привела бы к неконтролируемому росту внутриконфессиональных конфликтов. Предпосылкой к этому могла стать начавшаяся в 1980-е гг. эскалация движения шиитов, явившаяся протестом против исламизации по модели М. Зия-уль-Хака.

Другая причина идеологической поверхностности исламизации — тот факт, что на протяжении всего указанного периода для властей она была не самоцелью, а попыткой смягчить общественные противоречия. Пакистанское руководство с самого начала стремилось пресечь конкуренцию со стороны религиозных партий, что свидетельствовало о нежелании доводить исламизацию до логического завершения — то есть установления теократии. Как при З.А. Бхутто, так и при М. Зия-уль-Хаке исламизация происходила «сверху», то есть инициировалась светским правящим режимом и использовалась им в качестве меры для достижения политических интересов (легитимизация и популяризация собственной власти).

Несмотря на то, что процесс исламизации в Пакистане сочетался с отсутствием единого официально утвержденного идеологического «образца», религиозные настроения в обществе в 1970-1980-е гг., несомненно, усилились. Однако в идейной сфере, в отличие от остальных, исламизация в большей степени происходила «снизу», поскольку провалы в официальной идеологии восполнялись силами региональных этнических и религиозных организаций. В результате в отдельных провинциях Пакистана роль религиозных вождей взяли на себя представители местных этнических элит. Это привело к тому, что исламизация общества, которую пакистанские власти пытались противопоставить регионализму, не погасила этнические движения, а наоборот, была абсорбирована ими.

Таким образом, проводившаяся в Пакистане в 1970-80-е гг. исламизация не смогла стать эффективным средством национальной консолидации. Заявленный властями курс на исламизацию предполагал, что усиление религиозных основ общества приведет к обновлению идеи национальной идентичности, к консолидации нации и торжеству общегосударственного сознания над этническими. Однако эффект оказался противоположным: исламизация в Пакистане оказала негативное воздействие на процесс национальной консолидации и, не привнося принципиально новых элементов в идею национальной целостности, в то же время придала дополнительный импульс центробежным тенденциям.

Фридман И.А.

Еще раз об «иудейских» элементах в практике эфиопских христиан

Среди африканистов, семитологов и специалистов по религиям ближневосточного региона общеизвестным является факт наличия в эфиопском христианстве целого ряда черт, резко отличающих его от европейских христианских Церквей и сближающих с иудаизмом. Здесь полезным представляется дать краткую сводку таких культовых и обрядовых особенностей Эфиопской Церкви.

- эфиопы обрезают своих младенцев мужского пола. Мальчики подвергаются обрезанию не в возрасте семи-восьми лет, как у мусульман, а на восьмой день после рождения, как у евреев. Практикуют эфиопы, подобно арабам-бедуинам, и эксцизию;

- эфиопские христиане-монофизиты чтят субботу как день покоя, посвященный Богу, наравне с воскресеньем;

- верующие эфиопы-христиане тщательно соблюдают ветхозаветные пищевые запреты, изложенные в библейской книге Левит (гл. 11). Они, в частности, не употребляют в пищу мясо таких животных, как свинья, заяц, верблюд и ряда других;

- главной святыней эфиопского храма с древности является табот, представляющий собой, по убеждению верующих, копию Ковчега Завета, некогда стоявшего в Святой Святынях иерусалимского храма, а ныне, по учению Эфиопской Церкви, пребывающего

в древней столице страны — городе Аксум, в Церкви Марии Сионской, почитаемой в Эфиопии «матерью церквей». Именно *табот* сообщает храму святость, именно он более всего почитается верующим народом.

Все эти, а также некоторые другие, менее бросающиеся в глаза аспекты традиционной жизни эфиопских христиан, служили, само собой разумеется, объектами острой критики со стороны европейских миссионеров начиная с XVI века — времени первого знакомства европейцев со страной. Дело здесь в том, что, согласно учению как Католической, так и Православной Церкви, с пришествием Бога в мир, Его проповедью, крестной смертью и воскресением обрядовые предписания Ветхого Завета, данные некогда израильскому народу для его воспитания в духе верности Единому Богу, потеряли свою силу — в силе донныне остаются лишь нравственные ветхозаветные заповеди, прежде всего Десять Заповедей Моисеевых. По этой причине «иудейские» обычаи эфиопов однозначно трактовались европейцами как «мерзкие суеверия» и должно было пройти немалое время, прежде чем европейская наука смогла подвергнуть рассматриваемые практики беспристрастному анализу.

На сегодняшний день эфиопистика располагает рядом серьезных исследований, посвященных выяснению как происхождения «иудейских» следов в эфиопском христианстве, так и степени его влияния на повседневную жизнь христианской части населения страны. Среди этих исследований должны быть в первую очередь названы статьи Э. Уллendorфа¹, М. Роденсона², Э. Хаммершмидта³ и Э. Айзека⁴.

В нашей работе мы дадим обзор существующих на сегодняшний день взглядов на данную проблему и попытаемся сформулировать нашу собственную позицию.

¹ Ullendorff E., Hebraic-Jewish Elements in Abyssinian (monophysite) Christianity // *Journal of Semitic Studies* 1 (1956), pp. 216-256.

² Rodinson M., Sur la question des 'influences juives' en Ethiopie // *Journal of Semitic Studies* 9 (1964), pp. 11-19.

³ Hammerschmidt E., Jewish Elements in the Cult of the Ethiopian Church // *Journal of Ethiopian Studies* 3, 2 (1965), pp. 1-12.

⁴ Isaac E., An Obscure Component in Ethiopian Church History // *Le Muséon* 85 (1972), pp. 225-258.

Хохлова Л.В.

Роль светского образования в размежевании религиозных общин в колониальной Индии

В доколониальной Индии преобладало религиозное образование, которое состояло в основном в заучивании наизусть канонических текстов. Должность учителя как правило не требовала подготовки в специальных учебных заведениях и часто передавалась от отца к сыну. Хинду получали начальное образование в патхшалах, где школьники заучивали мантры и знакомились с некоторыми шастрами, мусульмане — в коранических школах, сикхи — в школах, где изучался сикхский канон — Ади Грантх и т.д. Кроме ограниченно конфессиональных, существовали также интерконфессиональные учебные заведения. Например, в Панджабе это были «персидские школы», где преподавание велось на персидском языке — официальном языке не только Могольской империи, но также и независимого сикхского государства, основанного в 1801 г. Махараджей Ранджитом Сингхом (1780 — 1839). В персидских школах учились не только мусульмане, но и представители других конфессий, преимущественно хинду, так как знание персидского языка было необходимо для поступления на государственную службу. Учителями были в основном мусульмане, но могли быть и сикхи или хинду. Для изучения персидского языка и истории в этих школах использовался текст «Сикандарнама» — мифологизированная история могольской династии. В Бенгалии, напротив, существовали «патхшалы», в которых учителя-хинду обучали представителей разных конфессий чтению, математике, навыкам составления официальных документов, основам санскритской грамматики, знакомили их с текстами Пуран. Профессиональное образование могло включать или не включать религиозный аспект. Например, ткачи-мусульмане в Бенаресе получали базовые знания Корана, в то время как купцы-хинду даже моральные и этические правила своей профессии изучали без обращения к религии.

Направленное влияние британской администрации на систему образования в Индии начинается с 1813 г., когда были выделены первые 100000 рупий на создание системы светского образования для индийской элиты, которая могла бы впоследствии оказывать колониальной администрации помощь в управлении государс-

твом. Британская колониальная администрация установила новые стандарты светского образования, где преобладали математика, география и естественные науки, большая роль отводилась преподаванию английского языка и литературы. Статус преподавателя теперь требовал профессиональной подготовки. Религиозное образование было отделено от светского как в государственных учебных заведениях, так и в тех школах и колледжах, которые получали государственные субсидии (оплачиваемые индийскими налогоплательщиками). Преподавание религии не запрещалось, однако разрешалось только в дополнение к основной программе. Созданный англичанами в 1855 г. Департамент народного образования сохранил в качестве языка преподавания в государственных средних школах фарси, который затем был заменен урду; при этом в преподавании истории должны были использоваться учебники, рекомендованные британской администрацией.

Парадоксом на первый взгляд представляется то, что введение современного светского образования, пропаганда западных идей демократии, прав личности, отделение религии от школы привели к усилению межконфессионального размежевания населения. Имелся ряд факторов, обусловивших подобное размежевание: это и новая экономическая ситуация, и политика британской администрации, поддерживавшей в разное время разные религиозные общины и намеренно сталкивавшей их интересы, — и другие. Однако здесь будет проанализировано лишь то, каким образом введение англичанами светского образования повлияло на усиление межконфессиональных конфликтов. Один из примеров — использование англичанами школьных уроков по истории и географии для усиления конфессиональной самоидентификации хинду. Основные акценты в преподавании этих предметов легко обнаружить в докладе директора Департамента народного образования от 1858 г., который, говоря об успехах англичан, писал о том, что если еще два года назад индийские школьники совсем не знали географии, то теперь в каждой тахсиле есть мальчики, которые могут подробно описать историю мусульманских вторжений в Индию. 'Открытие' с помощью английских ученых индийских древностей, установление родственных связей санскрита с другими индо-европейскими языками и возникновение на этой основе сравнительно-исторического языкознания как нового научного направления усиливали

гордость хинду своим славным прошлым и их идейную конфронтацию с «захватчиками»-мусульманами. Если до 1882 г. британская администрация делала значительные финансовые вливания в христианские миссионерские школы, то с 1882 г. ставка была сделана в основном на учебные заведения, создаваемые индийцами. Особой благосклонностью властей пользовались созданные реформистской организацией хинду Арья Самадж колледжи DAV (Dayanand Anglo-Vedic Institution). Центром как политической, так и образовательной деятельности Арья Самадж был Панджаб, где имелись 11 колледжей DAV, в которых обучались 25% от всего состава студентов колледжей. Арья Самадж ратовала за современное светское образование и одновременно за «возвращение к истокам» (т.е. к ведийскому наследию), а также за обращение мусульман в индуизм, что вызывало ответную негативную реакцию мусульманской общины, отстававшей от хинду в изучении английского языка и приобщении к светскому образованию. Важную роль в конфессиональном противостоянии играли также споры о языке обучения.

Шлыков В.И.

Турецкие религиозные организации в Германии и проблемы интеграции турок в немецкое общество

Процесс формирования турецкой диаспоры в Германии берёт своё начало 30 октября 1961 г., когда между Турцией и ФРГ было подписано соглашение, согласно которому Турция начала официально экспортировать рабочую силу в Германию с последующей ротацией. С момента подписания этого договора начался организованный массовый выезд турецких рабочих в ФРГ, а впоследствии и в другие европейские страны. За сорок лет турецкая диаспора в Германии превратилась в трёхмиллионную быстрорастущую диаспору, которая по-прежнему сохраняет тесные связи с исторической родиной. Степень интеграции турецких иммигрантов в Германии различается в зависимости от таких факторов, как возраст, уровень образования, религиозность, место рождения и т. д.

В среде турецкой диаспоры в Германии всегда существовали религиозно ориентированные организации. Особенно их

привлекательность выросла после событий 11 сентября 2001 г. Среди турецких экспатриантов стали очень популярны мусульманские характеристики общины как формы иммигрантской политической мобилизации и своего позиционирования. Особенно после того, как президент США Дж. Буш-младший разделил мусульман на «плохих и хороших» и объявил о начале «крестового похода» против терроризма. В то же самое время немецкие политики и СМИ начали более пристально смотреть на ислам и на мусульманские общины в Германии в частности. По существу после 11 сентября сформировались две формы мусульманских общин и две интерпретации ислама: с одной стороны, ислам, поддерживаемый государством, а с другой — ислам как угроза государству.

На сегодняшний день в турецкой диаспоре наибольшим влиянием пользуются две исламские организации, различающихся своим подходом к проблеме интеграции турецких мигрантов в немецкое общество. Первой из них является Турецкий исламский союз (*Diyanet İşleri Türk İslam Birliği*), связанный с Главным управлением по делам религии и поддерживаемый турецким государством, а также частично германскими государственными институтами; второй является Исламское общество Национального взгляда (*Islamische Gemeinschaft Milli Görüş*), которое не поддерживается ни одним из государств и рассматривается как «угроза» как для немецкого, так и турецкого общества. Каждая из этих организаций имеет определённую идеологию и большое число членов. Так, только один Исламский союз контролирует 800 мечетей в Германии, а Исламское общество — 514 мечетей по всей Европе, большая часть которых также находится в Германии. В течение нескольких десятилетий они создали свои социальные сети в Германии; у каждой организации имеются женские и молодёжные группы, курсы по изучению Корана и похоронные фонды, и обе пытаются привлечь к себе одну и ту же группу последователей ислама — второе поколение мусульман в Германии.

Союз и Общество не сотрудничают вследствие драматических различий в их политических взглядах. Члены обеих организаций не слишком высокого мнения друг о друге. Различия между ними не ограничиваются лишь политической идеологией. Общество находится в менее выгодном положении, поскольку Ведомство по

охране конституции ФРГ внесло его в список, «представляющих угрозу немецкой демократии». Его рассматривают как часть политического ислама, который препятствует полной интеграции иммигрантов в немецкое общество. Ведомство также констатирует, что Общество предпринимает антиинтегративные усилия, особенно настаивая на религиозном обучении детей.

Ключевой проблемой для немецкого общества в его взаимоотношениях с турецкой диаспорой является проблема интеграции. Причём стороны по-разному понимают её содержание. Если для первых она заключается в усвоении европейских культурных ценностей и фактической утрате турками своей мусульманской идентичности, то вторые, в первую очередь в лице Исламского общества, занимают активную позицию, расценивая интеграцию по-немецки как ассимиляцию. Несмотря на то, что большинство его членов является турками-мусульманами Организация Национального взгляда хочет создать в Германии поликультурную мусульманскую общину, включающую другие группы мусульман и быть официально признанной немецкими властями. Фактически Исламское общество занимается прозелитизмом. Однако этот идеал не находит одобрения со стороны немецкого государства. Как заявляет видный представитель Национального взгляда Мустафа Йолдаш: «Мы хотим иметь такой же уровень институционализации как христиане и иудеи. Нам не нужны деньги, мы хотим быть легитимным партнёром».

В последнее десятилетие Национальный взгляд отказывается от жёсткой идеологии духовного лидера Н. Эрбакана и получает новый толчок к развитию в Турции и в Германии. С появлением двух партий внутри организации Национального взгляда, Партии справедливости и развития Реджепа Эрдогана и Партии счастья Реджаи Кутана, естественно встаёт вопрос о том, кто на самом деле выражает идеологию Национального взгляда. Как заявил сам Р. Эрдоган «Мы сняли рубашку Национального взгляда». Аналогичные процессы происходят и в организации в Германии. Отход от Эрбакана и консерваторов в сторону Эрдогана и обновленцев отмечает важное событие в эволюции. Это существенно для понимания, что партийные коллизии в Турции отражаются на Национальном взгляде в Германии и его поведении в вопросе об условиях интеграции турок-мусульман в немецкое общество.

Якушев М.М.

Религиозные аспекты османского дворцового церемониала

Османский дворцовый церемониал играл важную роль в повседневной жизни султанского двора. Он включал в себя множество обрядов, большинство из которых были напрямую связаны с государственной религией Османской империи — исламом. Сам султан в теократическом государстве османов был не только политическим, но и духовным лидером всех мусульман, обладая титулом халифа. С распадом Османской империи и закатом халифата все эти «реакционные» церемонии османов были упразднены и преданы забвению.

В основе публикуемых тезисов лежат неизвестные архивные документы, авторами которых были российские дипломатические представители в Константинополе, которые либо присутствовали на описанных церемониях, либо получали достоверную информацию «из первых рук» османских сановников.

Одной из самых любопытных и самобытных дворцовых церемоний является религиозный обряд «гирки» (осм. *хирка-и шериф*), названный российским посланником в Константинополе А.С. Стахиевым (1776–1781) «чином водоосвящения Магометовой рясы», а его приемником на этом посту Я.И. Булгаковым (1781–1787) — «обрядом водоосвящения Магометанской ризы».

На 15 день священного для мусульман месяца Рамадана придворные чиновники и высшие государственные сановники приглашались на поклонение священным реликвиям пророка Мухаммеда (осм. *эманат-и мукаддесе*), хранившимся в дворцовой сокровищнице, названной российским дипломатом Д.В. Дашковым (1817–1822) «святылицем», в котором находились наиболее почитаемые исламские святыни: «Хыркаи-шериф и Санджаги-шериф, т.е. риза и знамя Пророка».

По свидетельству Д.В. Дашкова, «в этом месте каждый султан, при восшествии на престол, совершает первую свою молитву и принимает поздравления от придворных; туда входят с ним однажды в год (15 Рамазана) Садразам и Шейх-уль-Ислам (Верховный Везирь и Муфти), с первейшими государственными сановни-

ками снимают покрывала с ризы Могаммедовой, целуют ее край, и обмакивают оный в воду».

По словам российского дипломата П.А. Левашова (1761–1768), этот обряд начинался с «погружения в воду части Магометовой одежды, хранимой между драгоценными султанскими сокровищами».

О судьбе емкостей с освященной водой мы узнаем из нескольких источников — донесений российских дипломатических представителей: П.А. Левашова (она «раздавалась в небольших хрустальных сосудах самым знатным токмо особам, а они от себя другим и соблюдали ее чрез целый год»); А.С. Стахиева (вода «разливалась в хрустальные бутылки» и «разсылалась к султаншам и знатнейших чинов особам»); Я.И. Булгакова (она «разсылалась от Султана ко всем чиновным в подарок»); Д.В. Дашкова (вода «разсылалась, как святыня, к Принцам крови, в харем Султанский и ко всем присутствовавшим при сем обряде»).

Примечательно, что в этот же день по окончанию вышеописанного обряда начиналась другая, уже светская, церемония, названная «баклавной процессией» (осм. *баклава алайи*), во время которой султан угощал янычар пахлавой, которую российские дипломаты называли «янычарским пирожным», или «воинским сладким пирогом», приготовленным на «имперской кухне» (осм. *матбах-и амире*).

В целом Османский дворцовый церемониал сочетал в себе как религиозные обряды, так и светские протокольные мероприятия. К описанным церемониям следует отнести, прежде всего:

- мероприятия по случаю исламских государственных праздников: жертвоприношения (осм. *курбан баирами*, или осм. *бююк баирами*), разговения (осм. *шекер баирами*, или осм. *кючюк баирами*) и дня рождения пророка (осм. *мевлед-и расул*);

- дворцовые церемонии, связанные с восшествием на престол нового султана, которые включали в себя «сабельную процессию», или «процессию с мечом» (осм. *килич алайи*), обряд восшествия на трон (осм. *джулус-и хумаюн*), обряд опоясывания мечом (осм. *таклид-и сейф мубарекде*) — ритуал, который, по словам русского генерального консула в Бейруте К.М. Базили (1839–1853 гг.), «заменяет в потомстве завоевателя коронавание»;

- дворцовые торжества, связанные с рождением султанского ребенка: «колыбельная процессия», или «процессия с люлькой» (осм.

бешик алайи), обряд рождения принца или принцессы (осм. *вилядет-и хумаюн*), а также обряд вступления в должность великого визиря (осм. *садарет алайи*), обряд отправления ежегодных даров в Мекку и Медину (осм. *сурре алайи*) и вышеупомянутая «баклавная процессия» (осм. *баклава алайи*);

- церемонии приема иностранных послов, аккредитованных при султанском дворе государств; вновь назначенных султаном пашей перед командированием их в провинции Османской империи; подарей вассальных княжеств Валахии и Молдавии, а также правителей Крымского ханства.

История, источниковедение и историография древнего и средневекового Востока

Арешидзе Л.Г.

Региональный баланс сил и угрозы безопасности России в Северо-Восточной Азии в конце 1990-х- начале XXI века

Существует целая серия угроз геостратегическим интересам России на региональном уровне, в частности, в районе СВА. Под угрозами на региональном уровне в данном контексте мы понимаем совокупность опасных для жизненно важных интересов нашей страны вызовов в области военной безопасности применительно к Северо-Восточной Азии, исходящих, прежде всего, от США, Китая и Японии.

Необходимо подчеркнуть, что Россия в силу разных причин –экономических, политических, научно-технических и военных не могла после «холодной войны» играть ту роль, которую играл Советский Союз в СВА, как вторая военная сверхдержава мира. Особую озабоченность вызывал тот факт, что современная милитаризация СВА происходила на фоне сокращения военного присутствия России в регионе в 1990ые годы. Ухудшались качественные параметры российских вооруженных сил и ВМФ, устаревала военная техника, падал уровень военной подготовки. В 1990ые годы Россия существенно сократила и зону ответственности нашего Тихоокеанского флота, а периметр безопасности России сузился до внутренних морей Дальнего Востока. Некоторая корректировка нашей военной политики в СВА произошла с приходом к власти В.Путина.

Главные вызовы интересам нашей безопасности в регионе в начале XXI в. исходили от США, которые оставались единственной сверхдержавой в системе международных отношений, как на глобальном, так и на региональном уровне. Россия была обречена жить в условиях враждебности в СВА как со стороны Америки, так и со стороны Китая и Японии. США были полны решимости не допустить усиления китайской гегемонии в регионе, тогда как Китай или Япония не видели для себя будущего, кроме как в роли регионального лидера. Россия была не в состоянии уравновесить в регионе военную мощь США.

Угроза национальной безопасности нашей стране со стороны США была обусловлена тем решающим обстоятельством, что главным театром военных действий в СВА могли стать богатые энергетическими ресурсами Сибирь и Дальний Восток.

Угрозы нашей безопасности в СВА исходили также от Китая. Растущая милитаризация региона подстегивала заметное усиление военной мощи Китая, и прежде всего — его военно-морских сил в регионе. Вокруг Китая формировалась новая архитектура отношений в СВА и многие серьезные аналитики считают, что феномен развития Китая представляет мировую геополитическую проблему XXI в., так как способствует обострению напряженности не только на региональном, но и на глобальном уровне. Угроза безопасности национальным интересам России на китайском направлении исходила не столько от самого Китая, сколько от интересов Запада и прежде всего США столкнуть Китай и Россию, поскольку без этого противостояния Америке было бы куда сложнее реализовать свои амбициозные гегемонистские притязания в Северо-Восточной Азии.

Отношениям Китая с Россией после «холодной войны» по-прежнему была свойственна двойственность, недоверие и неопределенность в плане стабильности долгосрочных интересов, сохранение «полей напряженности». Китайскому руководству, например, хорошо было известно, что среди части российской политической элиты сохранялись антикитайские настроения и опасения за возможные действия Китая за спиной Москвы в СВА.

Показательно, что среди 10 «самых больших врагов Китая» второе место занимала Россия с высоким индексом опасности (Япония — на третьем месте, а США — лишь на 4-ом).

Для России новая роль Китая в мировой политике и экономике имела два негативных следствия: во-первых, это обострение конкуренции в мире за природные ресурсы, и, во-вторых, усиление инфляционных тенденций в мировой экономике, наносящих сокрушительный удар по неокрепшей российской экономике. По валовому потреблению природных ресурсов КНР уже сравнялась с США и Китай уже стал крупнейшим и наиболее быстрорастущим потребителем ресурсов в мире.

Китай выступал против перспективы вхождения России в качестве равноправного члена в региональные экономические и политические организации, уже давно существовавшие в Северо-Восточной и Юго-Восточной Азии. Вопреки российским интересам власти КНР хотели бы полностью превратить ШОС в подконтрольную Китаю структуру, являющуюся своего рода «козырной картой» Пекина в будущей игре с США и создающую Китаю дополнительные благоприятные возможности для давления на Вашингтон при решении Тайваньской или Корейской проблемы.

Рост милитаризации Китая неизбежно вызывал милитаризацию Японии, а с учетом неопределенности для Токио последствий развития ситуации на Корейском полуострове, решения Тайваньской проблемы и возможного вывода американских войск из региона, Япония могла бы быстро пополнить ряды клуба ядерных держав. Последнее привело бы к кардинальному нарушению баланса сил в СВА и как следствие — к усилению напряженности и неопределенности на российских дальневосточных границах, что никак не отвечало долгосрочным интересам нашей страны.

Угроза национальным интересам России на китайском направлении была сопряжена и с обострением проблемы китайской миграции в районы российского Дальнего Востока. Опасность этой угрозы усиливалась одновременно с ростом китайских инвестиций в эти районы, что позволяло Китаю обрести серьезные рычаги влияния на местные институты власти и тем самым еще активнее увеличить неконтролируемые потоки китайских мигрантов на российскую территорию.

Серьезным вызовом интересам безопасности России в новой формировавшейся после «холодной войны» системе международных отношений в СВА становилась и Япония. Японские власти не намерены были мириться с положением «политического карлика»

при огромном набранном экономическом, финансовом, технологическом потенциале и военном потенциале страны, который нарастал быстрыми темпами. Япония откровенно готовилась к участию в региональных конфликтах в СВА, а это уже напрямую затрагивало национальные интересы нашей страны в регионе.

Япония активно укрепляла военные связи с НАТО. В мае 2006г. состоялся первый официальный визит члена правительства, министра иностранных дел Японии Таро Ассо в штаб –квартиру НАТО за все время существования этой организации. Безусловно, Япония сотрудничала с НАТО на неофициальном уровне и раньше, но официально афишировать эти связи она не решалась. Сегодня это делалось в открытую. Вероятно, это также составляло важный компонент новой военной политики Японии.

Показательным в этом отношении является то, что территориальные споры Японии с Россией не стихали. Напротив, создавалось впечатление, что Токио был готов в любой удобный момент использовать этот козырь для обострения отношений с Россией.

Волкова Е.В.

Некоторые аспекты внешней политики Мьянмы (2000-е годы)

Основные направления и приоритеты внешней политики Мьянмы в первое десятилетие XXI века определялись как внутривосточной политической ситуацией, так и воздействием внешних факторов, обусловленных процессами, протекающими в регионе ЮВА и на международной арене. Формирование ее внешнеполитического курса было направлено на решении ключевых задач, связанных с обеспечением национальных интересов страны и созданием благоприятных внешних условий для ее развития, исключающих возможность открытого вмешательства извне под гуманитарно-правовыми предлогами и смягчающих остроту внешнего давления. Реализация основных внешнеполитических целей существенно осложнялась фактором неприятия со стороны США и ЕС пришедшего к власти режима и введением ими финансово-экономических санкций в отношении Мьянмы. В изменившихся условиях мьян-

манской дипломатии стало сложнее применять тактику лавирования между крупными державами, используя конкуренцию и трения между ними для получения политических и экономических дивидендов, которая весьма успешно применялась ранее. Возникла необходимость диверсификации внешнеполитических связей в рамках традиционного курса равноудаленности от мировых и региональных «центров силы».

Мьянма активизировала региональное направление своей внешней политики, расширяя двусторонние связи с соседями и участвуя в интеграционных процессах в рамках АСЕАН. Динамично развивались отношения Нейпидо с Китаем — основным политическим партнером, поддержка которого на внешнеполитическом треке, в том числе в ООН имела большое значение для мьянманского военного руководства. С Мьянмой связан ряд китайских проектов в экономической, энергетической, оборонной сферах (альтернативный транзит ближневосточных углеводородов, добыча нефти и др.). Отношения с этой важной для Пекина как в геополитическом, так и в ресурсном плане страной, по мнению российских экспертов, являются значимым аспектом стратегии Китая в ЮВА.

Мьянма стремилась придать максимально сбалансированный характер своим контактам с соседними государствами. Свидетельством укрепления мьянмано-индийского взаимодействия стал обмен визитами на высшем уровне в 2004-2006 гг., в ходе которых были достигнуты договоренности, определяющие поступательный вектор развития сотрудничества в экономической и военно-технической сферах, в области противодействия терроризму и наркобизнесу.

Кампанию критики и давления на Мьянму возглавляли США, которые включили ее в число шести «форпостов тирании» в мире под предлогом отсутствия прогресса в восстановлении гражданской формы правления и неудовлетворительного, с точки зрения Запада, положения с соблюдением прав человека. США ввели и поддерживают финансово-экономические санкции в отношении Мьянмы, блокируют предоставление ей помощи по каналам международных организаций. Вместе с тем заинтересованность США в ограничении нарастающего влияния Китая в регионе, по-видимому, побудила Вашингтон предпринять шаги, направленные на возобновление контактов. В августе 2009 года состоялась встреча

Председателя ГСМР Мьянмы старшего генерала Тан Шве с главой подкомитета по Восточной Азии и Тихому океану Комитета по международным делам Сената США Дж. Уэббом. Нормализация мьянмано-американских отношений и отказ от политики изоляции Мьянмы могли бы способствовать ослаблению зависимости ее от Китая и улучшению международного положения страны.

Укрепление российского вектора внешней политики Нейпидо содействует поддержанию стабильности и баланса сил в регионе. Об успешном продвижении на этом направлении свидетельствуют итоги визита в Москву в апреле 2006 года заместителя председателя ГСМР Мьянмы вице-старшего генерала Маун Эйя, в ходе которого подписан пакет межправительственных и межведомственных документов, консолидирующих договорно-правовую базу и определяющих приоритетные направления развития мьянмано-российского сотрудничества в торгово-экономической и технологической областях, в сфере образования. Подходы двух стран к основным международным и региональным проблемам близки или совпадают, что дает им возможность взаимодействовать и в рамках многосторонней дипломатии. Так, Россия наложила вето на проект резолюции по вопросу о ситуации в Мьянме в СБ ООН в январе 2007 года, оказав ей значимую поддержку в противостоянии попыткам воздействовать на внутривнутриполитическое положение в стране.

Проведение Мьянмой многовекторной и сбалансированной внешней политики, в актив реализации которой можно включить развитие отношений с крупными державами — Китаем, Индией и Россией, позволило нейтрализовать негативное влияние финансово-экономических санкций и внешнего давления на Нейпидо, способствовало обеспечению национальной безопасности страны и сохранению независимости ее внешнеполитического курса.

Горячкин Г.В.

О ранних Всеобщих переписях населения Египта

Общественная статистика в Египте сравнительно развита. Еще в последней трети XIX в. руками иностранцев, заполнивших страну в различных общественных и государственных секторах, ста-

ли издаваться статистические сборники, которые включали пока примитивные общие сведения о численности жителей по национальному, религиозному, половому признаку и т.д. Сюда же входили данные о количестве иностранцев в стране, о школах... См., например: *Statistique de l'Egypte 1870, 1871, 1872, 1873*. Они имеются в Российской государственной библиотеке. На основе их появляется в печати одно из первых российских справочных изданий о Египте: Египет. Краткий исторический очерк и современное состояние его. СПб., 1882.

Со временем статистическая служба достаточно окрепла и набралась опыта. В 1882 г. выходит первая Всеобщая перепись населения в Египте в двух томах (Таадад · Умум Суккян аль-Кутр аль-Мысрий. Аль-Кахира, 1882). Один из издателей этого ценса итальянского происхождения Амичи-бей заложил традицию — публиковать отчет об изданной переписи в популярной форме, написав книгу: *Amici Bey F. L'Egypte ancienne et moderne et son dernier recensement. Alexandrie, 1884*. Это исследование есть в Москве.

В 1897 г. в стране появляется следующая Всеобщая перепись населения: Таадад суккян аль-Кутр аль-Мысрий 1897. Аль-Кахира, б.г. В истории Египта это была самая подробная перепись, учитывавшая такие нюансы в структуре населения Страны пирамид, которые даже не нашли отражение в последующих цензах населения 1907, 1917, 1927, 1937, 1947, 1960 гг. Последние переписи имеются в московских библиотеках.

Согласно переписи 1897 г., общая численность населения в стране в конце ХVХ в. составляла 9734 тыс. человек, в том числе 112,6 тыс. иностранцев, из которых было 38,2 тыс. греков, 24, 5 тыс. итальянцев, 19,6 тыс. англичан, 14,2 тыс. французов, 7,1 тыс. австро-венгров, 765 испанцев, 472 швейцарцев, 293 американцев, 256 бельгийцев, 247 голландцев, 105 норвежцев и шведов и т.д. (стр.68).

По цензу 1897 г. из 3192 русских в Египте было 332 мусульманской веры, 2546 христиан, из них 2349 православных, 138 католиков, 59 протестантов, а также 313 евреев (там же).

В переписи указывается, что из россиян земледельческими работами занимались 13 человек, 20 трудились в кофейнях, 19 — поварами, 12 — бакалейщиками, 23 были молочниками, 20 — порт-

ными, 18 — столярами, 9 — штукатурами, 16 — жестянщиками, 35 — механиками, 29 — мелкими торговцами, 18 — башмачниками, 22 — табачниками, 95 подвизались в торговле, 63 человека — в судоходстве (лодочниками), в услугах насчитывалось 78 человек, 34 работали инженерами, 8 человек трудились врачами, 6 — адвокатами. В армии и полиции («кувва аскарыйя») служили 1755 человек (там же, стр. 74).

Кроме того, здесь обращает на себя внимание образовательный уровень иностранцев. Если среди египтян было 94,5% неграмотных, то среди иностранцев: у греков — 32%, итальянцев — 26%, французов — 23%, англичан — 18%, немцев — 4%, русских — 18%, австрийцев — 23%, бельгийцев — 2%, испанцев — 23%, португальцев — 9%, норвежцев и шведов — 2%, американцев — 6%, швейцарцев — 1% (там же, стр.70).

Главный разработчик переписи населения 1897 г. А. Буанэ-бей издал книгу *Dictionnaire géographique de l'Égypte*. Le Caire, 1899. Имеется в СПб. По представлению Российско-Императорского Дипломатического Агента и Генерального Консула в Египте Кояндера А.И., «состоящему при здешнем Финансовом Советнике и заведующему Отделом статистики и Народной переписи французско-подданному А. Буанэ-бею по Высочайшему усмотрению был пожалован орден Св. Станислава второй степени за: 1. три экземпляра Географического словаря, из коих один предназначен для Императорского Министерства иностранных дел, а два других — для Учебного Отделения Восточных языков; 2. один экземпляр (три тома) результатов Всенародной переписи населения Египта, предназначаемый для нашего Центрального Статистического Комитета». При этом подчеркивалась готовность французско-подданного А. Буанэ оказывать постоянную помощь российским дипломатическим представителям (АВПРИ, ф. Генконсульство в Египте, оп. 820, д.207, 1900 г., лл. 22-22 об., 150-150 об.).

К сожалению, этот трехтомник не был обнаружен нами в Санкт-Петербурге, равно как и в Москве. Несмотря на помощь египетских коллег-историков он не был найден и в Каире. И лишь в муниципальной библиотеке Александрии в Мухаррам-беке оказался как этот трехтомник, так и двухтомник переписи 1882 г. (в открытом доступе и в хорошем состоянии).

Деоник Д.В., Ульянов М.Ю.

Исторические границы Восточной и Юго-Восточной Азии

В своих современных границах регион Восточная Азия включает территории КНР, Корейского п-ва, Японских островов, а Юго-Восточная Азия — территории Индокитайского и Малаккского полуостровов, островов Филиппинского и Индонезийского архипелагов. Важнейшая особенность заключается в том, что разделяющая их современная геополитическая граница не совпадает с границей исторической, существовавшей в древности. Сейчас она соответствует государственной границе КНР и стран ЮВА на Индокитайском п-ве, в древности пролегла по территории совр. КНР и соответствовала на востоке руслу р. Хуайхэ, текущей в южной части Великой китайской равнины между двумя великими реками Хуанхэ и Янцзы.

Скажем об этом подробнее.

1. Исторически регионы Восточная и Юго-Восточная Азия неразрывно связаны и должны рассматриваться и описываться как единое историческое пространство. Такой подход соответствует современному этапу исторической науки, когда за последние 20–30 лет накоплен и осмыслен новый материал, полученный в результате археологических раскопок в КНР и анализа письменных источников, а также данных лингвистики, палеоэтнологии, генетики, палеогеографии, геологии и др.

В прошлом, когда такой возможности не было, не существовало и целостной картины исторического процесса на этом пространстве. История современной Восточной и Юго-Восточной Азии описывалась историками дискретно, сама по себе. Рассмотрение истории ЮВА ограничивалось ее современными границами и начиналось с первых веков н.э., а при изучении истории Восточной Азии в центре внимания находился только один район, в котором формировалась государственность предков китайцев *хуася*, а именно, часть бассейна Средней Хуанхэ (прежде всего долина р. Вэйхэ)¹. При таком подходе история именно этого небольшого по площади района сухоходльного

¹ В настоящее время первым государственным образованием в Восточной Азии принято считать государство предков аустроазиатов (вьетов) Нижней Янцзы второй половины 3 тыс. до н.э., столица которого находилась в районе городища Моцзяошань. См. Деоник Д.В. Царство Мо — первое государство Региона Восточной Азии (прото-ЮВА). — Губеровские чтения, сб. 1, М., 2009.

земледелия (просоводства) и заменяла историю всей Восточной Азии, а огромные пространства южнее Хуанхэ и севернее Красной реки являлись либо его далекой периферией, либо «белым пятном» и детально не рассматривались. Наша задача — разработать и предложить модель описания истории двух регионов в их целостности.

2. Исторический регион Восточная Азия рассматривается в неразрывной совокупности двух его составляющих частей: северной (бассейн Средней Хуанхэ и Шаньдун, собственно «древняя Восточная Азия» от границы евразийской степи до долины Хуайхэ) и южной (бассейн Янцзы), т.е. севера древней «прото-Юго-восточной Азии» (от долины р. Хуайхэ до хребта Наньлин).

Северная часть современного региона Восточная Азия в средней и нижней частях бассейна Хуанхэ и может быть отнесена к историческому региону «Восточная Азия» как таковому. Именно здесь протекала история *хуася* (обобщенное название народов, говоривших на языках сино-тибетской языковой семьи) — предков *ханьцзу*, государствообразующего этноса современной КНР, истоки государственности которого восходят к государству Шан (ок. 1300-1027 гг. до н.э.)¹.

Внутренней границей между историческими регионами является долина р. Хуайхэ (на востоке) и долина верхней части р. Ханьшуй (на западе). Долина р. Хуайхэ является проекцией климатической изотермы, отделяющей зону умеренного климата от субтропиков. В древности эта изотерма проходила несколько севернее. Здесь же — северная граница разведения риса. Поэтому со времени появления здесь земледельческих поселений (ок. 9 тыс. до н.э.) то, что впоследствии стало южной частью современного региона Восточная Азия, т.е. область субтропиков, включающая рисоводческие земли между долиной реки Хуайхэ и хребтом Наньлин, являлось северной частью региона «прото-Юго-Восточная Азия», граница которого, соответственно пролегла значительно севернее современной границы ЮВА.

Таким образом южная часть Восточной Азии в древности (9 тыс. до н.э. — III в. до н.э.) одновременно принадлежала двум историческим регионам: это и южная часть Восточной Азии, и северная часть «прото-Юго-Восточной Азии». Соответственно, история се-

¹ См. Деопик Д.В. Некоторые важнейшие аспекты формирования государственности в Восточной и Юго-Восточной Азии в 3-2 тыс. до н.э. — Ломоносовские чтения. Апрель 2007. Востоковедение. Тезисы докладов. М., 2007.

ра «прото-Юго-восточной Азии» является одновременно и частью истории Восточной Азии, и частью истории Юго-Восточной Азии.

3. Что такое «прото-Юго-восточная Азия» в целом?

История «прото-ЮВА» связана с историческими судьбами австралонезских этносов, на основе которых в конце 4-3 тыс. до н.э. сформировались народы, говорящие на языках хмонг-миен (мяо-яо), пара-тайской, аустроазиатской и аустронезийской (на Тайване) языковых семей.

В «прото-ЮВА» можно выделить следующие части:

1. **северная:** южная часть бассейна Хуайхэ, бассейн р. Янцзы до хребта Наньлин. Это заселенные хмонг-миенами и аустроазиатами земли царств Чу, У, Юэ периодов Чуньцю-Чжаньго (771–221 гг. до н.э.). Позднее она вошла в качестве южной части в исторический регион Восточная Азия;

2. **центральная:** бассейн реки Сицзян или Юэцзян (в целом территории совр. пров. Гуандун, Гуйчжоу, восток Юньнани, Гуанси-Чжуанский АР) и Индокитайский п-в. Заселены тайцами, аустроазиатами, отчасти тибето-бирманцами;

3. **южная:** острова Индонезийского и Филиппинских архипелагов, Тайвань, а также Малаккский п-в и острова. Заселены аустронезийцами, вытеснившими исконное австрало-негроидное население;

4. **западная:** Восточная Индия. Заселена народами мунда и другими аустроазиатами; их потеснили, но не ассимилировали полностью индийцы-арии.

Все эти народы объединяет общая генетика (по мужским хромосомам), основополагающий хозяйственно-культурный тип — рисоводство; исходный пра-язык. Именно они заселили север «прото-Юго-Восточной Азии» и современную Юго-Восточную Азию. Особняком стоят тибето-бирманцы (отделившиеся от сино-тибетцев ок. 5 тыс. до н.э.), которые заселяли юго-западную и западную часть современной КНР (а позднее проникли в ЮВА)¹. В наше время представители ука-

¹ В центральной части прото-ЮВА население бассейнов Красной реки и Сицзяна (Юэцзяна) ближе друг к другу, чем к населению остальных очагов. Неолит Индокитайского п-ва (кроме Вьетнама) и островной части (Нусантары) изучен недостаточно. До начала бронзового века Центральный, Восточный Индокитай и Нусантара имели ряд общих черт. Зато в бронзовом веке влияние Донгшонской культуры, связанной с южными вьетами — аустроазиатами низовий Красной реки и севернее, распространилось на центральный и западный Индокитай и на острова Нусантары.

занных выше этнолингвистических групп живут на юге КНР (бассейн Янцзы и южнее) и в ЮВА (включая Индокитайский полуостров и острова Индонезийского и Филиппинского архипелагов).

Итак, «регион Восточная Азия» и «регион Юго-Восточная Азия» это современные географические и геополитические понятия, а «прото-ЮВА» и «древняя Восточная Азия» — понятия исторические и этнолингвистические. Оба древних региона можно называть «восточной частью Старого Света».

4. Преставление о динамике межрегиональной границы способствует пониманию особенностей исторического процесса в восточной части Старого Света.

Связи и взаимное влияние между северной и южной частями Восточной Азии существовали с самого начала земледелия (с 9 тыс. до н.э.), они значительно интенсифицировались, начиная с неолита (ок. 2500 г. до н.э.).

Граница между двумя регионами на протяжении древности менялась в пространстве и во времени¹. Сначала ее подвижность была связана с изменением климата и перемещением народов с их особыми способами сельскохозяйственной деятельности, обусловленными климатическими факторами. Поскольку зона умеренного климата постепенно расширялась на юг, соответственно, с этим на юг уходили и автохтоны-рисоводы (аустрические народы), а их место занимали иноэтнические пришельцы — просоводы (сино-тибетцы). Одновременно, в зоне расселения сино-тибетцев происходил геоморфологический процесс формирования Великой китайской равнины как новой историко-культурной Зоны с несколькими мощными аграрными очагами на месте пролива, отделявшего древнее побережье от островов Шаньдунского архипелага². Возникновение

¹ О пространственной границе региона Восточная Азия см. Деопик Д.В., Ульянов М.Ю. Ландшафтно-хозяйственные пределы зон интенсивного земледелия в регионе Восточной Азии в неолите — Эволюция социально-политических систем в древних и средневековых обществах (по археологическим и этноисторическим источникам). Тезисы докладов Всероссийской научной конференции. М. 2006. А о выделении периодов и их временных границах см. Деопик Д.В., Ульянов М.Ю. Основные этапы исторического процесса в регионе Восточная Азия в IX–I тыс. до н.э. — Ломоносовские чтения. Апрель 2009. Востоковедение. Тезисы докладов. М., 2009.

² См. Деопик Д.В. Некоторые важнейшие аспекты формирования государственности в Восточной и Юго-Восточной Азии в 3–2 тыс. до н.э. — Ломоносовские чтения. Апрель 2007. Востоковедение. Тезисы докладов. М., 2007

Великой равнины создавало особые исторически благоприятные условия для ускоренного социального развития именно этого этноса.

Подвижность региональных границ естественным образом связана с развитием государственности. Государственность зарождается в энеолитический период (2500-1800) в южной части двуединого региона Восточная Азия, т.е. в прото-ЮВА, а именно на Нижней Янцзы в районе озера Тайху («государство Мо»). Оно является первичным, т.е. возникло на основе своего опыта, не имея исторических предшественников. Оно может быть отнесено к числу ранних государств номового типа. В свою очередь оно стало источником социального опыта для последующих ранних государственных образований. Именно отсюда импульс государственности постепенно распространяется по Янцзы и на Шаньдун (от «государства Мо» — к «культуре Учэн» к югу от оз. Поянху; а также памятник Саньсиндуй на западе Сычуаньской котловины и городища на севере Шаньдуна), а затем и в южные аграрные очаги древнего региона Восточная Азия (памятники Эрлитоу 2-3 и Эрлиган, позднее — государство Шан). В целом, подчеркнем, что государство Шан (ок. 1300–1027), которое возникло во многом с использованием южных традиций, является не первым, а последним из государств номового типа, но в нем формировался более сложный социальный комплекс, который привел к более раннему и динамичному формированию развитых государств с политическими центрами именно в «древней Восточной Азии» (период Западное Чжоу). Похожие процессы происходили в древности и в Передней Азии.

В 1 тыс. до н.э. государства *хуася* Средней Янцзы и Шаньдуна были основными противниками государств севера «прото-ЮВА» царств Чу, У и Юэ в борьбе за земли Великой равнины.

Сформировалась Восточная Азия в близких к современным границах к первым векам н.э. Тогда территории восточной Индии, заселенные мунда и другими аустроазиатами, были заняты (в политическом отношении) индоариями. Начиная с III в. до н.э., с возникновением империи Цинь, ядром которого становятся *хуася* Средней Хуанхэ и Великой равнины, границы китайского государства продвинулись южнее хребта Наньлин и достигли границ современной ЮВА. Именно тогда «север прото-ЮВА» был в политическом плане поглощен и началось его постепенное вхождение в состав Восточной Азии. А с I в. до н.э. (период Западная Хань)

земли бассейна р. Янцзы и южнее начали активно включаться в состав государства *хуася*; политическая граница китайской империи на юге дошла не только до бассейна р. Сицзян, но южнее, вплоть до бассейна Красной реки. В целом современные границы ЮВА устанавливаются только к X в. н.э., после ухода китайских войск из бассейна Красной реки.

В целом, смещение границы исторического региона Восточная Азия на юг определялось сначала климатическими и демографическими факторами (неолит, энеолит и ранняя бронза), а затем политическими (со средней бронзы).

Козицкий И.С.

Роль малайзийской государственной идеологии в решении межэтнических проблем на современном этапе.

Политика малайзийских властей в области решения межэтнических проблем на протяжении последних десятилетий обеспечивает сохранение стабильности и процветания страны. Основные принципы национальной политики в стране, где малайцы составляют только половину ее населения (китайцы 23,7%, индийцы 7,1%, коренные народности о. Борнео 11%, и оставшиеся 7,8% — малочисленные национальные группы), были сформулированы после кровопролитных столкновений на этнической почве в конце 1960-х гг. и остаются практически неизменными вплоть до сегодняшних дней.

В 1970 г. правительство приняло на основе разработанных ООН рекомендаций¹ единую и обязательную для всех граждан общемалайзийскую идеологию — Рукунегара (буквально — основа государства), в которой Малайзия рассматривалась как «многонациональное государство», и вся деятельность в политической, экономической, социальной сферах, в вопросах культуры и образования должна быть подчинена идее достижения национального

---

¹ Данная рекомендация упоминается в Международной конвенции о ликвидации всех форм национальной дискриминации, которая была принята Генеральной Ассамблеей ООН в 1965 г. и вступила в силу в 1969 г.

единства как необходимого условия дальнейшего развития страны. На практике это означало, с одной стороны, сплочение всех коммуналистских групп в единую нацию без ущерба их историческому и культурному своеобразию; с другой — создание условий для достижения их экономического равноправия при сохранении социальной стабильности и национального мира¹.

С этой целью вскоре была разработана и принята программа экономического развития страны — Новая экономическая политика (НЭП), рассчитанная на двадцатилетний период и призванная повысить активность малайского населения в сфере экономической деятельности. Усиление позиций малайской группы в экономике рассматривалось как важнейший фактор для ускорения процесса индустриализации страны и повышение темпов экономического роста в целом. Помимо этого при помощи НЭП власти стремились преодолеть традиционно сложившееся закрепление определенных хозяйственных функций за отдельными этническими группами.

На протяжении последующего периода эти принципы оставались практически неизменными и обеспечивали стабильные темпы развития страны. Некоторый пересмотр постулатов «Рукунегара» был проведен после прихода к власти шестого премьер-министра Малайзии Наджиба Разака. В апреле 2009 года сразу после назначения на пост новый премьер выступил с обращением к нации, в котором обозначил приоритеты своей новой концепции государственного курса «Единая Малайзия».

Главное, что выделил Разак, касалось открытого диалога между всеми этническими общинами страны с обсуждением запретных ранее «чувствительных тем», касающихся привилегий коренных жителей страны. Основная цель, которую поставил перед правительством новый премьер, — создание открытого общества, граждане которого вне зависимости от национальности и религиозной принадлежности имеют равные права и обязанности. Для этого Наджиб Разак предложил ряд законодательных изменений, направ-

---

¹ Согласно статье 2.2. Конвенции, «государства-участники должны принимать [...] особые и конкретные меры в социальной, экономической, культурной и других областях, с целью обеспечения надлежащего развития и защиты некоторых национальных групп или лиц, к ним принадлежащих, с тем чтобы гарантировать им полное и равное использование прав человека и основных свобод.»

ленных на либерализацию частного предпринимательства в ключевых сферах малайзийской экономики, а также стимулирование притока иностранного капитала в страну.

Кроме того были разработаны меры по повышению уровня жизни наименее обеспеченных слоев населения, модернизации инфраструктуры сельских районов, развития системы общественного транспорта по всей стране. Для достижения этих задач Разак привлек к работе в новый кабинет министров ряд успешных малайзийских топ-менеджеров крупнейших компаний страны, которые, по его мнению, смогут в короткие сроки добиться конкретных результатов. Одновременно была разработана и введена система оценки эффективности труда государственных чиновников, которые отныне должны дважды в год отчитываться в правительстве о проделанной работе.

В 2009 году при непосредственной поддержке Наджиба Разака начал свою деятельность Фонд «Единая Малайзия», среди задач которого — помощь беднейшим слоям населения городов и сельских районов, обеспечение неимущих жителей столицы социальным жильем. В рамках новой концепции государственного курса по всей стране открылась сеть клиник, обеспечивающих малайзийских граждан квалифицированной медицинской помощью по доступным ценам.

Уже в начале января 2010 года программа нового премьера, обеспечившая высокий уровень доходов малайзийцев, доступные кредиты на жилье и автомобили, доказала свою жизнеспособность. Когда по стране прокатилась серия поджогов христианских церквей и церковно-приходских школ, в результате чего пострадали 12 католических храмов (на восстановление которых из федерального бюджета было выделено около 176 тыс. \$ США), ситуация готова была выйти из-под контроля и вылиться в межконфессиональные столкновения. Однако благодаря твердой позиции Наджиба Разака, а также оперативным мерам, предпринятым Министерством внутренних дел, дальнейшую эскалацию столкновений на межрелигиозной почве удалось избежать. Провокации, инспирированные, по мнению ряда политологов страны, сторонниками оппозиционной Малайзийской исламской партии (ПАС), не нашли поддержки у широких слоев населения.

Олюнин С.В.

Поиски новых методологических подходов к изучению стран Ближнего и Среднего Востока

На факультете международных отношений Белорусского государственного университета, ведется подготовка специалистов в области востоковедения по специальности Е 1-23 01 03 «Лингвострановедение». Данная специальность была открыта в 2001-2002 учебном году со специализациями «Лингвострановедение Ближнего, Среднего и Дальнего Востока» и присвоением выпускникам квалификаций «востоковед-международник», «переводчик-референт по восточному и западному языку». Назначение специалиста — дипломатическая, информационно-аналитическая и переводческая работа. Кроме того, он может заниматься научно-исследовательской, педагогической и административной работой. Деятельность специалиста предполагает выполнение функций эксперта и консультанта в области востоковедения, переводчика-референта по соответствующему языку. Она направлена на изучение современной международной обстановки в Афро-Азиатском регионе, вопросов международной и национальной безопасности с целью расширения политических, экономических и культурных контактов Республики Беларусь со странами Востока.

Практика преподавания востоковедческих дисциплин показывает, что изучить восточный язык без изучения культуры крайне сложно. Изучение языка связано с изучением культуры, которая открывается владеющему языком. Изучать культуру необходимо для изучения языка, т. к. язык является отражением культуры. Погружение в востоковедческую проблематику проходит через комплексное изучение, как языка, так и культуры изучаемой страны. Таким образом, необходимо одновременно совершенствовать язык и развивать знания о стране. Этот принцип заложен в основу представления о том, каким должно быть лингвострановедение как специальность.

Лингвострановедение как междисциплинарная отрасль научного знания предполагает преподавание ряда учебных дисциплин по лингвистическому и страноведческому блоку с включением в них дисциплин специализации, к которым относятся: литера-

тура, мифология и религия, этнография, искусство, политическая система, внешняя политика, основы права изучаемой страны и ряд других. Динамично развивающаяся специальность позволяет привлекать методы из других областей гуманитарного знания, расширять проблемное поле исследования. Кроме того, при непосредственном расширении проблемного поля, привлекаются новые формы и методологические подходы к изучению искомого объекта.

Одной из таких форм являются полевые исследования, которые успешно применяются в социальной антропологии и могут быть адаптированы к методологии работы лингвострановеда. Непосредственный контакт с изучаемым народом позволяет применить на практике весь комплекс знаний, умений и навыков, которыми обладает исследователь с одной стороны, и получить новые данные об изучаемой стране — с другой.

В рамках развития дисциплины лингвострановедения в феврале текущего года автором были осуществлены полевые исследования в Центральном, Средиземноморском и Юго-Восточном регионах Турции. Цель поездки: изучение страны методом включенного наблюдения. Сознательно ставился максимально широкий круг задач, которые можно условно разделить на два блока: методологический и фактологический. В данном исследовании приоритетным определялся именно первый блок. Это объясняется тем, что данная поездка была первой, соответственно пробной и призвана была на практике «обкатать» возможность реализации таких проектов. Методологический блок включал в себя следующий перечень задач: отработать методику и практику прохождения маршрута, в рамках практики межкультурной коммуникации наладить контакты с представителями различных регионов страны, проверить логистические возможности, совершенствовать навыки работы с оборудованием во время включенного наблюдения. Фактологический блок предполагал непосредственный сбор фото, видео, аудио материалов, ведение записей информации, полученной от носителей культуры.

Предполагаемый маршрут должен был включать в себя города, имеющие богатую историю, занимающие определенное место в современной жизни Турции, обладающие заметным своеобразием, в определенных случаях находящиеся на культурном

пограничье. В то же время, это должны были быть по возможности не «растиражированные» места. Отклонения от маршрута предусматривались, однако на практике удалось сохранить направление и последовательность перемещения, с внесением минимальных корректив по ходу движения. Начавшись в Стамбуле, маршрут проходил через Конью, Нигде, Мерсин (Ичель), Антакью (Хатай), Шанлыурфу, Харран, Газиантеп и завершился в Стамбуле.

Время, отведенное на поездку, ограничивалось 10 днями в связи с тем, что исследование совпало с учебным процессом и по объективным причинам не могло быть продолжительным. Из всего времени, отведенного на поездку, проходившую с 20 февраля по 1 марта 2010 года, непосредственно на перемещение по городам Анатолии пришлось шесть дней.

Несмотря на ограничения по времени, в ходе поездки было покрыто расстояние длиной примерно в 7108 километров, непосредственно по Турции — около 3134 км. В поездке использовались междугородные рейсовые автобусы, автомобили для перемещения по городам и окрестностям, самолеты и водный транспорт для пересечения Босфора.

12 марта 2010 года на факультете международных отношений Белорусского государственного университета состоялась презентация описываемого проекта под названием «Дорогами Малой Азии», на которой были представлены результаты проведенных исследований. На презентации, оформленной как открытая лекция, присутствовали студенты специальности «лингвострановедение», сотрудники кафедры восточных языков, а также приглашенные гости. Собранные материалы будут использованы для подготовки лекционных и практических занятий для студентов специальности «лингвострановедение». Кроме того, часть материалов войдет в готовящееся учебно-методическое пособие по истории и современности Турции.

В завершении хочу поблагодарить всех, кто помогал мне в осуществлении указанного проекта, в том числе сотрудников кафедры Ближнего и Среднего Востока ИСАА при МГУ. С фотоматериалами, собранными в поездке, можно будет ознакомиться непосредственно на конференции «Ломоносовские чтения» (секция «Востоковедение»).

Сабилов Р.Т.

«Монгольский буддизм» — к вопросу о терминологии

Вплоть до середины XX века для обозначения буддизма, распространенного среди тибетцев, монголов и некоторых других народов Евразии, использовался термин «ламаизм». Предположительно, он появился еще в XVIII веке в Китае (*лама цзяо*), а в XIX веке был заимствован европейскими учеными и введен в научный оборот. Термин, подчеркивающий особую роль ламы, духовного наставника, в тибетском буддизме, надолго закрепился в научной и популярной литературе. Однако, с течением времени стали очевидны недостатки этого термина: сами тибетцы и монголы так свою религию не называют; буддизм в Тибете и Монголии продолжает позднеиндийскую буддийскую традицию и ничем от нее кардинально не отличается [Торчинов, Введение...]. Кроме того, в XX веке у проблемы появился и политический аспект — коммунистические режимы в Монголии, России, а затем и в Китае нередко мотивировали свои гонения на сангху тем, что ламаизм — это деградировавшая форма буддизма, не представляющая никакой культурной и исторической ценности. В результате Далай-лама XIV обратился к буддологам с просьбой отказаться от термина «ламаизм». В настоящее время он практически не употребляется в западной литературе и постепенно от его использования отказываются и отечественные ученые. Однако это, в свою очередь, породило другую проблему, актуальную для монголоведения. Дело в том, что буддизм, распространенный у монголов, называли и продолжают называть тибетским. Для этого, безусловно, есть все основания, так как монголы заимствовали буддизм из Тибета при непосредственном участии тибетских учителей. В то же время монголы практически с самого начала выступили как активные участники этого процесса, оказав значительное влияние как на политическую историю Тибета, так и на историю северного буддизма в целом. Так, благодаря монголам в тибето-монгольском буддизме появились институты далай-лам и джебзцун-дамба-хутухт (глава монгольской сангхи), без которых сейчас сложно представить буддизм. Деятельность таких людей как Нейджи-Тойн (1557-1653), Зая-Пандита (1593-1662), Занабазар

(1635-1723), Д. Равжа (1803–1856) и других значительно обогатили историю буддизма в Азии. К началу XX в. сангха в Монголии превратилась в мощную политическую и экономическую силу. Авторитет главы сангхи, Богдо-гэгэна VIII, был настолько высок, что он возглавил теократическую монархию (1911-1924). Однако в 1930-е гг. сангха была практически уничтожена в ходе антирелигиозной кампании. Ее возрождение стало возможным только в 1990-е годы после смены политического курса страны.

В настоящее время буддизм в Монголии рассматривается как традиционная монгольская религия, хотя тибетские ламы принимают активное участие в восстановлении сангхи. Прежде всего, такое отношение связано с тенденциями внутри- и внешнеполитического развития страны. Перед монголами стоит задача сохранения национальной самобытности, традиций и культуры. Монгольские власти и население в целом довольно настороженно относятся к влиянию Китая, который на протяжении нескольких столетий был главной угрозой монгольской независимости. В нынешних условиях тесные контакты с тибетской сангхой могут стать для монголов причиной конфликтов с властями КНР, а также способствовать росту китайского влияния. Поэтому главой сангхи в Монголии остается *хамбо-лама*, а не Богдо-гэгэн IX, тибетец по происхождению. По той же причине монгольские власти поддерживают монгольских лидеров в Азиатской буддийской конференции за мир, увеличивается роль монгольского языка и т.д. Более того, учитывая сложное положение тибетской диаспоры в мире и неясное будущее института далай-лам, обнаружение следующего воплощения Богдо-гэгэна в Монголии может превратить страну в основной центр тибето-монгольского буддизма в мире.

Таким образом, становится все очевиднее тенденция монгольской сангхи дистанцироваться от тибетской. Учитывая в целом самобытность монгольского буддизма и нынешний вектор развития сангхи в стране, было бы не совсем корректно называть его «тибетским». Стоит заметить, что сам термин «тибетский буддизм» также нуждается в уточнении, так как традиционная тибетская система монастырского образования серьезно пострадала в годы культурной революции. Многие известные учителя бежали в Индию и в страны Запада, где сформировался другой тип религиозной организации — дхарма-центры. Современный тибетский буддизм — это во многом модернизированный буддизм.

Представляется, что термин «монгольский буддизм» имеет все основания для существования. Ряд ученых уже используют его в своих работах [Siklos, Jerryson], отмечая специфику буддизма в Монголии. Также это согласуется с теорией Т. Линга, который считает, что буддийская традиция в каждой стране имеет свою специфику, обусловленную историей и социально-политическими особенностями [Ling, Introduction...]. Задача дальнейшего исследования — выявить и описать характерные черты монгольского буддизма, которые учитывали бы и его историю, и современное состояние.

Литература:

1. Торчинов Е.А. Введение в буддологию. Курс лекций. СПб., 2000. С. 140-141.
2. Jerryson M. *Mongolian Buddhism: The Rise and Fall of the Sangha*. Silkworm Books, 2007.
3. Siklos B. *Mongolian Buddhism: A defensive account* // S. Akiner (ed.), *Mongolia Today*, London/New York, 1991.

Симонова-Гудзенко Е.К.

Понятия географической карты в японской письменной культуре VIII-XII вв. (тезисы)

1. Одной из главных посылок данного исследования явилась коллективная монография, посвященная понятию *тху* (яп. *дзу*) в китайской письменной культуре. **“Graphics and Text in the Production of Technical Knowledge in China: The Warp and Weft”**. *Francesca Bray, Vera Dorofeeva-Lichtmann, Georges Metallie (eds.)*. **Leiden: Brill, 2007**. Монография состоит из 18 статей, посвященных исследованию понятия, от космограм и религиозных талисманов 200 г. до н.э. до изображений машин XIX в. Как пишет автор предисловия Франческа Брей: «Преимущество подобного подхода позволяет выявить то, что китайцы считали научно-техническими характеристиками, соответствующими всему спектру графических представлений, известных как *тху*, самостоятельных или сопровождаемых письменными текстами». Рассмотрение функционирования понятия ретроспективно, в разные исторические эпохи, позволяет увидеть его изменение, усложнение, многоаспектность.

Например, в эпоху династии Суй (581-618) наиболее распространенным значением *тху* было «карта, план, чертеж». Если принять во внимание, что наибольший объем попавшего в Японию культурного материала, включая письменные тексты, относился ко времени династий Суй-Тан (581-907), логично предположить, что именно этот аспект понятие *тху* (*изображение, план, карта*) мог получить наибольшее распространение на Японских островах.

Однако думается, что появление и существование понятия *дзу* следует рассматривать в контексте рано выработанного японской культурой механизма заимствования и адаптации инокультурных форм и явлений, который проявлялся по-разному в каждом конкретном случае.

2. Современные словари древнеяпонского языка представляют два значения понятия: 1) картина, рисунок, географическая карта, 2) аспект, знак, способ. Причем на первое значение в качестве примера дается ссылка на указ государя в «Сёку нихонги» от 738 г. Причем текст указа в источниках не обнаруживается, а под 738 г. [Тэмпё 10-5-28] встречаем напоминание о необходимости составить карты всех провинций государства.

3. Источниками исследования явились как хроникальные своды «Риккоку си», законодательный свод, деревянные таблички — моккан, актовые материалы эпох Нара (710-794) и Хэйан (794-1192).

4. Первые упоминания *дзу* встречаются в ранних письменных памятниках *Нихонсёки* (720), *Сёкунихонги* (797) и *Тайхорё* (нач. VIII в.).

Уже в «*Нихонсёки*» есть некоторые сведения, позволяющие полагать, что составители хроники были знакомы с трудами китайских географов. Это и упоминания о китайских картах и книгах, которые попали на Японские острова в общем массиве текстов с материка.

Понятие *дзу* (кит. *тху*) встречается в первом японском своде законов Рицурё (нач. VIII в.) В статье 6 *Дзусёрё* (в русском переводе Архивное управления) раздела *Сёкуинрё* (Штаты ведомств). Известно, что, начиная с периода Хань, центральное управление китайской империи обязательно включало ведомство документов и карт Неба и Земли. Оно называлось *тхушу* (карты и документы) или *тхудзи* (карты и архивы). Подобно административной системе в целом оно явилось моделью японского ведомства, которое подробно расписано как по штатам, так и функциям.

5. Моккан — особый тип источника, содержащий в первую очередь хозяйственную документацию, но в небольшой части и инфор-

мацию об образовании, литературе и др. База данных моккан института Нара дает возможность посмотреть частоту встречаемости иероглифа, контекст, в тех случаях, когда он сохранился в более, чем 44 тысячах деревянных табличек. Исследование позволило выявить всего лишь 20. Однако для исторического исследования даже подобная небольшая статистическая частота существенна, поскольку позволяет увидеть специфику. В моккан встречается два вида использования иероглифа: фонетик в названии уезда *Хадзу* провинции *Микава*; и в названии ведомства *Дзусёрё*.

6. В документации периодов Нара (646-794) и Хэйан (794-1185) встречается довольно большое количество упоминаний.

Нара ибун — 213 в период с 731 по 832 гг. Упоминается как в названии ведомства, так и самостоятельно, как некие «планы», «карты» страны Тан, страны Сираги, «изображения» Будды и ряд других.

Хэйан ибун — 549 в период с 728 по 1185 гг. Преобладают упоминания «изображений» Будды, но также «планы, карты» и как элемент названия ведомства *Дзусёрё*.

Выводы. Исследованный материал, позволяет предположить, что - иероглиф *дзу* был достаточно хорошо и широко известен, о чем свидетельствует его использование в качестве фонетика;

- авторы японских письменных источников VIII-XII вв. были знакомы с работами китайских и корейских картографов и художников;

Однако на данном этапе исследования говорить о существовании собственно японских географических карт и планов пока затруднительно.

Taşansu Türker

The Peace of Abdulhamid II and Alexander III: a Framework for Imperial Conservative Reformism and Peace Policy

After nearly two centuries of intense war period between Russian and Ottoman Empires; the period of the “two emperors” brought peace to the both empires approximately at the last two decades of the 19th

century. Although both emperors are known to have applied conservative and despotic policies inside their countries, they were in a non-declared peace position to each other for a while. This report is aimed to find a framework for understanding that period of the history of those two empires. First of all the question about the link between domestic and international politics should be asked. It is obvious that although those two spheres are not the same always, they are related to each other. Then the next question should be about the fact that conservative leaders continuing peace although this is expected from liberal modernizers of that period. For answering those questions a few general dynamics of both empires should be evaluated well in addition to the evaluation of the both emperors as well.

The history of Ottoman history at the 19th century until Abdulhamid II can be summarized with the formulation: modernization that failed because of the wars and esp. with Russia. The modernization period which began at the 18th century without being named soon turned into a systematic westrnization process under the reign of Mahmud II which then transformed to the great *Tanzimat* reforms. *Tanzimat* reforms' characteristic was that those were administrative reforms and aimed to strengthen the state system especially at the bureaucratically success of military, fiscal and other administrative spheres. The idea of reform was carried out by the Ottoman bureaucrats who enlarged their responsibility areas against the Sultan's and nearly without any opposition. A very important *momentum* for that period is the fact that process was named by the French word *civilization* and the word *Wesernization* was never questioned.

Islahat which came after 17 years has changed many things in that process. Although the soul of the Tanzimat was the administrative reform; reforms were turned to the area of social structure by *Islahat*. Also in the social structure because of the pressure of the West a priority was given to the non-Muslims' rights. The social reform and especially the priority gained by the minorities of the empire inside created the first intellectual reactions among the Ottoman intellectuals which was the founder motive of Ottoman conservatism. That imperial conservatism was full of paradoxes like constitutionalists and monarchists, cosmopolitists and monoidentical thinkers, etc. Moreover many of the Ottoman intellectuals were carrying those dichotomical ideas at the same time. However that was conservatism finally and was based on a wish for strong administration, patriotism which was against the West

because of the reaction to the Westernization process and a quest for the identity of the state was just at the centre of the debates.

Abdulhamid II was carried to the throne in 1876 by the Ottoman bureaucrats led by Midhat Pasha by the promise of parliamentary constitution. Just in a year after the opening ceremony of the parliament Russo-Turkish war of 1876-77 began supported by Midhat Pasha at the Ottoman side in spite of the experience of the lost wars of the last times who depended on the Western support which should have come for the return of those reforms led by himself with the suggestion of the West. Abdulhamid II closed the parliament and his reign began which made him known as the “red sultan” (Red meaning despotic)

It will not be an exaggeration to say that during his reign were taken the steps for modernization of the country more then the previous fifty years. Those reforms were infrastructural, educational, administrative, industrial, etc. Another characteristic of his period was the identity of *Islamism*. This identity was more for domestic reasons than any expansionist aim. In an empire which lost its original traditional cohesion after the westerner reforms the first identity project was *Ottomanism* supported by the Neo-Ottoman intellectuals. Abdulhamid II who was in a quest for a strong identity and who noticed the inevitable failure of Ottomanism formulated on the idea of citizenship turned the direction of the interior politics to the easiest and absolute source for cohesion: religion. It should be underlined that Islamism of Abdulhamid II was motivated by domestic reasons at an age he was trying to hold the empire whole. His arguments and actions about outer Muslims were only at the level of symbolism more than real effective. The last characteristic of his period is the absolute despotism. He examined the rising power of the bureaucrats against his ancestors. He watched Murad who was expected to be the next Sultan instead of himself going crazy each day. He tried to strengthen the Sultan’s authority against everyone and did not avoid any despotic policies for that. He came after a period of reform and administrative chaos which made him a reactionary absolute Sultan.

Reform process at the Russian Empire was much earlier and more strict than the one at the Ottoman Empire. Reaction and conservatism as well. Alexander II was an exception of the conservative continuity since Alexander I. Just the as opposite to his last few ancestors he was known as the “liberator tsar”. That liberation was not only for the for the Bulgarians “liberated from the Ottomans”, but also pointed

out the strict reforms inside the country. Alexander III has always been reactionary to his father, but especially after the influence of K. Pobedonostsev and M. Katkov he became more determined about his thoughts which were stronger after the Russo-Turkish war of 1877-78 while he was the commander of the left wing of the Russian Army as the *Tsarevitch*. The fast reforms of his father made him more cautious about the consequences which he examined well and understood that out of the control already. Those social reforms were motivating the political demands and even a chaos which could have bring the end of the monarchy soon. The Polish problem was sharp and fresh. The limits of his Empire was shown obviously by the West at the Berlin Congress following the war. He should have asked the question “why we had that war” when he saw that his empire took nothing at the end. Although he was much closer to the Panslavist ideas than his father was before, after he took the crown he was more close to the idea of Orthodoxy to keep the empire united. Pobedonostsev’s influence is here important sure, but moreover it is obvious that the adventurism of newly formed Panslavism was weakening the empire as well as it was a modern ideology which brought the consequence of national will which was the main motive for political demands of the liberals, too.

During their reigns both emperors were sharing the common problem of domestic political stability. They both noticed their countries were underdeveloped compared to the West. They had the same view about reforms: The administrative ones should be taken although social and political reforms are the treat for the monarchy. They both used the religious identity as the official ideology for domestic reasons. They were both conservatives in the meaning of being *anti-Westernists*. They both has circumspect psychologies. They both did not avoid despotic skills of administration.

All those factors created a mutual understanding of “two last emperors”. Instead of weakening each other they preferred to use their energy for domestic stability. It can also be argued that they took the West as the real menace and created a peace period which can be called as “two emperors league” and can be a good case for the conservative peace policy. In that framework the ideas of Leontiev at the Russian side and Ahmed Cevdet at the Ottoman side should be well examined for going to a final conclusion on imperial *raison d’état*, conservative modernist policies and reflections of those to peace in diplomatic relations.

Ульянов М.Ю.

Важнейшие особенности внешней политики царства Чу во второй половине 8 – первой половине 6 вв. до н.э. и борьба за юг Великой китайской равнины

1. Царство Чу (XI–III вв. до н.э.) — крупнейшее государство севера «прото-Юго-Восточной Азии» (южной части исторического региона Восточная Азия), расположенное в историко-культурной зоне Средняя Янцзы, в начале периода Чуньцю (771–453 гг. до н.э.) начинает выход за ее пределы на Великую китайскую равнину¹. Основной вектор внешней политики Чу с этого времени — освоение долины р. Хуайхэ и попытки закрепления за собой юга постепенно увеличивающейся Великой равнины².

2. Сведений о внешней политике всегда больше, чем о внутренней — в этом особенность описания истории Чу в источниках (основные: *Чуньцю Цзочжуань*, *Шицзи* Сыма Цяня). Сведения до начала Чуньцю — единичные данные из чуских и чжоуских исторических преданий и легенд³, а с Чуньцю — сравнительно подробная и детализированная хроникальная информации. Еще одна особенность: данные о внешнеполитических контактах касаются не всех направлений, а в основном только северного.

¹ О понятии «историко-культурная зона» см. Деопик Д.В., Ульянов М.Ю. Выявление аграрных очагов в Восточной и прото-Юго-Восточной Азии: на материале изучения археологических памятников неолита и ранней бронзы (VI–нач. II тыс. до н.э.) // Ломоносовские чтения. Апрель 2008. Востоковедение. Тезисы докладов. М., 2008.

² Об истории формирования Великой китайской равнины как историко-культурной зоны см. Деопик Д.В. Некоторые важнейшие аспекты формирования государственности в Восточной и Юго-Восточной Азии в 3-2 тыс. до н.э. // Ломоносовские чтения. Апрель 2007. Востоковедение. Тезисы докладов. М., 2007.

³ Подробно рассмотрены в работах: Ульянов М.Ю. Сведения письменных источников о первых правителях царства Чу (последняя четверть XI в. до н.э.). — История Китая. Материалы китайеведческой конференции ИСАА при МГУ (май 2004 г.). М., 2005; Ульянов М.Ю. К рассмотрению важнейших вопросов ранней истории царства Чу (вторая половина XI в. до н.э.): первые правители и локализация первого столичного центра. — Вестник МГУ. Серия: Востоковедение, № 6, 2005; Ульянов М.Ю. История царства Чу в X в. до н.э. По данным письменных источников — Три четверти века: Д.В. Деопику — друзья и ученики, М., 2007.

Назовем основные этапы этого процесса дадим им краткую характеристику:

1. Правление У-вана (741–689).

1.1. 738–710 гг. до н.э. попытка завоевания выхода из долины р. Ханьшуй на Великую равнину (нападение на царство Шэнь). Конкуренция с сычуаньским царством Ба за это пространство

1.2. 710–690 гг. до н.э. Союзнические отношения с Ба. Перенос центра тяжести внешней политики на пространство к югу от хребта Дабешань — попытки подчинения царства Суй и его соседей.

2. Правление Вэнь-вана (689 — 677).

2.1. 689–685 гг. до н.э. Окончательное закрепление за собой выхода на Великую равнину (походы на Шэнь и Дэн) и вытеснение Ба.

2.2. 684–677 гг. до н.э. покорение верховий р. Ханьшуй (походы на Цай и Чжэн). Завоевания выхода из долины р. Ханьшуй на Великую равнину (уничтожение царства Дэн).

3. Правление Чжуан-ао (676\5 — 672)

Слишком краткое, не содержит внешнеполитических событий

4. Правление Чэн-вана (671–626).

4.1. 671–667 гг. до н.э. вхождение во власть. Отсутствие внешнеполитической информации.

4.2. 666–656 гг. до н.э. Пять походов на юг «Древнего Приморья» — на царство Чжэн (к юго-западу от Великой Равнины). Успешное отражение Чу нападения коалиции северных стран во главе с гегемоном циским Хуань-гуном (656 г. до н.э.)

4.3. 655–645 гг. до н.э. Горячая фаза. Многовекторность. Продвижение вглубь долины р. Хуайхэ широким фронтом, захват небольших царств: к северу — Сюй, к югу — Хуан, Ин.

4.4. 644–640 гг. до н.э. Мирная фаза. Заключение договоров с ближними царствами хуся, обмен посольствами с Чжэн, Цай и другими царствами, расположенными на юге Великой равнины (к северо-западу от долины Хуайхэ).

4.5. 640–637 гг. до н.э. Продолжение мирной фазы. Заключение договоров с отдаленными царствами хуся Сун и Ци, расположенными к северо-востоку от долины Хуайхэ.

4.6. 637–632 гг. до н.э. Горячая фаза. Столкновение с гегемоном — царством Цзинь. Войны с крупными царствами хуся (Цзинь, Чжэн, Ци, Сун). Заключение стратегического союза с царством Вэй, расположенном на севере Древнего Приморья. Битва при г. Чэнпу (632

г.) — самая северная точка на северо-востоке, Чу терпит поражение, в результате которого продвижение на Великую равнину в этом направлении остановлено. Чжэн пытается спровоцировать новое нападение Чу на Цзинь и союзников, но чусцы отказываются

4.7. 631–625 гг. до н.э. Передышка. Концентрация на внутривосточных политических вопросах. В это время (627 г.) Цзинь заключает союз с царствами юга Древнего Приморья (Чжэн и Чэнь), вытеснив Чу из этой области, Чу сопротивляется и нападает на Цай и Чэнь

5. Правление Му-вана (625–614)

5.1. 625–624 гг. до н.э. Вхождение во власть. Отсутствие внешнеполитической информации.

5.2. 623–619 гг. до н.э. Дальнейшее продвижение в земли к югу от долины Хуайхэ (нападения на Цзян и Ляо)

5.3. 618–614 гг. Нападение на Чэнь. Зондаж прочности.

6. Правление чуского Чжуан-вана (613–591)

6.1. 613–609 гг. до н.э. Вхождение во власть. Отсутствие внешнеполитической информации.

6.2. 608–601 гг. до н.э. Многовекторность. Северный вектор — нападение на Сун на востоке (608), мирные отношения с доменом Чжоуского вана (606). Южный вектор — уничтожение царства Шу 舒 (601 г.), в состав Чу вошли земли к северу от хребта Дабешань до русла Янцзы.

6.3. 600–591 гг. до н.э. Удар по царствам всего юга Великой равнины: успешная осада столиц царств Чжэн, Чэнь, Сун. Попытки Чу закрепить завоевания на юге Великой равнины, поставив расположенные там царства хуся под свой контроль. Первое удалось, второе нет.

7. Правление чуского Гун-вана (590 — 560)

7.1. 590–576 гг. до н.э. вхождение во власть, рост внутривосточных противоречий (внутридинастическая борьба). Отсутствие внешнеполитической информации. Бегство чуского сановника в Цзинь, а затем в качестве военного советника — в царство У на Нижней Янцзы (584 г.). Цзинь готовит подрыв могущества Чу изнутри и извне

7.2. 575–570 гг. до н.э. Чу принимает ответные меры: помогает Чжэн в борьбе с Цзинь и нападает на У, которое также стремится захватить земли к юго-востоку от долины р.Хуайхэ. Назревание столкновения двух южных царств, которое будет продолжаться весь V в. до н.э.

7.3. 569-560 гг. Войны с царствами Чэнь (569, 566), Чжэн (565–564) и Сун (563–561) — новые попытки закрепиться в западной и восточной частях юга Великой равнины. В конце этого периода У пало на Чу.

Итоги.

1. Основной вектор внешней политики в рассматриваемое время — завоевание долины р. Хуайхэ, дальнейший выход и закрепление на юге Великой китайской равнины.

2. Чуские правители не воевали на несколько фронтов. Они или завоевывали области к югу от долины Хуайхэ (до хребта Дабешань), либо воевали за юг Великой равнины (разделяя западный вектор — Чжэн, Чэнь и восточный — Сун). В первой области они правили безраздельно, а во второй — сталкивались с расположенными там государствами хуася.

3. В VIII–VII вв. до н.э. очертились векторы внешней политики Чу на севере. Основной противник в это время — царство Цзинь, а в VI в. до н.э. основным противником становится царство У (кульминация 506 г. — захват чуской столицы г. Ин), но У погибнет в начале V в. до н.э., и именно Цзинь будет суждено занять и колонизовать север и центр Великой равнины — в 453 г. там возникнут царства Чжао, Хань и Вэй. А Чу в IV в. захватит земли У и Юэ на Нижней Янцзы и всем юге Великой равнины. Сюда будет перемещена столица, но продвижение далее на север (в центральную часть Великой равнины) было невозможно — земли Чу соответствовали границе рисоводческой зоны.

Ульянов М.Ю.

К вопросу о периодизации истории царства Цинь (XI в. до н.э. — 207 г. до н.э.) и последующих событий, предшествующих возникновению государства Западная Хань (202 г. до н.э. — 8 г. н.э.)

1. Проблема определения подходов к описанию «событийной истории» как важнейшей составляющей изложения «исторического процесса» в востоковедении и сейчас сохраняет свою актуальность. Историк исходит из того, что в различных обществах

одной и той же исторической эпохи при всем их разнообразии и не похожести действуют некие общие законы и закономерности. Это предполагает разработку строгих научных оснований для систематизации и обобщения материала источников. Важнейшим итогом анализа событийной истории и, в целом, важнейшей формой исторической генерализации и является «периодизация».¹

2. В основе написания «событийной истории» лежит история институтов высшей власти, поэтому в качестве исходной единицы периодизации истории одного государственного образования берется одно правление. Отсюда, один исторический период может включать в себя или несколько правлений, или при большой исторической значимости — одно правление. Таким образом, для разных исторических периодов возможны разные походы к степени подробности периодизации.

2.1. В первом случае границей периода в истории государственного образования следует считать конец того правления, которое заканчивается «кризисом», проявлением которого в летописях является сообщение о насильственном смещении монарха, его бегстве из столицы, убийстве или самоубийстве. Если никакие события не упомянуты, то указанием на кризис может быть краткий (до 5 лет) или сверхкраткий (от нескольких дней до года) сроки правлений, особенно ярким проявлением кризиса является череда кратких правлений.

Такой кризис в источниках чаще всего упоминается в виде «кризиса наследования», когда в момент передачи высшей власти обостряется борьба между господствующими в обществе группами знати, представленные при дворе в виде «группировок»², которые стремятся обеспечить власть своему представителю. Горячая фаза кризиса завершается победой одной из сторон и сопровождается договоренностями между ними («компромиссами»), которые также становятся объектом изучения и описания. При написании «событийной истории» следует учитывать, что значение кризиса очень велико. Он отражает накопившиеся противоречия в развитии общества, отмечает переход от одного состояния «политической системы» к другому и выводит на передний план наиболее вовле-

¹ В качестве образца реализации такого подхода см. классическую востоковедную работу А.А. Губера К истории голландского проникновения в Индонезию. — А.А.Губер. Избранные труды. М., 1976.

² Об их структуре См. Деопик Д.В., Ульянов М.Ю. Кризис 1127 г. и проблема перехода власти в средневековом Вьетнаме (Дайвьете) от Первых ко Вторым Поздним Ли. — Традиционный Вьетнам. Вып. III (2,5 а.л.), М., 2008

ченные в исторический процесс социальные группы. Кризис разрешается и общество переходит на новый этап своего развития.

2.2. Во втором случае — не только кризис, но и любое существенное изменение набора основных единиц исторической информации¹, что может отражать изменение характера правления. Во многом этот набор будет задан источниками, поэтому важны приемы «критики текста», нацеленные на выделение и генерализацию этих единиц.

3. В обоих случаях важно учитывать, что для источников периода древности характерны свои особенности, которые накладывают отпечаток на выделение периодов. В них историческая информация, как правило, представлена неравномерно, к тому же зачастую она носит не столько хроникальный характер, сколько черпается из родовых преданий и носит легендарный или эпический характер².

4. Нам уже приходилось писать о периодизации истории различных царств и периодов в истории Восточной Азии — царств Цзинь, Чу, в целом периодов Чуньцю и Чжаньго³. Ниже предложим вариант периодизации истории царства Цинь⁴, правители которого успешнее

¹ Об этом см. Ульянов М.Ю. К вопросу о первых упоминаниях стран Юго-Восточной Азии в китайских источниках: сведения о «стране Хуанчжи» в контексте политической и идеологической борьбы начала I в. н.э. — Губерновские чтения. Выпуск 1. Юго-Восточная Азия: историческая память, этнокультурная идентичность и политическая реальность. М., 2009.

² О методах выявления исторической информации в таких случаях см. Ульянов М.Ю. История царства Чу в X в. до н.э. По данным письменных источников — Три четверти века: Д.В. Деопику — друзья и ученики, М., 2007.

³ Ульянов М.Ю. Царство Чу — первое государство в северной части «прото-ЮВА» (конец II — конец I тыс. до н.э.): периодизация истории в эпохи Западное и Восточное Чжоу (XI — III вв. до н.э.). — Научная конференции «Ломоносовские чтения», апрель 2002 г., Востоковедение. Тезисы докладов. М., 2002, с. 65-73; Деопик Д.В., Таркина А.И., Ульянов М.Ю. Метод выделения и краткой характеристики периодов в истории одного государственного образования Восточной Азии: на примере Цзинь (период Восточное Чжоу, VIII — III вв. до н.э.) — Научная конференции «Ломоносовские чтения», апрель 2004 г., Востоковедение. Тезисы докладов. М., 2004. Книга 1, с. 37-43; Ульянов М. Ю. О выделении периодов при описании исторического процесса на примере периодизации Чуньцю (771-453 до н.э.) и Чжаньго (453-221 до н.э.) в истории Древнего Китая. — Научная конференция Ломоносовские чтения. Апрель 2008. Востоковедение. Тезисы докладов. М. 2008. С. 60-62. В этих же работах поднимался вопрос о критериях выделения и характеристики периодов.

⁴ Несколько отличный вариант периодизации был предложен в работе М.С. Целуйко. Политическая история царства Цинь (VIII-III вв. до н.э.): основные периоды и их характеристика. — История Китая. Материалы китаеведческой конференции ИСАА при МГУ (май 2005 г.). М., 2005.

всего провели модернизационные преобразования и смогли создать первое в Восточной Азии единое государственное образование.

Уникальность циньской истории в том, что объем информации постепенно увеличивается, соответственно размеры выделяемых периодов постепенно сокращаются: от столетий в начале истории до нескольких десятков лет — в правление Ин Чжэна как последнего правителя царства Цинь, до нескольких лет — в его же правление как Цинь Шихуана — первого императора, затем до нескольких месяцев — для времени после его гибели, когда началась борьба между представителями разных слоев чуской знати, приведшая к созданию нового государства Западная Хань (которое, следовательно, имеет прямое отношение не только к Цинь, но и к истории царства Чу).

Ниже будем давать краткую характеристику периодов, и там, где возможно, указывать основные социальные силы, вовлеченные в кризис.

Периодизация

0. «Легендарный» период¹

I. Становление в качестве владения «буферного» типа (ок. 1024 — 845 гг. до н.э.)²

II. Рост могущества царства Цинь (Восточное Чжоу, кон. 9 — 4 вв. до н.э.)

1. 844–676 гг. до н.э. Усиление. Вытеснение Чжоу, доминирование в долине р. Вэйхэ

2. 675 — 425 гг. Вхождение в число сильнейших царств Восточной Азии

решающее правление: Му-гун (659–621 гг. до н.э.); начало внутрдинастического кризиса в правление Хуай-гуна (428–425), который покончил собой

3. 424 — 385 гг. Временное ослабление

вызвано латентным протеканием внутрдинастического кризиса, проявившегося в переходе власти в младшую ветвь правящего рода.

¹ Оставим его без раскрытия, поскольку является не частью исторического процесса, а частью династической идеологии, основанной на одной из версий родового предания правившего в Цинь рода Ин.

² Владение созданное на основе одного из лояльных родов на границах аграрного государства со степью для защиты его границ.

III. Доминирование царства Цинь (4 — 3 вв.)

4. 384-307 гг. до н.э. Возвращение власти в основную ветвь.

Усиление

обусловлено успешными модернизационными преобразованиями Шан Яна в правление Сяо-гуна (361–338) и последующим захватом земель соседних царств на Великой равнине, в Сычуаньской котловине и бассейне верхней Ханьшуй.

5. 306-247 гг. до н.э. Начало решающей борьбы за подчинение государств Восточной Азии. Перелом в пользу Цинь.

Далее Цинь с точки зрения протекания исторического процесса становится центральным государством, вместе с этим значительно увеличивается объем и подробность исторической информации, поэтому границы периодов становятся все более краткими, а внутри выделяются все более дробные подпериоды.

IV. Становление и гибель Цинь как первого общекитайского государства (246–207 гг. до н.э).

1. 246-221 гг. Правление Ин Чжэна как правителя сильнейшего царства Восточной Азии

1.1. 246–242 гг. Наступательные войны трех «старых» циньских военачальников (против трех сильнейших царств Великой равнины — Чжао, Хань, Вэй)

1.2. 241–235 гг. Мятежи в Цинь на фоне неудачной попытки создания последней антициньской коалиции. Совершеннолетие и укрепление власти вана (естественная и насильственная смена старшего поколений в циньской элите)

Важнейшие социальные силы, вовлеченные в кризис: 1. старая элита — родовая аристократия (крупные землевладельцы), стремившиеся сохранить свою автономность и самостоятельность и их союзник, новая элита — выходцы из других царств (Хань, Чжао, Чу), стремившиеся предотвратить усиление Цинь. Обе силы были заинтересованы в сохранении контроля над центральной властью, выражавшуюся в насильственной смене правителей после их взросления; 2. новая знать, сформировавшаяся в результате реформ, стремящаяся к завоеваниям новых земель на Великой равнине и обогащению за счет военных трофеев. Именно на них будет опираться Ин Чжэн (а они — на него), выходцы из нее составят ядро преданных военачальников

1.3. 234–221 гг. Решающие захваты: уничтожение сильнейших царств Великой равнины — Хань (230), Чжао (228), Вэй (225), Чу (223), Янь (222), Ци (221).

2. 221-210 гг. до н.э. Правление Ин Чжэна как Цинь Шихуана — первого императора Восточной Азии

2.1. 221 гг. Первая «фаза реформ». Преобразования в начале правления: управления и административного деления.

2.2. 220–215 гг. Первая фаза «контр-реформ»¹. Первая серия объездов новых земель. Попытки преобразований в сакральной сфере. Продолжение объездов

2.3. 214–212 гг. Вторая «фаза реформ». Возобновление интенсивной административной и военной деятельности — завоевание и политико-экономическое освоение наиболее отдаленных северных и южных территорий востока Центральной Азии, севера и центра «прото-ЮВА» (строительство Великой Стены и Великого канала), продолжение преобразований. Начало идеологической реформы

2.4. 211-210 гг. Начало второй фазы «контр-реформ». Завершение объездов территории Цинь. Насильственная смерть правителя (?).

Важнейшие социальные силы, вовлеченные в кризис: 1. новая бюрократия от лица которой выступает аппаратчик нового поколения Чжао Гао, заручившийся поддержкой опытного аппаратчика старого поколения Ли Сы, приходит к власти в столичном районе; 2. циньская военная знать (во главе с наследником Фу Су, родом военачальников Мэн и др.) оказывается не в состоянии удержать власть в столице и с трудом удерживает ее на периферии.

3. 210-207 гг. Цинь в правление Эр Шихуана и вана Цзыина. Возрождение и усиление Чу. Война между Цинь и Чу, гибель Цинь, абсолютное доминирование Чу

3.1. Конец 210- седьмой месяц 209 гг. Возрождение Чу. Войны между армиями Цинь и Чу

¹ Контр-реформы — в данном случае, период между фазами интенсивных преобразований, который призван закрепить в обществе их результаты, дать возможность окрепнуть новым социальным силам. В эти периоды усилия реформаторов переносятся в сакральную сферу (в новейшей истории — в идеологическую). Может характеризоваться ослаблением позиций носителя высшей власти и частичной утратой управляемости.

Важнейшие социальные силы вовлеченные в кризис: 1. элиты завоеванных ранее царств, которые стремятся возродить свои царства; 2. циньская военная знать, которая оказывает сопротивление, но лишённая поддержки циньской бюрократии терпит поражение.

3.2. Восьмой месяцы 209 — 12 месяц 207 гг. Усиление царства Чу. Захват и уничтожение двумя армиями Чу циньской столицы.

Выявление двух лидеров внутри чуской элиты, которые примут участие в борьбе за высшую власть. Завершение процесса структурирования чуских социальных сил.

Важнейшие социальные силы вовлеченные в кризис: 1. крупная родовая и столичная знать древних земель Чу группируется вокруг наследственного аристократа Сян Юя, 2. локальная родовая и служилая знать — вокруг провинциального чиновника Лю Бана, породнившегося с чуским аристократическим родом Люй.

V. Постепенное подчинение территорий Восточной Азии в результате борьбы внутри элит царства Чу. Переход доминирования к роду Лю (206 — первая половина 202 г.)

1. 206-205 гг. Динамическое равновесие между Сян Юем и Лю Баном.

Формальное лидерство Сян Юя как «вана-гегемона» Западного Чу. Подчинение территорий Восточной Азии. Действия Лю Бана как Хань-вана, направленные в будущее (назначение наследника, уничтожение циньских алтарей, сооружение своих, формирование двора и аппарата управления). Отсутствие таких действий со стороны Сян Юя

2. 204 -203 гг. От динамического равновесия к прямому противостоянию.

Силовое доминирование Сян Юя при наращивании позиционного преимущества Лю Бана (несмотря на его поражения в прямых столкновениях). Утрата Сян Юем социальной поддержки

3. первая половина 202 г . Победа Лю Бана и его сторонников провозглашение Лю Бана «императором» (1 месяц — по Шици или 2 месяц — по Ханьшу). Гибель Сян Юя. Определение месторасположения столицы (во Внутризаставье)

Кризис старого времени урегулирован. Противоречие между чуской аристократией и провинциальным чиновничеством сняты.

На передний план вышли новые социальные силы. Противоречие следующего этапа истории Восточной Азии, будет связано сначала с противостоянием правителя и его родственников по мужской линии с соратниками по предыдущему этапу борьбы, затем — с противостоянием правителя с родственниками по мужской линии, а после его гибели — с противостоянием родственников по мужской (род Лю) и женской линии (род Люй).

В целом, с середины 202 г. начинается процесс формирования нового единого государства Восточной Азии — в начале своего пути оно только условно может считаться «империей» (по факту наличия у ее государя титула «императора»), в то время это конгломерат противопоставленных столичному центру отдельных владений (в которых распоряжаются родственники по мужской линии *гованы*) и фактически самоуправляющихся административных единиц (здесь распоряжаются представители влиятельных местных родов *хаоцзе*, криминальные авторитеты *ю-ся* и др.), которые будут подчинены центром только через несколько десятков лет.

П.В. Шлыков

Вакфы в Турции (1960-е — 2000-е гг.): проекты реформирования традиционного института и их результаты

Политическая оттепель 1950-х и 1960-х гг. (переход к многопартийности, принятие либеральной Конституции 1961 г.) вместе с серьезными сдвигами в экономике страны (появление крупного национального капитала, постепенное превращение этатистской экономики в «смешанную», государственно-частную) стали прологом нового этапа в истории вакфов в Турции. Идея вакфов как важной социально-экономической категории оказалась гораздо более жизнестойкой, чем это виделось кемалистам в 1920-е гг., а попытка их заменить на некие новые организационные структуры с нейтральным названием «учреждения» (*tesis*) в буквальном смысле провалилась (отчасти из-за того, что многим был непонятен новый термин, и они смотрели на него с подозрением, отчасти из-за определенной оппозиции по отношению к вакфам, усилившейся в обществе

с XIX в., а также по причине масштабной ликвидации вакфов, задевшей религиозные чувства многих турок, отсутствия больших накоплений капитала, недоверия и неприятия новых европейских кодексов за сорок с лишним лет существования этой нормы было основано мизерное количество подобных «учреждений»). К концу 1960-х гг. в турецком обществе, уже не испытывавшем жестких ограничений на любую публичную деятельность времен авторитарного однопартийного режима, создались условия для возрождения вакфов, не последнюю роль в котором сыграло и стремление новых политических элит поощрять и поддерживать социальные проекты крупного бизнеса по примеру благотворительных организаций и фондов в Европе и США.

Поправки к Гражданскому кодексу, принятые в 1967 г., вернули в общественно-правовой лексикон само понятие «вакфа», создали относительно благоприятные условия для развития филантропической активности, но вместе с тем внесли и серьезные изменения в саму сущность института. Задача инкорпорирования вакфов в светский Гражданский кодекс решалась путем синтеза многовекового опыта османских вакфов и правовых норм, регулирующих деятельность филантропических фондов в США. Однако в конечном виде закон не смог воспринять многое из классического вакуфного права и тысячелетней истории существования вакфов и в большей степени ориентировался на западный опыт правового регулирования благотворительности и соответствующие ценностные установки. По этой причине в настоящее время в Турции наблюдается некая концептуальная и понятийная неопределенность в отношении вакфов.

Эта неопределенность прослеживается, в частности, в функциональном определении вакфа. Так, прежде под вакфом понималось «обретение неким недвижимым (или считающимся таковым) имуществом, отказанным на благо всей общины, статуса юридического лица путем его превращения в собственность Аллаха (при этом оно отделялось от личного состояния, чтобы впредь его нельзя было покупать или продавать, а также наследовать)». Современное же законодательство определяет вакф как «обладающее правосубъектностью имущественное объединение (*mal topluluğu*), образованное для определенных долгосрочных целей из достаточного размера собственности и прав на ее владение, переданных физическими

или юридическими лицами». Согласно классической трактовке, вакфы должны были оказывать религиозно-благотворительные услуги всем слоям общества без исключения, обладать непреходящим характером, а имущество, передаваемое в них должно было быть преимущественно недвижимым. В свою очередь, турецкий Гражданский кодекс связал учреждение вакфа практически исключительно с его организационной формой.

Очевидно, философия «новых» вакфов была уже совершенно иной: перенести в светский гражданский кодекс присущую исламскому праву полисемантичность определения вакфа оказалось невозможно. Исчезла и религиозная составляющая вакфа (угодность Аллаху — *Kurbet kasti*), которая ранее была его неотъемлемой частью, а его учреждение в итоге лишилось дополнительных «моральных» смыслов.

Результатом этих сущностных трансформаций стало появление «общественных» и «государственных» вакфов: сначала «армейских», затем целой группы (более 20% от общей численности) вакфов социальной взаимопомощи и солидарности, которые учреждались на базе одноименного государственного фонда, управлялись главами областных и районных (губернских и уездных) администраций и по своей сути представляли собой не самостоятельные субъекты социальной сферы, а своего рода «подразделения» органов местного самоуправления (т. е. фактически отрицали традиционную модель вакфа, обладавшего организационной и функциональной субстанциональностью и находящегося вне сферы непосредственного влияния государственной власти).

Культура же индивидуальных небольших вакфов уходила в прошлое, чему немало способствовали нормы вакуфного законодательства, в которых появилось положение о минимальном размере первичного капитала «нового» вакфа (и эта планка год от года поднималась как в абсолютных, так и относительных показателях, отсекая большое количество потенциальных вакифов от учреждения «новых» вакфов).

Расширение институциональных возможностей «новых» вакфов и их количественных «бум» пришелся на 1980-е и 1990-е гг., что также как и ранее было непосредственно связано с важными сдвигами в политической и экономической жизни страны. С одной стороны, экономика Турции, отличавшаяся закрытостью и ог-

раниченными рыночными отношениями переводилась на неолитеральную модель — открытую и целиком рыночную, а Анкара обратилась с просьбой принять Турцию в ЕС, с другой, новая Конституция 1982 г. сузила возможные каналы реализации гражданской активности (главный удар был направлен, в частности, против ассоциаций — *дернеков*, часть из них впоследствии превратилась в вакфы), но в то же время власть не была склонна к воспроизведению авторитарного режима и репрессиям в отношении оппозиции. В государственной идеологии в тот период на передний план вышла доктрина тюрко-исламского синтеза, политическая элита страны сделала ставку на расширение экономических и культурных контактов с исламским миром и возвращение к традиционной для Турции системе ценностей как препятствию распространению левых идей. Совокупность этих условий позволила вакфам стать фактором мобилизации и социализации, экономическим инструментом, который используется представителями разных социальных групп в таких областях, как образование, защита окружающей среды, здравоохранение, защита детства и прав женщин, распространение и сохранение турецкой культуры. Наряду с этим, вакфы выполняют также роль социальных, страховых и пенсионных фондов, обеспечивают материальную базу исследовательских центров и осуществляют финансирование всего спектра религиозной исламской деятельности в Турции¹.

Активность вакфов в сфере экономики стала причиной их использования для решения определенных политических задач, далеко выходящих за рамки «оживления традиции в современной форме», о которой говорили архитекторы реформы 1967 г. Так, для исламистов вакфы вошли в число одного из основных инструментов социального действия: посредством своей многосторонней деятельности (публикации, собрания, конференции) они стали широко использоваться для мобилизации финансовых и человеческих ресурсов на поддержку разнообразных исламистских движений. Фонды, создаваемые исламистами, оказались далеки как от тради-

¹ Опыт Турции по возрождению вакфов — вернее, продуктивность самой этой идеи — была воспринята и в других странах и регионах мусульманского Востока: Ливии, Иордании, Судане, Алжире. Большую активность в этом проявляет Кувейт. Специальные программы содействия развитию института вакфа появились у ОИК, Исламского банка развития, Исламской организации по вопросам образования, науки и культуры (*ISESCO*).

ционного исламского вакфа, так и филантропических организаций западного образца: они не служили формированию сферы индивидуальной свободы, а наоборот — замыкали индивидуума в кругу общины, ставили его под защиту определенной идеологической группы, используя непрочность его экономического положения.

Вместе с тем, кампания по закрытию «исламистских вакфов», деятельность влиятельного Вакфа «третьего сектора» Турции (TÜSEV) и принятие в 2008 г. нового закона № 5737, нацеленного на расширение географии общественно-деловой активности вакфов и привлечение к их деятельности иностранных филантропических организаций и меценатов, фактическое стирание грани — в функциональном отношении — между финансово-экономическими организациями и «новыми» вакфами, показывают еще один возможный вариант развития этого института: его превращение в структуру, еще более близкую к международным благотворительным фондам. Можно предположить, что сужение возможностей государства вмешиваться в дела вакфов, сковывать финансово-организационную самостоятельность их существования (т. е. определенное отступление от этикетических подходов к вакфам в сторону более либеральных) будет способствовать их развитию как влиятельного субъекта «третьего сектора» и важного канала реализации гражданских инициатив. В целом, многомерность и неоднозначность современного вакфа в Турции в определенной степени отражает как «разделенность» общества по политико-идеологическим линиям, так и концептуальный «синтез» внешних ориентиров страны: одновременное желание интегрироваться в ЕС и стремление играть все более значительную роль в общемусульманских международных организациях вместе с претензиями на региональное лидерство.

Экология культуры Востока

Багратион-Мухранели И.Л.

Грузинско-русские литературные связи (Переводы XVIII века грузинской литературы на русский)

В допетровской литературе первые связи России и Грузии нашли отражение в сочинении московских книжников XVI века «Повести о Грузинской царице Динарии». Эта воинская повесть, в которой повествуется о премудрой христианской девице, оказавшейся на троне и защитившей от персов свое царство, (победившей силой молитвы Богородице и Христу врагов на ратном поле), отразились образы Святой Благоверной Равноапостольной царицы Тамары и, возможно Динары, отстоявшей в Эгриси православие от покушений монофизитов.

В имперский период попытки рассказать русским читателям о Кавказе по началу носят характер фантастический. Например, в «Исторических, Генеалогических и Географических примечаниях к СПб. Ведомостям» за 1733 год была опубликована статья И.Дриммеля «Опыт исторического доказательства о происхождении россиян от Араратцев». Спустя десятилетия в русской периодике Кавказские реалии остаются неведомой экзотикой. В «Ежемесячных сочинениях, к пользе и увеселению служащих» за 1763 год читаем, о том, что А.Ф.Ржевская (девица Каменская, супруга камергера, директора Академии Наук А.А.Ржевского) «сочинила Кабардинские письма во вкусе Перуанском, которые многими знающими людьми весьма похваляются, и почитаются лучше Перуанских писем» (С.167).

Просветительская и литературная деятельность грузинской колонии в Москве и Петербурге еще не знакома русской публике.

В 70-х годах XVIII века публикуются произведения переводной грузинской литературы. Первый русский перевод был сделан с поэмы «Барам-Гуриани» Нодара Цицишвили, поэта XVII века. Грузинский поэт разрабатывал сюжет о популярном герое Переднего Востока сасанидском царе Бахрам-Гуре (420-438) и его семи красавицах женах, которым пользовался Низами для создания своей знаменитой поэмы «Семь красавиц». Это — «Похождения новомодной красавицы принцессы Гуланданы и храброго принца Барамы, сочиненные Диларгетом, секретарем тбилисским». «Диларгетом» — т.е. переводчиком был подполковник Коллегии иностранных дел Семен Игнатъев (Эгнаташвили). История китайской принцессы Гуланданы и храброго индийского принца Барамы восходит и к европейским рыцарским романам, с поединками, похищениями, чародейством и волшебством (содержит стихотворные вставки) и к персидским повестям. В древнегрузинской литературе известны четыре извода «Большой Барамииани» — т.е. Большая поэма о Бараме, «Сказ персидский, по-грузински переведенный, о властителе мира царе Бараме и о соединении с дочерьми царей семи царств и о его жизни». Кроме того существуют прозаические переложения «Барам и Гуландам» и «Барам и Гулиджан» — упрощенное и сокращенное переложение популярных персидских романов с тем же названием.

В русском переводе использованы краткие варианты. Текст перемежается грузинскими реалиями, например в вымышленной стране Буруметского государя именем Кишвара находится храм Очопинте — персонажа грузинского охотничьего фольклора, которому полагалось отдавать некоторую часть убитых животных, одну из принцесс похищает чудовище по имени Апра-дэви. Войско царя Кишвара, составляли как конницу, так и пехоту состояло из 60.000 Бумберазов (великанов)

Принц Барам ищет в Пекине переводчика — им оказывается его однокашник, которого главный герой потерял в свое время из виду, т.к. «в то время, как я отъехал из Персии в свое отечество, то Великий Грузинский царь Вахтанг Горгасал победоносным своим оружием привел в трепет Восток, наносил равный страх и Персии». В тексте встречаются «эчи» — грузинская мера и «парасанги» — персидская.

Тогда же, в 1779 году в России печатается документальное сочинение «История Георгианская о юноше князе Амилохорове с кратким прибавлением истории тамошней земли от начала до нынешнего века, которую рассказал Усим, купец Анатолийский», написанная А.Амилахвари и также переведенная на русский язык С.И. (Семеном Эгнатошвили). Эта повесть представляет собой документальный рассказ о злоключениях противника царя Ираклия II Александра Амилахвари, бежавшего в Россию и обращавшегося в книге за покровительством к Екатерине II.

Возникающие время от времени попытки рассказать о том, что происходит «за хребтом Кавказа» — экономические и дипломатические очерки Бурнашева, Мусина-Пушкина являются спорадическими и не оставляют заметного следа.

К началу XIX века в России четко складываются различные, порой взаимоисключающие подходы к проблемам Грузии и Кавказа. Один — исходит из единства православия, признания сакральности отношений. Другой — из политических шагов Российской империи. Литература выступает объединяющим фактором. Она будет способствовать формированию третьего взгляда, который мы называем мифом о Кавказе, связанным с произведениями Пушкина, Марлинского, Лермонтова, Толстого.

Бессонова Е.Ю.

Национально-культурная специфика японских письмовников

1. В Японии издавна большое значение уделялось этикету написания писем. Функция закрепления и сохранения эпистолярных норм отводилась письмовникам. Современные японские справочные материалы по написанию посланий на японском языке, помимо представления образцов писем и описания структурно-языковых особенностей эпистолярного текста, содержат большой информационно-фактический материал, имеющий отношение к культурным традициям японского языкового сообщества. Происходит расширение тематики письмовников, которое приводит к погружению в атмосферу национально-культурного пространства и приобретению необходимых для коммуникации фоновых знаний.

2. Содержание дополнительной социально-культурной информации различается в зависимости от издания, при этом самой востребованной темой информационных разделов письмовников остаются праздники, которые не только перечисляются, но и бывают прокомментированы, и тесно связанные с природными ритмами сезонные мероприятия. Тематическое расширение, как правило, не ограничивается одной темой, в современных письмовниках рассматривается широкий спектр социально значимых проблем, которые на первый взгляд могут и не соответствовать содержанию такого рода печатных изданий. Например, приводится информация о глобальном потеплении, распространенных заболеваниях, сезонных обрядах, климатических условиях в тот или иной период, из письмовников можно узнать название каждой из годовщин свадьбы, важные вехи празднования долголетия, а также ознакомиться с перечнем японских орденов и изучить этикет преподнесения подарков и т.п.

3. Социально-значимый материал содержится не только в информационно-фактических разделах письмовников, но и в образцах клише и непосредственно в образцах писем, при внимательном прочтении которых можно вычленивать тематику, актуальную для современного японского общества.

4. По результатам анализа современных письмовников видится возможным выделение трех значимых частей: теоретической (структурно-языковые особенности эпистолярного текста), практической (образцы писем), и в качестве отдельной части — информационной, в которую входит описание традиций и реалий, существующих в современном японском обществе.

Гогиберидзе Г.М.

Экософская основа культуры народов Северного Кавказа

Реально обозначившаяся перспектива экологической катастрофы мирового масштаба вызвала необходимость интенсивного поиска инновационных идей во всех сферах современной жизни, актуализировала проблему формирования нового мышления, спо-

собного адекватно реагировать на глобальные угрозы человечеству. Решение этих сверхзадач лежит в плоскости выявления экософского потенциала, накопленного человечеством в различных этнокультурах и религиозных учениях, а также в сфере исследования их взаимодополняющих особенностей, на основе которых только и возможно конструировать инновационную стратегию сохранения жизни на Земле.

Весьма познавательным и интересным материалом в этом отношении является многослойный культурологический пласт народов Северного Кавказа, где в процессе сложного исторического развития причудливо переплелись различные религиозные, этнокультурные и народно-творческие представления. На формирование ментальности аварцев, даргинцев, кумыков, лезгин, черкесов, кабардинцев, адыгейцев, балкарцев, чеченцев, ингушей, карачаевцев, абазин и других народов Юга России оказали:

– арабо-исламские представления о мире, как о едином эко-гармоничном целом, созданном Всевышним;

– христианская культура, которая в той или иной степени присутствует на Северном Кавказе, начиная с эпохи раннего средневековья, когда еще до проникновения ислама здесь был создан епископат;

– русская национальная культура и особенно русская литература в силу теснейших ее исторических взаимосвязей.

Таким образом, культура исламских народов Юга России многослойна и неоднозначна. Что не менее важно — в ней на протяжении веков сочетались элементы ислама и христианства. Это доказывает жизненность и продуктивность исламо-христианского эко-синтеза. Кроме того, нужно заметить, что впитывая основы мировых религий, народы Северного Кавказа не могли полностью изменить свой национальный духовный мир. Безоглядно перейти из одной культуры в другую им не позволяли собственные культурные традиции, глубоко укоренившиеся в народном сознании. Горцы усваивали лишь те аспекты религиозных учений, которые не противоречили их самобытной этнокультуре. При этом они сохранили национальную ментальность и мировидение, которые красной нитью проходят через все их устное народное творчество, литературу и искусство.

Так, например, поэтическому мышлению известного балкарского писателя Кайсына Кулиева, как и всем народам Северного Кавказа, свойственно единение мира природы и человека. В его твор-

честве часто человеческое достоинство измеряется природными свойствами, являющимися для горца самыми верными и постоянными величинами. В стихотворении «Пора, несклонные к добру...» поэт прямо призывает горцев брать уроки доброты у самой природы, учиться у неё бескорыстию и щедрости. Правильно понять смысл сравнений, метафор, эпитетов поэта можно, лишь познакомившись с символикой балкарской мифологии. Так, например, чинара, в соответствии с народными преданиями, является символом могущества и долговечности; сосна — символ надежд и преодоления телесных недугов; кизил — символ любви и верности.

Когда же поэт, обращаясь к деревьям, говорит: «Братья мои!», — это не просто метафора, а безусловная вера в кровное родство с ними. Лирический герой искренне верит, что деревья скорбят вместе с ним в трагический день кончины его матери. Они именно скорбят, а не утешают, потому что утешают чужие, свои лишь скорбно молчат.

Таким образом, как в фольклоре, так и в литературе народов Северного Кавказа отражена неразрывность жизни человека и природы. В каких бы формах народная поэзия не сохранила параллель «природа-человек», перед нами всюду в видимых и осязаемых образах предстает один из важнейших законов горского бытия — закон родового единства. Сущность этого закона заключается в том, что человек не выделяет себя как обособленное явление из всей живой или неживой природы, а является ее частью, находящейся на одной плоскости с небесными телами, животными и растениями. Все в мире сосуществует в абсолютной гармонии, поэтому горец далек от мысли считать себя хозяином мира, обладателем исключительных прав. В этой связи, заноса нож над животным, он долго молится, прося прощения у природы за то, что взял на себя роль творца.

И высшая мудрость многовековой культуры народов Северного Кавказа состоит в признании гармонии основой бытия, в понимании, что духовная жизнь берет начало в природе и человеку еще очень многому надо учиться у неё:

Никому быть шумным не пристало,
Потому что в шуме прока нет.
Вы, деревья, знали это изначально,
То, что понял я на склоне лет.

(К. Кулиев. Перевод Н. Гребнева)

Восточные мотивы, предания и обычаи в сказках А. С. Пушкина

Народные сказки, как писал В. Я. Пропп, имеют глубокие исторические корни и часто восходят к древним институтам родового строя. Не служат исключением и сказки Пушкина, глубоко связанные с фольклором Востока.

1. В монгольской сказке о Буджин-Дава-хане, (аналог сказки о Царе Салтане), прельщенный «тремя сестрицами» хан взял в жены сразу всех девиц, чего, правда, не мог позволить себе герой Пушкина. Поскольку моногамия была нормой для монголов, в сказке «Волшебный мертвец» семь принцев идут в рощу «разогнать скуку», где встретили девицу сказочной красоты. «Послушай, что мы тебе предложим. Нас 7 братьев-царевичей, и у нас до сих пор нет жен. Будь нашей супругой! Девица та согласилась, и они стали жить вместе»... Очевидно почти полное сходство этой сказки с преданием киданей о Красной госпоже и сказкой о спящей царевне и 7 богатырях. «Братья милую девицу Полюбили. К ней в светлицу... Всех их семеро вошло. Старший молвил ей: «Девица, Знаешь: всем ты нам сестрица, Всех нас семеро, тебя Все мы любим, за себя Взять тебя мы все бы рады, Да нельзя, так бога ради Помири нас как-нибудь: Одному женою будь, Прочим ласковой сестрою...» Все эти сюжеты восходят к древней системе 4-х и восьмисторонних предписанных браков.

2. «Родила царица в ночь, не то сына, не то дочь, Не мышонка, не лягушку, а неведому зверюшку...» Этот сюжет также восходит к Востоку. Хроники эпохи Сун сообщают, что родная мать императора Жэнь-цзуна (1010-1063, пр. 1023-1063) была удалена из дворца императрицей Лю Э, подменившей новорожденного леопардовой кошкой и ложно объявившей себя матерью наследника престола. Мать императора умерла в 1032, за год до смерти Лю Э, и, возможно, была отравлена последней. В фольклоре Китая это предание широко известно как «Подмена наследника престола леопардовой кошкой».

3. В сказках Пушкина показан и механизм устранения матери наследника. После рождения Гвидона две «сестрицы» (вероятно,

не родные) и сватья баба Бабариха оговорили и хотят «убить» царицу, бросив ее с сыном в море в бочке (суть, гробу). Но, выйдя из бочки («второе рождение»), Гвидон стал царем «чудного острова» и наследником своего отца. В конспекте этой сказки у Пушкина зачинщицей названа мачеха Салтана (сватья баба Бабариха — старшая женщина из чужого консортного рода), которая «завидуя своей невестке, решила ее погубить». По второй версии конспекта, царь был бездетен. Поэтому женится на молодой царевне, и та рождает наследника, что вызвало «зависть первой жены», с которой царь расстался из-за бездетности.

В сказке о мертвой царевне мы видим внезапную смерть трех цариц. Все смерти кажутся случайными, но сама тройная череда выявляет их скорее закономерную, чем случайную связь с передачей власти по наследству. 1-я царица, родив царевну (сказка может приписать наследнику любой пол), умерла в тот самый день, когда «возвратился царь-отец». Предъявив дитя отцу, она, по неясной причине, «тяжелёшенько вздохнула, восхищенья не снесла и к обедне умерла». Затем новая царица-мачеха обнаруживает прямую угрозу своей власти в лице выросшей и сосватанной королевичу Елисею падчерицы, и потому дважды пытается «царевну погубить». В конспекте Пушкина царица лично «дарит царевне рубашку, которую та надев, умирает. Братья хоронят ее в гробнице». В отличие от ядовитого яблока, роль рубашки, как орудия убийства, неясна. Но дарение одежды, как особого предмета-орудия суицида, судя по дворцовым обычаям многих народов Востока, могло значить «дарение права на смерть» (в Китае это были шнур-удавка, кувшин с отравленным вином и острая золотая пластина, которую глотали). 3-я смерть, смерть царицы-мачехи, тоже быстра и прямо связана с возвращением ожившей царевны: «Злая мачеха вскочив, об пол зеркальце разбив, в двери прямо побежала и царевну повстречала. Тут ее тоска взяла, и царица умерла». Зеркало тут — предмет-символ магической власти и харизмы. Разбитое зеркало — аллегория утраты власти и внезапной смерти, по сути, суицида мачехи из-за «тоски» от безвыходной для нее ситуации. Царевна же, приняв на себя харизму (последнее признание зеркальца) и власть умершей мачехи, венчается с королевичем Елисеем и наследует положение законной царицы.

Ермаков К.В.

Культура чая в Корее на примере опыта конфуцианского мыслителя Чон Дасана (1762 — 1836)

Чай, попав на Корейский полуостров предположительно в эпоху расцвета государства Объединённое Силла (VII — X вв.) и получив особое распространение в период правления династии Корё (918 — 1392), с приходом к власти династии Чосон (1392 — 1910) был отодвинут на периферию культурной жизни общества. Утрата былой популярности объясняется тем, что правящая элита страны, активно восприняв идеи неоконфуцианства в их чжусианской трактовке, резко пересмотрела своё отношение к буддизму. Буддизм, в предшествующую эпоху пользовавшийся статусом государственной религии, подвергся секуляризации и оказался на обочине политической, экономической и культурной жизни страны. Маргинализация буддизма повлекла за собой и упадок культуры чая, который напрямую ассоциировался с медитациями и буддийскими ритуалами.

Пять столетий доминирования неоконфуцианской идеологии и гонений на буддизм не оставили культуре чая никаких «шансов». Неслучайно поэтому в отечественном востоковедении распространена характеристика современной Кореи как «страны без чаепитий». Действительно, из трёх стран дальневосточного ареала — Китая, Кореи и Японии — Страна утренней свежести, пожалуй, наименее выделяется своим чаем и традициями, с ним связанными.

Тем не менее, в истории корейского чая существовало немало попыток возродить чаеводство, открыть секреты заваривания, выработать принципы чайной церемонии, а также пробудить интерес современников к этому напитку.

Одна из таких попыток связана с именем конфуцианского мыслителя Чон Дасана (1762 — 1836). Биографию учёного принято условно делить на три этапа: период карьерного роста (до 1800 г.), жизнь в ссылке в уезде Канджин провинции Южная Чолла на юго-западе полуострова (1801 — 1818), а также возвращение в столицу и жизнь остаток дней в своём родовом поместье под Сеулом.

Чай фигурирует в поэзии молодого, успешно продвигающегося по служебной лестнице чиновника уже в ранний период его творчества. Однако в полной мере приобщиться к культуре чая Чон Дасану удалось в более поздние годы, испытав на себе всю горечь жизни ссыльного. В 1805 г. на жизненном пути будущего корифея корейского конфуцианства встречается человек по имени Хеджан, буддийский монах из расположенного неподалёку храма. Судя по всему, именно ему обязан Чон Дасан как теоретическими познаниями о чае, так и практическими навыками в области разведения чайных кустов и приготовления напитка. Первое время новообращённый поклонник чая получает от буддийского наставника уже готовые к заварке чайные листья. И в стихотворных письмах Чон Дасана, адресованных Хеджану — а их до нас дошло свыше десятка, — встречаются просьбы прислать немного чая.

Однако, не останавливаясь исключительно на потреблении этого напитка, конфуцианский теоретик переходит к самостоятельному выращиванию этого растения и обработке чайных листьев. В этом Чон Дасану начинают помогать ученики, которых он также приобщил к чайной традиции. Когда, наконец, из столицы пришло разрешение вернуться домой, Чон Дасан придумал способ, как поддерживать духовную связь со своими канджинскими учениками: через чай. Восемнадцать последователей мыслителя учредили организацию под названием «Тасинге» (условно можно перевести как «Товарищество поклонников чая») — своеобразное общество любителей чая. Согласно уставу этого общества, его члены обязывались, кроме всего прочего, ежегодно отправлять в столицу своему учителю обработанные чайные листья, поскольку сеульский климат был слишком суров для выращивания этого растения.

Помимо чисто практической деятельности, Чон Дасан оставил также определённый след в духовном наследии корейского чая. Так, его перу принадлежит около пятидесяти стихотворений на чайную тематику. Кроме того, в своём масштабном труде «Кёнъсе юпхё» (в отечественном востоковедении этот проект реформ известен как «Письма об управлении миром») конфуцианский мыслитель предлагает наладить в стране разведение чая с тем, чтобы затем использовать его в меновой торговле с Китаем, получая за свой товар лошадей.

В южнокорейской историографии существуют разные оценки места и роли Чон Дасана в культуре чая в Корее. Одни исследова-

тели склонны видеть в нём «воскресителя чайной традиции», человека, сыгравшего важную, если не ключевую роль в сохранении преемственности традиций.

Однако более продуктивным представляется поиск чайного «следа» в жизни Чон Дасана, нежели излишняя гиперболизация роли Чон Дасана в истории корейского чая. При всей значимости места, занимаемого этим мыслителем в истории корейского конфуцианства, следует признать, что лишь превратности судьбы сблизили этого человека с буддийским монахом, и при других обстоятельствах пути этих двух столь непохожих друг на друга, живущих в разных «мирах» людей вряд ли бы вообще пересеклись.

С другой стороны, настойчивый интерес к чаю, причём к техническим аспектам его разведения и обработки, был достаточно несвойственен для конфуциански образованного гуманитария эпохи Чосон, что характеризует Чон Дасана как человека любознательного, пытливого, ищущего практического применения полученным знаниям.

Зайцев В.Н.

«Персидские мотивы» в русской архитектуре XVI–XX вв. (К вопросу о синтезе культур)

После крещения Руси её зодчество, воспринявшее, как и все основные слагаемые её культуры, византийскую традицию, влилось в общий поток европейского развития. Монгольское нашествие и ордынское иго, а также усилившееся противостояние православной Руси с католическим Западом привели к её культурному обособлению от него. Одним из следствий такого обособления стало постепенное формирование собственного стиля в архитектуре, в целом основанного на прежней традиции и вобравшего в себя как разнообразные местные приёмы и художественный опыт, так и иноземные — европейские (в основном итальянские) и азиатские. Отличительными его чертами были сложная, по большей части асимметричная композиция здания и прихотливый рисунок его силуэта (пример — деревянный дворец в Коломенском), глубокая, почти скульптурная разработка рельефа стен и нередко их яркое многоцветье. Всё это мы видим в сооружении, которое принято

считать архисимволом русского стиля, — Покровском соборе что на Рву (более известном под именем собора Василия Блаженного) в Москве .

Подобного рода качества присущи отдельным сооружениям и целым ансамблям, к которым применимо понятие «персидский стиль в исламской архитектуре». Некоторые его характерные приметы имеют близкие аналоги в русском зодчестве, преимущественно церковном. Так, самые привычные в нём формы глав и куполов — шлемовидные, грушевидные, в форме луковицы — находят многочисленные соответствия в куполах мечетей Ирана, Средней Азии, Ирака, Афганистана, Индии. Источником отмеченного сходства были, вероятно, не заимствования или подражания русских зодчих, а влияние формы иранского боевого шлема, известной уже в эпоху сасанидов, и восходящего к нему шлема древнерусского на очертания глав иранских мечетей и русских церквей соответственно.

Другим свидетельством ирано-русских взаимодействий служит самый впечатляющий элемент декора иранских и русских строений периода наивысшего расцвета их оригинальных стилей (XVI -XVIII вв.) — полихромная керамика (*кашикари* в Иране, *ценинные изразцы* на Руси). Великолепный, напоминающий дорогой персидский ковёр эмалевый убор стен и куполов мечетей, дворцов, каравансараяв Исфахана, Шираза, Язда и других городов Ирана, столь близок по рисунку и колориту (но не по способу его размещения на поверхности здания) изразцовому убранству церквей и гражданских зданий Москвы, Ярославля, Нижнего Новгорода, Балахны, Костромы, Дмитрова, что о случайном сходстве говорить не приходится. Как этот «персидский мотив» мог появиться в русском зодчестве? Достоверно известно, что технология производства многоцветных изразцов, в основном печных, была завезена на Русь по инициативе патриарха Тихона из белорусских земель, находившихся в ту пору «под Литвой». Первые ценинные мастерские были созданы для украшения строившегося храма Воскресения в Новом Иерусалиме. Позднее они были переведены в Москву, где их продукция много способствовала славе таких сооружений, как Теремной дворец в Кремле, Покровский собор в Измайлове, Крутицкий теремок, здания Монетного двора, Главной аптеки, Сухарева башня. Многоцветный изразцовый декор стал одним из стилеобразующих элементов

т. н. московского (или нарышкинского) барокко и отличительным признаком ярославских шедевров, которые наряду с московскими церквями Успения на Покровке и Никола Большой крест ознаменовали собой наивысший взлёт русского храмового зодчества допетровской эпохи. Если многие конструктивные и декоративные элементы (белокаменные резные колонны, капители, раковины, волюты, модульоны и т. п.) пришли в эти строения по большей части из европейских архитектурных увражей, то орнамент и цветовая гамма изразцовых вставок, фризов, оконных наличников, карнизов (как в церкви Никола Мокрого в Ярославле) и даже сплошного керамического покрова всего фасада и кровли (Крутицкий теремок) почти не имеют (если не считать печные кафели) аналогов в современной им западноевропейской архитектуре. В русском зодчестве они выполняли роль, подобную той, что отводилось декоративному цветному камню и мозаике в архитектуре Западной Европы. Таково же назначение изразцов и в иранской архитектуре.

История русско-иранских торговых, дипломатических и иных контактов в XVI — XVIII вв. и сравнительное изучение предметов материальной культуры того времени позволяют предположить, что очевидное стилистическое родство иранского и русского изразцового искусства предопределил единый источник, из которого иранские и русские мастера черпали большинство орнаментальных мотивов (преимущественно растительных, реже зооморфных). Таким источником была богатейшая орнаментика, украшавшая изделия прикладного искусства Ирана (ковроделие, шелкоткачество, керамика, оружейное ремесло, торевтика, книжная миниатюра и т. д.). Эти предметы благодаря русско-иранскому торговому обмену (главным образом по волжско-каспийскому пути) и богатым посольским дарам в значительных количествах попадали в Москву, где были известны не только мастерам Оружейной палаты, но и за пределами Москвы, особенно в поволжских городах, и становились образцами для подражания. Если в архитектуре и прикладном искусстве Ирана эта стилистика сохранялась в целом неизменной вплоть до наших дней, то в русском зодчестве после петровских реформ она была на полтора столетия вытеснена различными западными веяниями. Она вернулась в русский обиход во второй половине XIX в., когда наступила пора поисков национального художественного стиля.

Ионов А. Ю.

Методологические ограничения в изучении культуры Китая и способы их преодоления

В современных исследованиях культуры Китая преобладают две основные установки, не позволяющие в полной мере выявить природу периодически усиливающегося интереса к древнекитайскому наследию. Их смена носит волнообразный характер. Общая картина отражает экономическую ситуацию в определённый момент времени, включая экологическую составляющую.

Зависимость автора от традиционного для западной науки расчленения предмета исследования на составляющие его элементы приводит к тому, что отсутствует целостная картина явления культуры. Аналитизм в китаеведении восходит к британской протестантской эмпирической традиции, исторически связанной с аристотелизмом. Экономический интерес в исследовательских программах данного типа выступает движущей силой.

Другой крайностью исследований является создание искусственных моделей, предназначенных для демонстрации внутренней организации явления. Это ведёт к формированию стереотипов, неадекватных оценок культурно-исторического процесса. Истоки данной методологии находятся в картезианской мысли, воспитанной в стенах иезуитского математического колледжа Ла Флеш. Во Франции был создан орден иезуитов, которому принадлежит заслуга в установлении контакта с китайским учёным сообществом.

Русская духовная миссия, открытая в 1715г., долгое время пользовалась услугами переводчиков-иезуитов. Глава VIII миссии архимандрит Софроний (Грибовский) говорил о необходимости брать пример с иезуитов. Только в 1798г. была открыта школа переводчиков при Коллегии иностранных дел.

Одним из распространённых мифов является представление о том, что Китай на протяжении всей мировой истории стремился к культурной самоизоляции. Этот миф берёт начало в Европе XVIIIв., когда благодаря усилиям миссионеров-иезуитов китайская империя предстала более совершенной в социальном отношении цивилизацией. Духовные запросы, политические чаяния и эстетические идеалы самой Европы нашли в этом образе Китая невидан-

ную ранее свободу. Феномен эмансипации, раскрепощения нравов, охватил широкие слои населения, прежде всего во Франции.

Первое в Европе упоминание о китайской науке и учёных относится к 1299г., когда была издана книга Марко Поло о путешествиях в Китай. Ещё более ранние упоминания о китайских искусствах и ремёслах содержатся в отчётах Плано Карпини (1246г., посол папы Иннокентия IV) и Гильома Рубрука (1250-е гг., второй посол короля Франции Людовика IX Святого). Этому предшествовал Лионский собор 1245г., на котором русские епископы рассказали европейцам о последствиях монгольского нашествия.

Первое посещение римскими послами Китая имело место в 120г. до н.э. При Октавиане Августе римляне различали Sinae и Serica, т.е. Южный и Северный Китай. Основной интерес — торговля шёлком (Гораций, Плиний Старший). Китайцы заимствовали то, что было диковинным для них. Например, акробатика в Китае появилась из Древнего Рима.

Ещё ранее греки описывали торговлю шёлком (Птолемей, Аристотель). Отец истории Геродот, используя сведения Аристея из Проконеса (VI в. до н.э.), упоминает загадочных гипербореев, живущих рядом с аримаспами-сюнну. По археологическим данным, вывоз шёлка начался в эпоху Чжоу.

Иудейские древности также скрывают историю контактов евреев с Китаем. С ним связывают исчезновение десяти колен Израилевых. Известны поиски раввинами списков подлинной Торы в Китае. Иудеи благодаря связям на Востоке и Западе с античности были втянуты в войны за культурное превосходство. Парфия, Бактрия, Согдиана, позднее Персия, были камнем преткновения в попытках европейских стран сделать торговлю с Китаем более дешёвой.

Морская торговля приблизила Европу к Китаю в XVII — XVIII веках. Манчжурское завоевание поставило крест на китайских морских экспедициях на Запад. Тем не менее Китай оставался высокоразвитой цивилизацией и при династии Цин, с чем связано копирование и поверхностное заимствование китайских достижений европейцами. Представляет интерес тезис аналитиков ЦРУ о глобальном технологическом лидерстве Китая вплоть до опиумных войн. Китайская культура влияла на освоение европейцами окружающего мира.

В 1853-60гг. Карл Маркс написал ряд статей о разграблении Китая. Европа и Китай в XIX — XXвв. представляли собой цивилизации-антиподы. Европейские учёные начали изучать, по сути, разграбленную и поверженную захватчиками страну. Это основание поддерживало европоцентризм и разного рода мифы о Китае. Англия и Франция сформировали «военный» и «гражданский» способы проникновения в его культуру. Реакция китайского общества на европейскую науку не была однозначной. Прагматизм китайцев со временем породил интерес к её строгому рационализму и формализму.

В то же время китайская традиционная наука была по возрасту старше любой европейской научной школы. Новоевропейская наука бурно выделяла области исследований со второй половины XIX века., что привело к методологическому кризису европейских наук XXв. Основным методологическим достоинством китайской науки, вобравшей в себя традиционные и нетрадиционные подходы, является тенденция к развитию, предполагающая сохранение древности, а не преодоление её.

Истоки методологических проблем исследований Китая в европейской культуре следует искать в общей психологической установке учёного на раскрытие механизма изучаемого явления. Западный утилитаризм сталкивается с китайским прагматизмом.

Областью пересечения интересов китайских и иностранных специалистов, изучающих культуру Китая, является прежде всего исследование материалов, источников, текстов. Поэтому способы преодоления методологических ограничений должны быть следующими:

- интерпретация, основанная на христианской экзегетической традиции;
- интерпретация, основанная на конфуцианской школьной традиции, являющейся практической семиотикой.

Литература:

1. Гране М. (2008) Китайская цивилизация. М.: Алгоритм
2. Дубровская Д.В. (2001) Миссия иезуитов в Китае. М.: КРАФТ+ ИВ РАН
3. Фишман О.И. (2003) Китай в Европе: миф и реальность. СПб: Академкнига

Ключников С.Ю.

Живая психология в контексте эко-синтеза культур Востока и России

Психология в западном понимании слова занимается изучением человеческой личности, которая рассматривается либо как уникальное образование, автономное от мира, либо в контексте социальных связей с обществом (социальная психология). Природная составляющая в человеке согласно представлениям психологических школ — это тело с его биологическими потребностями. Глубинная взаимосвязь человеческого сознания с природой на мировоззренческом и на духовном уровне, как правило, проходит мимо внимания современной психологии. Лишь в последнее время сложились несколько направлений западной психологии (трансперсональная психология С. и К. Грофов, А. Минделла, интегральная психология К. Уилбера и глубинная психология А.Эллиса), которые начали включать экологические термины и темы в круг обсуждаемых понятий. Появились даже так называемые «экологические критерии», позволяющие оценивать те или иные психологические техники, упражнения и стратегии с точки зрения их позитивного или негативного воздействия на личность. («экологичная» психотехника, значит полезная, а «неэкологичный» подход, значит наносящий вред). Тем не менее, западные психологические школы, как правило, далеки от экологической тематики и не ставят перед собой задачу воспитания здоровой и одухотворенной личности с экологически ориентированным сознанием.

Между тем на Востоке психологии как отдельной дисциплины, изучающей человеческую личность в ее отрыве от целостного мироздания попросту не существует. Все психологические знания и категории инкорпорированы в ней в духовно-философские и религиозные системы, видящие в человеческой личности отражение целостной вселенной. И вместе с тем, интерес Востока к психологии огромен: известно, что по количеству терминов психологического характера тома Махабхараты превосходят книги «Илиады» и «Одиссеи» в десятки раз. И в русской религиозной философией идеи целостности человека и природы, универсума были в ней разработаны куда более серьезно, чем в натурфилософских системах

западных мыслителей, причем психологическая составляющая русской философской мысли выглядела не менее солидно, чем в Европе. Только человеческая личность рассматривалась в ней не как автономное от природы образование, а как часть целого, обладающее общинно-соборной психологией.

Категорические императивы нашей кризисной эпохи требуют от человечества быстрой экологической эволюции сознания. Экософия как синтез лучших достижений восточной и западной и российской мысли, разработанная отечественными учеными К.И. Шилиным и З.Г. Лапиной, является достойным интеллектуально-духовным ответом на вызовы, бросаемые временем. Встает необходимость конкретизации экософских подходов и их развития на территории смежных наук, в частности, психологии. Экософия с ее мощным креативным потенциалом способна одухотворить психологическую мысль и дать импульс к появлению нового направления этой научной дисциплины — *живой* или *экологической* психологии. «Живая психология», совершающая экосинтез духовных культур Востока и России, может вдохнуть новую жизнь в систему образования. В лаборатории Экология культуры Востока при ИСАА ведется работа по созданию категориального аппарата и описание методов «живой психологии», интегрирующей в себе передовые технологии совершенствования человека с традиционными ценностями культур Востока и России. Организационной формой для постепенного насыщения российской и мировой систем образования этими позитивными антикризисными эколого-психологическими идеями могла бы выступить система создаваемых сегодня Университетов Живого Знания.

Кудряшова А.В.

Новогодние образы в японской чайной культуре

Начало нового года — это совершенно особый, отличный от других период в годичном цикле всех традиционных искусств Японии, будь то искусство икэбана или театр Но. Не исключение здесь и «чайная церемония» (по-японски «Тядо» — «Путь Чая»). Первые дни наступившего года в искусстве «Пути Чая» приравниваются к отдельному сезону и отмечаются с особым чувством,

поэтому неудивительно, что новогодние мотивы и образы здесь занимают такое важное место. Новый год в культуре чая имеет свою историю, свои традиции и свои атрибуты, это целый пласт японской культуры — бережно хранимый на протяжении вот уже четырех столетий существования «Пути Чая».

В первую очередь это особые чайные церемонии, проводимые по случаю нового года. На них можно попробовать особые сорта так называемого «поздравительного» чая, подержать в руках чайную утварь, созданную руками известных мастеров прошлого. Поэтические имена, данные отдельным предметам из набора чайной утвари, перекликаются с темой праздника, пожеланиями счастья и удачи в новом году. Такие имена могут представлять собой цитаты из классической китайской и японской поэзии, также связанные с новогодней тематикой.

Первого января процедура приготовления чая начинается еще затемно, в 4 часа утра. Вода, взятая из колодца в это время, считается особенно чистой и называется **СЭЙКАСУИ** 井華水 «Чистая колодезная вода» или **ВАКАМИДЗУ** 若水 «Свежая вода». Глеющие угли в зимнем очаге «ро» — («сумиби» или «нокоби») сохраняются с последней ночи уходящего года, и ранним утром первого января к ним добавляются новые угли. Таким образом, передается идея «преемственности», когда старое уходит, давая дорогу новому.

ФУКУТЯ 福茶 «Чай Счастья». Это название дано особому типу церемониального новогоднего чая, который существует со времён императора Мураками (946-967). По преданию, мучимый головными болями император однажды увидел во сне божественную Рокухару Кандзэон 六波羅觀世音, богиню милосердия и сострадания, которая посоветовала ему пить чай. Император внял совету — и исцелился. В наше время каждый магазин, торгующий чаем, имеет свой рецепт «чая счастья». Где-то это просто зеленый чай, где-то — с различными добавками, в числе которых сушеная слива, водоросли, рис и пр.

Большое внимание в чайной комнате в первые дни нового года уделяется убранству специальной ниши в стене — «токонома». Туда помещается свиток с надписью, имеющей благопожелательный или поздравительный смысл, вешается или ставится ваза с цветами (чаще всего красного и белого цвета). В «токонома» можно видеть и специальное новогоднее украшение из длинных ветвей

ивы, завязанных большой петлей и свисающих с самого верха до самого низа. Это украшение носит название «мусуби-янаги» — «ива, завязанная узлом». Ива — символ стойкости и выражение светлого начала «ян» в китайской космогонии — может стоять несколько дней, не засыхая, без воды, создавая особую праздничную атмосферу в чайной комнате.

Среди сезонных образов, характерных для января месяца и перекликающихся с темой новогодних праздников, особое место занимают «поэтические названия» января:

ОСЁГАЦУ お正月 «главный месяц» (года), **МУ-ЦУКИ** 睦月 «месяц близких родственников», **ТАРО-ЦУКИ** 太郎月 «юный месяц», **ХАЦУ СОРА-ЦУКИ** 初空月 «месяц «ясные небеса», **СОРЁ-КУ-ЦУКИ** 早緑月 «месяц первой зелени», **ХАЦУ ХАНА-ЦУКИ** 初花月 «месяц первого цветка», **КАСУМИ СОМЭ-ЦУКИ** 霞初月 «месяц первого тумана».

Другие «поэтические названия» вызывают у японцев ассоциации с Новым годом, а потому также являются сезонными поздравительными образами. Очень много названий, содержащих компонент **ХАЦУ** «первый». Например, **ХАЦУ ГАСУМИ** 初霞 «первый туман»; **ХАЦУ ФУДЗИ** 初富士 «гора Фудзи в первые дни января» (название, часто используемое в качестве поэтического имени различной чайной утвари); **ХАЦУ НЭ-НО-ХИ** 初子の日 «первый «день мыши» в новом году» (этот день считается благоприятным); **ХАЦУ МОДЭ** 初詣 «паломничество в синтоистские храмы в первые три дня нового года»; **ХАЦУ ТОРИ** 初鶏 «первое в новом году предрасветное пение петуха»; **ХАЦУ КАРАСУ** 初鴉 «первое карканье ворона»; **ХАЦУ СУДЗУМЭ** 初雀 «первое чирикание воробья». Другие «поэтические названия» — **ДЗИН ДЗИЦУ** 人日 «седьмое января» (в этот день люди едят специальное кушанье — «суп из семи трав»); **СЁ КАН** 小寒 «лёгкие заморозки» (приходится на 5-6 января); **ДАЙ КАН** 大寒 «сильные холода» (приходится на 20-21 января); **МАНДЗАЙ** 萬歳 «долголетие» (в старину в период «мацу но ути» странствующие музыканты по двое ходили по домам, поздравляя людей и желая им долголетия); **БУРИ-БУРИ** ぶりぶり «детская погремушка»; **ХОРАЙ** 蓬莱 «Хорай» — мифическая «Гора Счастья». Другое название «Хорай-дзан». Так называется новогоднее убранство «токонома», состоящее из кусков древесного угля, сушёных морских водорослей, кусочков сушёных устриц,

цитруса «дайдай», окуня и лобстера. Все составляющие элементы «Горы Счастья» располагаются на специальной деревянной подставке, символизируя собой гору «Хорай» (кит. «Пэнлай»). Гости угощаются маленькими кусочками маринованной сливы и завязанной узлом водоросли. Это угощение также называется «Хорай».

Новогодние образы в традиции «Путь Чая» представляют собой яркий пример бережного отношения японцев к своей родной культуре. Новый год в традиции «Пути Чая» — яркий, запоминающийся праздник. В нем как в зеркале отражаются многие особенности японской культуры — столь необычной, интересной и своеобразной.

Латина З.Г.

Совершенствование человека — ключ к гармонии климата планеты (с позиций экологии культуры)

Научная общественность России неоднозначно относится к вопросу, состоялось ли потепление климата, но все сходятся на том, что его резкое изменение налицо. Именно поэтому фундаментальный обобщающий труд (выпущенный международной Академией информатизации) носит название «Глобальное изменение климата: проблемы и решения» (М., 2008). В данной работе много ценных выводов и верных наблюдений. Однако этот труд — как высшее достижение современного естествознания несет на себе и его ограничения как научного направления. И в первую очередь это связано со стремлением гармонизировать климат, игнорируя необходимость изменения сознания современного человека.

Ведя научные изыскания в устаревшей парадигме, исследователи в принципе не осознают, что глобальные бедствия — это следствие научно-технического «прогресса», приведшее развитие человечества к тупику. Кроме того, в выводах о причинах климатических бедствий ярко прослеживается ограниченность ученых, не учитывающих экологический опыт восточных культур. Впрочем, часто они даже его и не знают. Неспособность современной науки осознать истинную причину изменения климата и влиять на его гармонизацию связано с тем, что в ней, как правило, изучаются лишь материальные, физические объекты, в то время как все живое имеет более сложную многоуровневую структуру. Дисциплины,

которые по своей специализации занимаются климатом (такие как география, климатология и другие), будучи узкопредметными, не в состоянии охватить целостность такого сложного феномена как климат в его современном экологическом контексте.

Альтернатива научной трактовке климатологических проблем нам видится в экологии культуры.

Показательно, что в своем выступлении на заседании Географического общества (которому предписано дать рекомендации в связи с проблемой изменения климата). В.В. Путин, глава попечительского Совета этого общества в числе необходимых мер, связанных с решением назревшей проблемы, назвал необходимость расширения сознания. Между тем это понятие является ключевым в традиционных культурах Востока. Так, один из учеников Конфуция говорил, что «учитель расширял мое сознание посредством культуры». В этом контексте культура понимается как система самого широко общения человека с природой и рассматривается как один из главных устоев, обеспечивающих развитие самой жизни и эволюцию человечества. Экология культуры, вобрав в себя самое ценное из того, что было в культурном наследии прошлого, придает понятию «расширение сознание» особый смысл. Оно означает осознание человеком своего предназначения, понимания смысла его жизни как служения Высшему.

Человек полагается как высшее существо среди всех в проявленном мире, рождённое для служения природе и достижения её цели — продолжения сотворения и проявления жизни. Человек должен выполнять оперативную функцию по поддержанию космической гармонии, для чего он должен встать на путь своего совершенствования. Суть его в утончении пяти аспектов своей личности: в достижении достойного облика, покоряющей речи, обретение духовного острого зрения, духовного тонкого слуха и синтеза всего этого — пронизательного мышления, что позволяет ему успешно взаимодействовать с высоким космическим планом. Эти пять аспектов служения корреспондируются с пятью так называемыми стихиями (первоэлементами): дерево, металл, огонь, вода, почва (символизирующими пять аспектов движения энергии, имеющего циклический характер). Деструктивность в поведении человека, не выполнение им своего назначения на должном уровне приводит к сбою во взаимодействии стихий на уровне человека. Это, в свою

очередь, отзывается на космическом уровне и тогда наступают несвоевременные, избыточные дожди, солнечный свет, жара, холод и ветер.

Таким образом, аномальные явления в природе порождаются низким сознанием человека, непониманием того, что он должен нести ответственность за поддержание космической гармонии.

Эта программа необходимости совершенствования личности как важного звена в космическом Доме, сформулированная в древнем трактате «Шуцзин», представляет собой ценность на века. Восточная культура экофильная по своей сути — это, дошедшее да нас послание древних о том, что человек — микрокосм, изоморфный макрокосмосу. Выполняя свое назначение, человек должен жить по законам Вселенной, созидавая саму ткань жизни. Природа выступает здесь как гармонизирующее начало в мире людей и выступает как Учитель человечества.

В традиционной культуре сформулирован тезис о высокой миссии человека. Точно также как познавая себя, он может познать весь мир, встав на путь своего совершенствования, он в состоянии преобразовывать Вселенную. На современном витке развития роль человека резко возрастает и в системе «природа-человек» он становится ведущим фактором.

Все вышесказанное свидетельствует о необходимости эко-синтеза науки и культуры, когда первое становится ее аспектом и превращается в Живое знание.

Итак, выход из «климатической» эко-катастрофы видится на путях осмысления духовных потенций культур Востока и переосмысления характера западной цивилизации с целью ее одухотворения.

Мазурик В.П.

Проблема перевода в экологии межкультурного диалога

1. Двадцатый век можно считать потерянным в истории русско-японских межгосударственных отношений, хотя межличностные, культурные, религиозные, научные и прочие виды контактов прерывались только краткими периодами войн и политических кризисов.

2. В чем же причина систематических неудач нашей дипломатии, на которые указывал в свое время еще архиепископ Николай?
3. Думается, дело не только в ошибках политической стратегии, вызванных идеологическими стереотипами и недостаточным уровнем профессиональной компетенции наших специалистов.
4. Гораздо более глубокая причина кроется в несовпадении фундаментальных архетипов мышления, проявляющемся на всех уровнях реакций: психологических, этических, эстетических и т.д.
5. В культурных контактах с Японией успехов у нас несравненно больше, чем в политике, но и здесь они существенно зависят от рода искусства и каналов передачи художественной информации. Выше всего в Японии ценится российское музыкальное искусство всех жанров, за исключением вокальной музыки, требующей языковых знаний.
6. Для филологов же актуален вопрос об адекватности именно языкового межкультурного диалога и причинах, осложняющих его. Особенно заметны эти причины в художественном переводе, в котором различия культурных стереотипов выявляются наиболее ясно. Но именно это обстоятельство делает художественный перевод своеобразным полигоном для выработки оптимальных методов межкультурного диалога вообще.
7. В рамках прежних дискуссий на Ломоносовских чтениях мы уже слышали от японских коллег о принципе «смысловой концентрации» в японской поэзии, создающем удивительные художественные эффекты внутри японской культуры, но, к сожалению, почти не поддающемся адекватному отражению в переводе.
8. Это отчасти совпадает с нашими наблюдениями в области японской поэтической речи. Японское литературное сознание всегда стремилось не столько к отражению внешнего мира, сколько к достижению посредством слова особого состояния сознания, позволяющего ему общаться с названным объектом вне текста. Например, в Хайкай времен Мацуо Басё (XVII в.) это выражалось категорией «макото», впервые сформулированной хайдзином Уэдзима Оницура, хотя в основе своей это восходит еще к теории Ки-но Цураюки (IX-X вв.).
9. По-видимому, это связано с некоторыми «правополушарными» особенностями японского языка на всех его уровнях: фонетическом (ведущая роль гласных), графическом (пиктографические

- функции иероглифики), лексическом (неопределенность границ слова), синтаксическом (нелинейная связь слов во фразе) и т.д., а также нелогоцентричностью японской культуры в целом.
10. При переходе японской литературы к европейским стандартам в эпоху Мэйдзи (1867-1911) это привело японских филологов к радикальному пересмотру высших достижений отечественной словесности. Так, например, Масаока Сики отказал Басё в роли ведущего поэта периода Гэнроку. Для Масаока главное культурное послание поэта современникам и потомкам заключено в его текстах. Сам же Басё в беседах с учениками оставил совсем иное представление о роли поэзии.
  11. Все вышеизложенное могло бы касаться только истории японской литературы, если бы не развившийся в последние годы глобальный феномен невербальной коммуникации, играющий все более важную роль в молодежной культуре. Похоже, явление это не может быть сведено к вопросам моды, к поискам нового стиля молодым поколением. Скорее, это можно объяснить неспособностью словесных механизмов справиться с объемом и скоростью современных информационных потоков. Сегодня человек все чаще вынужден обращаться не к инструменту логического анализа, но к спонтанно-интуитивному образу насущной ситуации.
  12. А это делает актуальным многовековой опыт невербальной коммуникации, выработанный в различных культурах, особенно в таких, как японская, где слово и в прошлом не играло центральной роли и несколько по-иному выражало отношение человека к миру и к самому себе.
  13. Известно, что перевод текстов японской классической литературы предполагает не только доскональное знание всей системы текстов, которой располагал автор текста, но и умение «читать между строк», сосредоточившись на различных «фигурах умолчания», принятых в японской традиции. Поэтому чтение антологий средневековой поэзии в жанрах Танка и Рэнга, а также позднесредневековых сочинений в жанре Хайкай представляется необходимым элементом филологического образования для япониста.
  14. Не менее эффективным материалом для выработки навыков невербального восприятия могут служить парадоксальные

тексты дзэнской традиции, хотя это требует больших усилий по снятию многочисленных стереотипов в трактовке буддийской словесности.

Машкина О.А.

Проблемы трансформации идентичности китайских студентов, обучающихся за рубежом

Студенты, обучающиеся за рубежом, в отрыве от привычного окружения, как правило, сталкиваются с многочисленными социокультурными проблемами. Практика обучения иностранных студентов в МГУ показывает, что наибольшую трудность представляет преодоление языкового барьера и адаптация к новым жизненным реалиям. Погружение в чужую для них языковую среду в начале курса обучения вызывает у студентов-иностранцев стрессовое состояние. Со временем большинство учащихся при должной внутренней самоорганизации, наличии осознанной мотивации, благодаря активной коммуникативной практике за 2 года регулярных занятий с квалифицированными преподавателями овладевают русским языком на достаточно хорошем уровне. Такие иностранные студенты не только достаточно легко общаются с носителями языка на бытовом уровне, но и способны понимать основное содержание лекций по тематике своей специализации, активно участвовать в учебной и практико-ориентированной исследовательской деятельности. К концу обучения большинство иностранных студентов способны репродуцировать полученную информацию в письменном и устном виде, умеют самостоятельно создавать на русском языке научные тексты разных типов в соответствии с требуемыми нормами стиля и жанра. Показателем качества их подготовки становится защита на русском языке выпускной дипломной работы или магистерской диссертации.

В отличие от языковой адаптации, адаптация к иной, отличной от родной, культуре и ментальности проходит у студентов из разных стран более сложно и может вызвать в силу ряда причин осознанное или подсознательное сопротивление или даже отторжение. В том случае если молодые люди ранее воспитывались на западных ценностях, адаптация проходит сравнительно легко. Они без труда

достигают так называемые «тайны русской души» и не воспринимают, как правило, лишь те характеристики русского национального характера и те черты русского быта, которые не соответствуют нормам здорового образа жизни, стандартам потребительского общества и собственным прагматическим установкам.

К другой категории относятся студенты из стран традиционалистского типа, т. е. тех стран, культура и социально-экономический уклад которых формировался на протяжении многих столетий изолированно, на цивилизационной основе, отличной от западной модели. Эти студенты хуже интегрируются в образовательную, научную и культурную жизнь России. К этой группе учащихся относятся китайцы. Они составляют примерно 5% всех студентов МГУ. В целом это — оптимистично настроенная, благожелательная и благодарная обучающаяся аудитория. Китайские студенты обладают такими национальными чертами, как трудолюбие, добросовестность, уважительное отношение к знаниям и их носителям. Эти характеристики являются предпосылками успешной учебы. В то же время в традиционные базовые ценности китайцев входят также приоритет коллективных интересов над личными, послушание и соблюдение строгой иерархии в отношениях между старшими и младшими. Эти характеристики тормозят формирование личностных позиций, навыков критического осмысления действительности, препятствуют развитию креативных способностей, реализации творческого потенциала.

Наблюдения автора свидетельствуют, что китайские студенты предпочитают не смешиваться с другими студентами и держатся отдельной группой. Такое положение не имеет политической подоплеки, оно связано с приверженностью к традиционным нормам жизни, закрепленным на коллективно бессознательном уровне.

Современная жизнь китайцев, несмотря на их активное включение в процесс глобализации, по-прежнему пропитана древними знаниями, понятиями, представлениями, принявшими форму символов, не всегда доступных и понятных представителям других культур. Знакомство, пусть и поверхностное, с системой ценностей и самобытными чертами китайской нации, позволяет преподавателю оказывать большее воздействие на трансформацию идентичности китайского студента в ходе его адаптации к новой социальной и культурной среде. Произойдет ли у студента смена одного кода

(языка и традиций культуры поведения и общения) другим кодом во многом зависит от успешного взаимодействия двух субъектов образовательного процесса — преподавателя и студента.

Ремарчук В.В.

Колониальные войны на Дальнем Востоке (вторая половина XIX в.) в оценке носителей различных культур Востока и Запада

18 января 1861 года редакция «Московских ведомостей» опубликовала полученное из Испании (Малага) любопытное письмо по поводу помещенной в предыдущем номере этой газеты статьи на тему о «жестокоем обращении китайцев с военнопленными» в ходе англо-французской военной кампании.

Примечательно, что письмо было написано хорошим русским языком, а его автор оказался этническим китайцем из семьи торговца. С раннего детства он посещал с отцом Кяхту, а позже вместе с дядей оказался в Нижнем Новгороде. После внезапной смерти дяди, его приютил русский купец, в семье которого он вырос, вошел «в дело» своего благодетеля, вместе с ним переехал в Одессу, в качестве коммерсанта регулярно посещал средиземноморские порты... Вместе с тем он сохранил свое этническое самосознание, что следует из текста того же письма: «Многие убеждения я всосал с молоком матери и до сих пор люблю свою родину, мирную без тщеславия и роскоши, находящую достаточно средств, чтобы процветать громадное народонаселение своими произведениями, без посторонней помощи, не прибегая к средствам безнравственным и насилью...».

Автор письма глубоко возмущён: «Китайцев считают чуть ли не варварами. Протестую: всякий народ имеет свои достоинства и свои заблуждения... Война — вот вековое заблуждение Европы... Мне горько было прочесть в одном из французских журналов, что пленные союзной армии были «предательски умерщвлены в последнюю кампанию». Война давно была признана китайцами в высшей степени безнравственным преступлением ... Пленные были взяты с оружием в руках и преданы суду; они сознались в неод-

нократно совершенных ими преступлениях с закоснелой смелостью и даже гордясь несчастьями, причиненными ими, не отказываясь от подобных зол и впоследствии. Необразованность нравственную и заблуждение европейцев, будто ряд преступлений — есть военная доблесть, наши законы не могут принять в оправдание, и преступники были осуждены и казнены».

После такого, несколько «романтического» понимания войны, обратимся к французской версии военных событий, упомянутых китайским корреспондентом «Московских ведомостей» из Испании. В многотомной Истории XIX века под редакцией французских профессоров Эрнеста Лависса и Альфреда Рамбо читаем: «...на следующий день союзники наткнулись на манчжурскую армию... посланные вперед офицеры были взяты в плен: 11 французов и 26 англичан.

... 6 октября французская пехота и английская конница обошли Пекин и овладели к северо-востоку от города императорским Летним дворцом Юань-мин-юань... Во дворце были обнаружены следы пыток, которым подверглись несчастные европейские пленники. *Жестокость китайцев отчасти объясняет, если не целиком оправдывает, разграбление Летнего дворца*» (курсив наш — Р.В.).

Здесь приведем любопытное примечание редактора академика Е.В.Тарле к этому месту в тексте советского издания (1938 г.) цитируемой книги: «Ссылками на «жестокости» китайцев французский автор пытается оправдать вандализм «цивилизованных» европейцев, разграбивших и сжегших Летний императорский дворец, представлявший собой музей, где были сосредоточены значительные богатства, культурные и исторические ценности». И ещё, по поводу более ранних событий: «Карательная экспедиция французов и англичан против Китая в 1840 году... описывается больше с точки зрения воинских «подвигов» европейских войск, чем с точки зрения ущерба и переживаний китайского народа».

Возвращаясь к «русскому китайцу из Малаги», приведем последние строки его послания:

«Надеюсь, что письмо моё найдет место в Вашей газете и отголосок в сердцах русских. Если Вам интересны убеждения китайца, то я могу сообщить много весьма любопытных мыслей.

С глубочайшим уважением и преданностью честь имею быть Вашим покорнейшим слугою. *Шэнь-дзи*».

Литература:

1. Письмо китайца в редакцию «Московских ведомостей»// «Московские Ведомости». Среда, 18-го января 1861г. №14, стр. 110.
2. История XIX века. Под редакцией профессоров *Лависса и Рамбо (перевод с французского)*. Второе дополненное и исправленное издание под редакцией академика Е.В.Тарле: т. 1, с. 19-20; т. 6, с. 278-306.
3. Ремарчук В.В. Отражение хроники военных событий во Французском Индокитае в 1884 году в культурной жизни москвичей// Ломоносовские чтения. Востоковедение: тезисы докладов науч. конф. (М.: Ключ-С, 2009. С. 205-206).

Садокова А.Р.

Образ бога Дзидзо в традиционной и современной культуре Японии

Особое место среди японских народных богов занимает Дзидзо, каменные изваяния которого можно без труда узнать в любом уголке Японии: это буддийский монах с большой круглой головой и с добрым, часто детским лицом. Зимой каменные изваяния тепло укутаны — на головах у них вязаные шапочки, а вокруг шеи обмотан теплый шарф, летом же статуи украшают веселые красные переднички, а головы им прикрывают легкие панамки. Дзидзо — самое любимое и почитаемое в Японии народное буддийское божество, к которому японцы обращаются с самыми разными просьбами, и который, как считается, непременно поможет при решении всех без исключения проблем. Вероятно, поэтому количество установленных по всей Японии каменных изваяний этого божества поистине огромно.

Однако Дзидзо, хоть и стал со временем восприниматься как «народный заступник и покровитель», пришел в Японию вместе с буддийскими представлениями об аде и рае. Дзидзо отводилась роль посредника между миром людей и потусторонним миром. Это было божество, призванное облегчить страдания душам людей, попавшим в ад, поскольку считалось, что только Дзидзо под силу облегчить их страдания, беря эти страдания на себя. Со временем в Японии сложился сложный и многогранный культ бога Дзидзо,

а функции божества за многие века существования этого культа значительно расширились.

Сегодня бога Дзидзо почитают во всех районах Японии, полагая, что он может оградить людей практически от всех несчастий и его влияние на человеческую жизнь и судьбу безгранично. Иногда божества, наделенные конкретными функциями, встречаются довольно часто, и есть практически в каждом городе, а иногда к «нужному» Дзидзо приходится отправляться через полстраны. Так, в любом уголке Японии можно встретить статуи Дзидзо, которым приписывается возможность даровать детей бездетным родителям или помочь в их воспитании. Их называют *Коясу Дзидзо* — «Дзидзо, охраняющий детей». Столь же широкое распространение получили в Японии и статуи *Тогэнуки Дзидзо*, что можно перевести как «Дзидзо-пинцет». Это божество, которое «вытаскивает занозу как из тела, так из души». К нему принято обращаться не только тогда, когда тело мучает недуг, но и когда дурная новость или личные переживания заставляют душу страдать. К «Дзидзо-пинцету» близок по своей функции и «Дзидзо-гвоздодер», известный как *Кусинуки-Дзидзо*. Сложился даже определенный ритуал обращения к такому богу Дзидзо. Больному или страдающему следует обойти храм столько раз, сколько ему лет, постоянно повторяя: «В тело мое вонзились гвозди. Прошу тебя избавить меня от них!».

Несмотря на разнообразие функций бога Дзидзо, наибольшей популярностью пользуется его способность избавлять от недугов и даровать здоровье. Так, во многих районах Японии можно встретить *Косиорэ Дзидзо* — «Дзидзо, лечащего поясницу», *Сэкидомэ Дзидзо* — «Дзидзо, останавливающего кашель», *Мэарай Дзидзо* — «Дзидзо, омывающего глаза», к которому принято обращаться с просьбой о лечении болезнью глаз и *Кэгавари Дзидзо* — «Дзидзо волосяного покрова», помогающего при выпадении волос и даже при облысении.

Особую группу составляют статуи Дзидзо, которые, как исстари полагали, могли изменить судьбу к лучшему, даровать удачу и процветание. Среди них выделяются Дзидзо, умеющие гадать. Такие статуи известны как *Омокару Дзидзо*, что можно буквально перевести как «Тяжелый-легкий Дзидзо». Это достаточно редкая и оттого особо почитаемая разновидность Дзидзо. Омокару Дзидзо, представляющие собой сидячего Дзидзо, не прикреплены к пос-

таменту, как это бывает обычно, а покоятся на нескольких мягких подушках. Желаящий узнать, исполнится его желание или нет, должен сначала помолиться богу Дзидзо, а затем мысленно произнести свое желание или задать вопрос так, чтобы на него мог только следовать ответ «да» или «нет». После этого надо поднять статую Дзидзо с подушек: если каменное изваяние покажется легким, и поднять его не составит никакого труда, то желание исполнится, если же человек ощутит тяжесть статуи, то с исполнением желания придется подождать.

Вообще перечень различных статуй Дзидзо и сегодня в Японии огромен. О Дзидзо в японском фольклоре сохранилось также большое количество легенд и преданий, поражающих необычностью и замысловатостью сюжета. Бытование и сохранение этого культа в современной Японии еще раз свидетельствует о том, что японцы верны своим национальным традициям, заботятся о сохранении и экологии своей культуры.

Семененко И.И.

Искренность как гармонизирующее начало в мире людей (К вопросу об экологии китайской культуры)

В классической китайской культуре под истиной или истинностью, как известно, чаще понимали соответствие не внешнему миру, а внутреннему духовному состоянию человека. В связи с этим истина во многом оказывалась равнозначной искренности. Особенно большое развитие такое понимание получило в древнем и средневековом конфуцианстве. Не остался в стороне от этого и один из крупнейших конфуцианских мыслителей Мэнцзы (372-289). Тема «искренности» *чэн* 誠 специально рассматривается у него в главе 7.12.

«Мэнцзы сказал: “В подчинённом положении, без доверия вышестоящего, нельзя править народом. Есть путь к доверию вышестоящего: без веры со стороны друзей не обрести доверия вышестоящего. Есть путь к вере со стороны друзей: без радости родителей от служения им сына не обрести веры со стороны друзей. Есть путь к доставлению радости родителям: без отыскания искренности при обращении к себе не обрести радости родителей. Есть путь к тому,

чтобы быть искренним: без понимания доброты не отыскать искренности в себе.¹ Вот почему искренность — это путь Неба, и помышлять о ней — путь человека.² Еще не бывало, чтобы предельно искренний и не оказывал воздействия. И среди неискренних еще не бывало способного оказывать воздействие”».³

У Конфуция в *Луньюе* это понятие вообще не рассматривается, хотя почти все, что говорит о нем Мэнцзы в данном случае, является цитатой из речи Конфуция, приводимой в более позднем источнике. Его не стоит путать с еще одним, весьма важным конфуцианским понятием *синь* 信, которое переведено в этой главе как «вера» (в смысле «доверия») и может означать также «искренность», «правдивость». Чэн отличает больший акцент на онтологичности. В этом качестве заключается, по сути, способ существования природы («путь Неба»), а интеллектуальная сосредоточенность на нем *сы чэн* обеспечивает способ существования уже человеческого рода («путь человека»). Будучи природным состоянием, *чэн* как предмет сознательной установки становится исходной добродетелью. В общем плане оно означает соответствие небесной нравственной сущности ее актуализации

¹ Чжао Ци (II-III): «Когда человек добивается благосклонности вышестоящего, он прежде следует своему началу и находит его корень в сердце; если сердце неправильно, то еще не бывало, чтобы можно было обрести благосклонность другого человека». Чжу Си (XII-XIII): «*Хо юй шан* 獲於上 — “обрести доверие вышестоящего”; *чэн* 誠 — “искренность”, “подлинность”, “реальность” или 實. *Фань шэнь бу чэн* 反身不誠 — обращаясь вспять, проявляют взыскательность к себе и тем самым узнают, что в своем стремлении делать добро неискренни; *бу мин ху шань* 不 明乎善 — не способны делать дело так, чтобы исчерпывать принцип, и не обладают тем, с помощью чего истинно знают, где находится добро. Господин Ю (Ю Цзо 游酢, 1053-1123, сунский неоконфуцианец, один из “четырех великих учеников школы” братьев Чэн) отмечает: “Когда желают сделать искренними свои помыслы, прежде доводят до нужной степени свои знания; без понимания того, что такое добро, не могут быть искренни с собой. Если в учении доходят до того, что искренни с собой, то, спокойно отправляясь, не достигнут ли своего предела? Тогда дома проявляют послушание близким, а вне дома обретают доверие друзей; и наверху могут обрести доверие государя, а внизу — народа”».

² Весь фрагмент с начала главы до этих слов является цитатой с небольшими изменениями из речи Конфуция, приводимой в главе *Чжун юн* «Неизменная середина» канонической книги *Лицзи*, хотя Мэнцзы мог заимствовать эту выдержку и из какого-либо другого источника, либо сочинить это сам.

³ Чжао Ци: «Небо дарует людям природу искреннего проявления доброты, поэтому и говорится о Пути Неба. Стремиться претворять в жизнь эту искренность во исполнение воли Неба — это путь человека. Когда в наибольшей мере искренни, то двигают металл и камни, а при неискренности не могут приручить птиц и животных, поэтому и говорится, что “еще не бывало способного оказывать воздействие”».

и саму эту актуализацию. Первая, наибольшая часть речи представляет собой цепочку последовательно взаимосвязанных условных высказываний, в которых суждения соединены по типу эквивалентной связи, т.е. они сохраняют истинность при переходе в положительную форму (например, если не первое, то не второе, т.е., если первое, то второе). И уже с ее принятием, поскольку каждое последующее условие определяет предыдущее, данные высказывания могут рассматриваться в их прямой последовательности. Они образуют транзитивный силлогизм с пропущенным, но вполне очевидным выводом: если понимают доброту, то искренни; если искренни, то радуют родителей; если радуют родителей, то добиваются веры со стороны друзей; если добиваются веры со стороны друзей, то обретают доверие вышестоящего; если обретают доверие вышестоящего, то могут управлять народом; следовательно, если понимают доброту, то могут управлять народом. Поскольку понимание доброты и искренность — эквивалентные понятия, то имеется в виду и другая формулировка заключения: если искренни, то могут управлять народом. Она в то же время становится тезисом всего рассуждения. Мэнцзы рассуждает в обратной последовательности, чтобы выявить полную обоснованность положения о возможности управлять народом, восходя от его близких условий к более отдаленным вплоть до безусловного, т.е. использует то, что И. Кант называет «регрессивным синтезом» условий (И. Кант. Критика чистого разума. М., 1999, с. 357). Китайский философ осмысливает разные виды отношений (от саморефлексии до связей с государем и народом) как ступени выявления человеком своей человеческой сущности. Предельная искренность — это максимум ее явленности, который дается изначально «сердцем ребенка» (8.12). С ней человек и обретает способность к гармонизирующему воздействию на все отношения в мире людей.

Шилин К.И.

Японо-Российский Ж И В О Й Университет будущего. Резюме-Замысел

Общая идея — соединение культур трех типов, ныне развивающихся разрозненно (при стихийном взаимодействии друг с другом)

в одну глобальную целостно-органично-гармоничную систему = «семью культур», свободно объединившихся по принципам **взаимодополнения-взаимотворчества**, сменяющего господствующий ныне тип их организации по принципу одинаковости-похожести при внутреннем взаимном безразличии и даже взаимной враждебности. Концептуальным основанием замысла принимаются Диалоги: Айтматов-Икэда, Икэда-Садовничий, Икэда-Гойнби и др. Основной диалог: Икэда Д.-Садовничий В.А.

В их работах сконцентрирован исторически богатый опыт наших культур. Предлагаемая концепция является объединением, обобщенным выводом этого опыта — при сохранении-развитии самобытности каждой из наших великих культур. И тогда данная попытка построения качественно новой прогнозно-теоретической системы есть стремление построить **Экософию культуры нового, эко-гармоничного типа** — на основе лучшего, что было в истории наших культур. В этом — краткая суть используемого нами метода нормативного прогнозирования: когда под требуемую идею-концепцию-теорию: жить в гармонии-с-Природой и др. народами — как бы «подбираются» в прошлом-настоящем факты-тенденции-потенции, из которых строится сценарий-Стратегия-Программа созидания будущего; и возможно без такой нестандартной работы имеющиеся тенденции-потенции и не смогут реализоваться.

Структура данного прогноза строится в соответствии с классической Гегелевой логической триадой: 1.тезис (Восток, Япония-Буддизм)-2.антитезис (Запад)-3.синтез (Россия, ее классическая культура, эко-нормативный прогноз). Хотя и тезис, и антитезис тоже рассматриваются как моменты нормативного прогноза очень избирательно — с особым акцентом на том, из чего создается сценарий созидания эко-гармоничного будущего. Тем самым прошлое-настоящее берутся не в своем полном объеме, не так, как они были и есть, а так, как они станут моментами эко-гармоничного будущего.

Конкретно это означает диа-синтез систем образования Японии-России (представленных опытом Университетов Сока-МГУ). Вывод: японский буддизм развивает преимущественно **Женский творческий потенциал**, а Россия — **Интеллигентно-Мужской творческий потенциал**, объединившись, они выводят наши творческие потенциалы на качественно новый уровень **обоополушарного творческого мышления**, что должно вдвое-втрое повысить творчес-

кие потенциалы наших стран. Практический опыт имеется (проф. В.И.Козлачков). Наши культуры хорошо взаимно дополняют друг друга и по нескольким другим типам связей: прошлое-будущее, интуиция-живое творческое мышление... Главное: мы можем создать общую «платформу» и систему живых средств взаимотворчества: Живое знание, Живая, метаформальная логика Творчества, Живая математика Творчества Жизни и, наконец, Экологическая философия = Экософия Японо-России. Совместными усилиями мы **сможем** выйти на качественно новый, эко-гармоничный уровень развития. Для реализации замысла нужно было решить следующие логико-методологические проблемы: 1) научиться различать экофильное и экофобное — с целью снятия последнего; 2) понять реальность своеобразной эко-исторически-прогнозной «инверсии», когда исторически-позитивное (наука, рыночная экономика, государство-«механизм»... вдруг стали экологически опасными; и наоборот: язычество обнаруживает свои экофильные качества; 3) увидеть шансы свершения осмысленной «инверсии», или «оборачивания» одного феномена в ему ранее противоположный. Лишь при понимании и решении этих логических сложностей разрозненные «элементы» потенции Живого университета станут Живой реальностью.

Примечание. Данные тезисы написаны к встрече ректоров российских и японских университетов (12 мая 2009 года, Токио) и одобрены ректором МГУ В.А. Садовничим.

Щека Ю.В.

Тюркская филология и проблема защиты науки от постструктурализма (к экологии науки)

Выделение в Новое время самостоятельных научных дисциплин представляется развитием структурного мира представлений и деятельности человека. В тюркологии, особенно отечественной, вершину этого развития, связанную с именами В. В. Радлова, А. Н. Самойловича, Н. К. Дмитриева, Н. А. Баскакова, А. Н. Кононова и др., можно назвать традиционной тюркологией. Однако к середине 20-го века в развитии структурного мира наметилась диспропорция в виде абсолютизации структурного начала (мате-

матики, логики, практицизма), что выразилось в принципиальной неспособности познания микромира (объявленного недоступным обычным, «наглядным» представлениям), сути языка (сведенного к простой реализации структуры) и иррациональности практической деятельности людей (разрушении психики человека и среды его обитания). В этой связи сфера экологии включает также проблему сохранения и защиты науки от псевдорационального (= иррационального) разрушения.

Единственной возможностью дальнейшего развития лингвистической тюркологии представляется освобождение ее от структурной абсолютизации в опоре на историю языков (а не логические категории генеративной, функциональной, когнитивной и пр. грамматики) и, прежде всего, полное признание, а также эффективное изучение алтайской гипотезы.

Постструктурализм (Ж. Деррида, Ж. Делез и др.), продолжающий линию, идущую от Э. Гуссерля и М. Хайдеггера, является, по нашему мнению, ценным в той степени, в какой его справедливая критика структурализма могла бы указать путь к открытию внеструктурного начала. Однако постструктурализм фактически сам целиком остался в рамках абсолютизации структур, видя решение проблем лишь в их разрушении (деконструкции). Критика структурной абсолютизации включает, прежде всего, то, что истина не совпадает с разумной структурой (непротиворечивые суждения выступают лишь ее необходимой предпосылкой). Поэтому внутридисциплинарная доказательность всегда условна. Подлинное же познание объекта одной научной дисциплине (оказывающейся лишь необходимой предпосылкой) в принципе не дано. Оно может быть только междисциплинарным. Как проблема философии (наличие / отсутствие структурного мира), так и проблема языкознания (суть соотношения формы и значения в знаке) решаются с учетом двух уровней абстракции (ср. выше о многоаспектности истины). Структуры *есть* (наличествуют) в смысле их *энергетической* объективности. Но на другом уровне абстракции они есть иное, т. е. *изоморфно* (качественно, как таковые) не существуют (конечные структурные сущности не могут наличествовать в силу бесконечной малости единственно Реальной точки настоящего — структура *всегда* либо уже прошлое, либо еще будущее). Аналогично форма и значение языкового знака различаются лишь условно. На самом

же деле (на другом уровне абстракции) они, взаимно дополняя регулярное воспроизведение друг друга во времени, одновременно, вместе порождают саму разумную, структурную сущность, составляющую основу разума и человеческой деятельности (структурного мира).

Провозглашенная постструктурализмом «множественность текучей истины» в виде «творящего хаоса», «множественности бездонных смыслов» и пр. могла бы указывать в правильном направлении (истиной является бесконечная Реальность, Эмоция). Однако опять-таки структурная интерпретация истины как смыслов и «ризомы» (разветвляющегося корневища) означает, что, на самом деле, множественность истины оказывается лишь синонимом ее полного отсутствия. Постструктурализм, не различая собственно аспекты истины и уровни рассмотрения, вульгаризирует проблемы философии и языкознания. Вместо лишь *изоморфного* несуществования структур (но их энергетической объективности) он отрицает структуру вообще, провозглашая в качестве альтернативы гибель и ничто. Вульгарное разведение формы и значения знака в современном языкознании (например, отдельное и независимое рассмотрение значения как семы, функции, концепта) вместе с упомянутым отрицанием структур приводит постструктурализм к извращению понимания знака в виде симулякра, т. е. сущности, в принципе лишенной реального значения. Проповедь гибели структур проявляется во многих школах мировой тюркологии как отторжение тюркологии традиционной. В работах по тюркским языкам понятийный аппарат традиционной науки часто сознательно игнорируется. Они изобилуют невообразимым псевдонаучным жаргоном и хаосом мысли. Широко рекламируется постструктурализм в турецкой литературе. В этой рекламе турецкое литературоведение и критика, турецкие писатели (представленные самыми известными именами), а также широкий круг читателей обвиняются в неспособности «прочитать постмодернистский художественный код». Тем более этот «код» недоступен и всему понятийному аппарату традиционного тюркологического литературоведения. Постструктуралистская и постмодернистская самореклама изобилует трескотней о «переходе культуры в новое качество», «духовных основах нового миропонимания», «преодолении тоталитаризма языка» и пр. Однако провозглашение «смерти автора», отказа от

творчества (в пользу текста-события) и пр. означает только смерть литературы, искусства в целом. Ж. Деррида в книге «Письмо и различие» (М., 2007) с гордостью и одобрением цитирует признания одного автора: «У меня никогда не было идей и две коротенькие книжки, каждая в семьдесят страниц, таят в себе это глубокое, проникающее насквозь, исконное отсутствие какой бы то ни было мысли» (с. 19).

Сказанное представляется достаточным для уяснения серьезной опасности, грозящей тюркологии, науке и культуре в целом, со стороны постструктурализма.

Африканистика

Громова Н.В.

Православие в Восточной Африке (личные впечатления)

Появление православия в Восточной Африке относится к началу XX века, и первыми проповедниками этого конфессионального направления были греки. «Черное» православие впервые появилось в Кении, где в 1929 г. возникли две ассоциации преподавателей из этноса кикуйю, которые открыли свои собственные школы и, кроме этого, ставили целью создание некой новой «африканской церкви», отличной от протестантских «белых церквей». Епископу Африканской Православной Церкви в Южной Африке Даниилу Александру в результате неоднократных встреч с руководителями кенийских ассоциаций в 1935 г. удалось заложить православную семинарию и рукоположить двух священников и диаконов. Руководители этой Африканской Православной Церкви, которая не имела общения ни с одной поместной православной Церковью, начинают вести переговоры с Александрийским Патриархатом о переходе под его юрисдикцию, чтобы тем самым положить начало каноническому бытию новой Церкви. В 1946-1952 гг. Православная Церковь в Кении быстро развивается, но подавление антиколониального движения Мау-Мау привело к закрытию большинства православных храмов, а многие церкви и школы были просто сожжены. Основная масса православного духовенства была заключена в концлагерь.

В 1958 г. Александрийским Патриархатом было создано Иринопольское архиепископство для подготовки пастырей в Кении, Уганде и Танзании. Вначале резиденция архиепископа располагалась в Дар эс Саламе, затем — в Кампале, а сейчас она находится в Найроби. Во время визита архиепископа Макариоса III, президента Кипра, в Кению в 1971 г. он закладывает первый камень в основание православной семинарии на территории, выделенной президентом Кении. Тексты литургии, утрени, вечерни, чинопоследований крещения, заупокойных служб и т.д. были переведены на 11 местных языков Кении. Архиепископ Иринопольским в настоящее время является Макарий (грек по национальности), также как и митрополит Димитрий в Танзании. Православные Уганды имеют своего собственного митрополита Феодора, находящегося в подчинении у Иринопольского архиепископа. Владыка Феодор стал первым известным в истории «черным» епископом Православной Церкви.

На западном побережье озера Виктория проживает и большинство православных Танзании. В городе Букоба находится резиденция местного епископа Джонаса, также африканца по происхождению. На него возложено руководство Православной миссией в Танзании.

В настоящее время во всех храмах восточноафриканского региона литургия уже совершается в основном на местных языках. Так, в церкви Святой Параскевы в Дар эс Саламе на пасхальной службе, где присутствовали греки, эфиопы, русские, армяне и местные жители, звучали три языка: греческий, английский и суахили и отдельные молитвы — на русском и амхарском языках.

В Танзании есть две православных церкви в Дар эс Саламе, 6 церквей — в Иринге, кроме того есть церкви в Моши, Аруше, Додоме, Мбейе, Морогоро, Килосе. В районе Букобы более 150 православных общин и около 45 тысяч прихожан, 4 церкви построены как в епархиальном городе Букоба, так и около 30-ти в некоторых деревнях, есть также православная семинария. Местным языком считается кихайя, но при совершении богослужения используется государственный язык Танзании — суахили. Такую же ситуацию можно наблюдать в Кении и отчасти в Уганде.

На вопрос «Как вы пришли к православию?» мои собеседники отвечали, что православная церковь оказывает большую мораль-

ную и материальную поддержку верующим. Приведу выдержки из бесед с местными священниками в Дар эс Саламе и архиепископ Кенийским и Иринопольским Макарием.

С какими проблемами вы сталкиваетесь?

Проблемы есть. В соответствии с нашей верой, человек должен жениться только один раз. Но часто к нам приходит человек креститься, а у него уже есть 2-3 жены и много детей. В таком случае мы говорим, что первая жена это настоящая жена, в соответствии с православием, а другие — сестры. Церковь предлагает ему расстаться с другими женами, но ведь он жил с ними уже много лет, поэтому предлагается вариант называть их его сестрами. А детей он всех должен содержать.

Как проводится крещение?

Крестят всех одинаково, и маленьких детей и взрослых. В Ирринге построена специальная купель, куда может войти даже взрослый человек. У нас в церкви такой купели нет, но крещение это обязательно много воды. Поэтому мы приносим воду и обливаем водой. Должны быть крестные отец и мать. Бывает, что в один день крестятся около 500 человек.

Как Вы относитесь к местным традициям? Допустимо ли прибегать к ним во время богослужений?

Я всегда подчеркиваю, что православие не ставит целью лишить местное население традиций племени, обычаев отцов и матерей. Надо использовать все, что хорошо и что согласуется с православными христианскими традициями. Вы любите ваши прекрасные традиции, традиционные наряды, костюмы, народные музыкальные инструменты и хотите таким образом их сохранить. Я повторяю, не оставляйте их, сохраните их в том виде, в каком приняли их от своих мудрых предков. Наполненные православным христианским содержанием, они стали еще крепче. Я сам на встречах с молодыми христианами танцую вместе с ними под звуки народных инструментов.

Иринопольская епархия проводит большую просветительскую работу во всех странах Африки южнее Сахары. Различные религиозные материалы переведены на многие африканские языки.

О происхождении омонимии в амхарском языке (к проблеме заимствования)

В амхарском языке значительное число лексических омонимов возникло в результате заимствования из классического эфиопского языка, гыыз, при этом произошли определенные фонетические изменения. Возникновение омонимов в амхарском языке связано с одновременным действием двух этих явлений. В зависимости от своего происхождения омонимы могут быть исторически связанными по смыслу или не иметь ничего общего. В амхарском языке основная масса омонимов возникла после того, как различавшиеся в произношении в языке гыыз согласные стали звучать одинаково, то есть исторически омонимы в амхарском языке не связаны по смыслу друг с другом.

В эфиопском языке существовало несколько согласных, которые во времена возникновения эфиопского алфавита различались в произношении. Это нижнефарингальный фрикативный *h* (описательное название *haletaw h*); верхнефарингальный фрикативный *h* *Ṣhameru haṢ*; заднеязычный фрикативный *h* *Ṣbəzuhanu haṢ*; зубные *əsatu sṢ* и *nəgusu sṢ*. Кроме этого, в амхарском языке существуют два знака, не являющиеся слоговыми, они передают фонему [a] — ларингальный глухой *aläfu a* и верхнефарингальный звонкий *aynu a*. *Haletaw h*, *hameru ha* и *bəzuhanu ha*, *əsatu sä* и *nəgusu sä*, *aläfu a* и *aynu a* являлись различными фонемами в языке гыыз, что и нашло отражение в существовании трех графем для обозначения одного амхарского звука [ha], двух графем для обозначения согласных [s] и двух графем для гласных [a], от которых уже в историческое время осталось лишь три звука.

Причина, по которой некоторые фонемы исчезли, не ясна, может быть, это произошло под влиянием взаимодействия эфиопского языка с несемитскими языками, в которых этих звуков нет.

Большинство омонимов в амхарском языке принадлежит к одному и тому же функциональному классу — глаголам. Корень глаголов в подавляющем большинстве случаев в языке гыыз, из которого они были заимствованы, имеет трехсложную структуру. В процессе заимствования в результате фонетических измене-

ний ряд трехсложных глаголов в амхарском языке превратились в двухсложные глаголы, образовав омонимы.

Например, в ходе исследования в амхарском языке было выявлено четыре глагола *sale*. В языке гыыз мы наблюдаем следующую картину:

<i>sehale</i>	«точить, оттачивать, отпускать (клинок)»;
<i>seale</i>	«рисовать»
<i>seǎle</i>	«кашлять»
<i>seǎle</i>	«просить, умолять»

Как можно видеть из примеров, во всех этих глаголах в качестве корневого присутствуют [h] и [a]. Включение гортанного звука в состав трехсложного корня часто встречается в семитских языках.

Гортанные согласные довольно тесно связаны с гласными. Как отмечает В.М. Гранде, «гортанные звуки, в особенности глухие, являются наименее звучными, и для того, чтобы быть более слышными, нуждаются в соседстве гласного звука». Гортанные согласные по сравнению с другими согласными являются менее стойкими в слове.

Разные гортанные согласные по-разному влияют на соседние гласные: может произойти выпадение гортанного; слияние с соседним, слоговым гласным; образуя долгий гласный звук, гласные после гортанного согласного могут выпасть. Так как гортанные имеют тенденцию сочетаться с широким гласным, поэтому по соседству с гортанным согласным чаще всего встречается звук [a].

Следует отметить, что каждый знак эфиопского письма обозначает отдельный слог, то есть сочетание согласного звука с гласным. Исходная форма представляет собой сочетание гласного с согласным [ɛ], а гортанных согласных с гласным [a]. Ассимиляция гласных, разделяемых гортанным согласным, происходит внутри слова. Влияние гортанного согласного на соседние гласные может проявляться как непосредственно, так и при дистактной ассимиляции.

На приведенном выше примере с глаголом *sale* мы видим, что совпадение формы и звучания бесспорно случайны. Каждая из этих лексем обладает своим основным значением, не имеющим общих элементов смысла, обозначает разные денотаты, то есть они являются подлинными омонимами.

Еще несколько примеров:

tɕhare	tɕga	«быть чистым, свободным от примесей»
tɕhare	tɕga	«звать, вызывать»
ɕɕbha	ɕɕba	«быть полезным»
ɕɕb'a		«сделать 4 раза, разделить на четыре»

Все эти фонетические изменения, происходившие в амхарских словах, представляют особый интерес для исследователей, так как изучение этих процессов дает возможность воссоздать условия, в которых развивался язык, в частности, судить об эволюции его звуковой системы.

Порхомовский В.Я.

Канонический дискурс в культурно-исторической перспективе: лексический аспект

Проблемы формирования и функционирования канонических текстов в рамках определенных социальных, культурных и исторических контекстов представляют безусловный интерес для самых разных наук — истории, социальной и культурной антропологии, культурологии, религиоведения, социальной психологии, литературоведения, языкознания. Разумеется, в зависимости от того, в рамках какой конкретной научной дисциплины рассматривается канонический дискурс и какие при этом формулируются исследовательские задачи, в фокусе внимания оказываются различные аспекты этой обширной проблематики.

В докладе рассматриваются вопросы формирования лексического корпуса, необходимого для канонического дискурса в контексте монотеистических религий. Данная проблематика особенно отчетливо предстает при сопоставительном анализе переводов канонических текстов на разные языки, осуществленных в условиях существенно различающихся культурно-исторических ситуаций. В этом плане очевидный интерес представляют переводы библейских текстов.

В рамках сопоставительного исследования оригинального текста Ветхого Завета (масоретской версии) и его перевода на язык хауса, которое ведут автор настоящего доклада и Филипп Кассюто (Эксан-Прованс), специальное внимание уделяется лексико-семанти-

ческим группам, имеющим ключевое значение для канонического дискурса монотеистической религии, а именно именам и именным группам, обозначающим Бога Всевышнего, бога и богов, а также антропоморфизмам, относящимся к именам Бога Всевышнего. При этом в лексическую базу данных для этого анализа включаются также материалы из английской, французской и арабской версий Ветхого Завета. Английская и французская версии представляют интерес, т.к. исторические земли хауса (крупнейшего народа Западной Африки) находятся на территориях Нигерии и Нигера, т.е. бывших английской и французской колоний соответственно, что означает возможность обращения к английской и французской версиям при переводе Ветхого Завета на язык хауса.

Отметим, что сравнительный анализ масоретской и хаусанской версий Библии указывает на то, что перевод на хауса был сделан с библейского иврита. Арабская версия представляет безусловный интерес, поскольку основной религией хаусаленда является ислам, и, следовательно, арабский язык является существенным компонентом социальной и культурной парадигмы хауса. Учитываются также русские эквиваленты, поскольку русский — это метаязык некоторых наших публикаций по данной теме.

Собранные в ходе этой работы лексические материалы позволяют сделать некоторые выводы относительно типологии процессов формирования лексики монотеистического дискурса в процессе перевода. Здесь можно выделить следующие основные типы:

а) перевод Ветхого Завета на языки в ситуациях, когда впервые формируется лексика монотеистического дискурса. К этому типу относятся упомянутые выше переводы на европейские языки.

б) перевод Ветхого Завета на языки, в которых уже имеется устойчивая и последовательная лексическая норма монотеистического дискурса, сформировавшаяся в рамках ислама.

Особая ситуация представлена в случае монотеистического дискурса в оригинальном тексте *Biblia Hebraica*. Сходство этой ситуации с первым из указанных выше типов состоит в том, что в обоих случаях формирование лексического корпуса текстов монотеистической религии в конкретном языке происходит впервые. Однако в одном случае речь идет о переводе канонического текста в рамках сложившейся христианской монотеистической парадигмы, а в другом — о «революционной» ситуации первичного

формирования монотеистического дискурса и соответствующего лексического корпуса на фоне традиционных политеистических религиозных представлений, что и определяет специфические различия в структуре указанных выше лексико-семантических групп в рамках монотеистического дискурса.

Суетина Ю.Г.

К проблеме выделения глагольного корня в языке хауса

Среди чадских языков язык хауса является наиболее изученным. Однако не следует считать, что все проблемы структуры этого языка на любом уровне получили достаточное освещение. Это касается и морфологии, как глагольной, так и именной.

Африканисты, занимающиеся хауса, употребляют в своих работах такие термины, как «корень», «основа», «базис». При этом часто понимается одна и та же часть слова или само слово целиком. Практически нет ни одной работы, где бы речь шла о том, на основании каких критериев выделяется корень глагола или имени, из чего, собственно, состоит само слово в хауса и каковы характеристики составляющих лексему морфем, как корневых, так и аффиксальных. А если речь идет о морфологии глагола в хауса, то тут все внимание исследователей уделено т.н. «глагольным классам», т.е. системе распределения глаголов хауса по группам в зависимости от конечной гласной и тонального рисунка, предложенной Ф.Парсонсом.

Для того, чтобы выделить корень какого-либо глагола, необходимо составить ряд словоизменительных или словообразовательных форм и выделить в них повторяющуюся часть. В хауса эта процедура легко осуществляется с переходными изменяемыми глаголами, которые меняют конечный гласный в позиции перед прямым дополнением, выраженным существительным или личным объектным местоимением: *saɣaa покупать* — *yaa saɣi dookɪ он купил коня* — *yaa saɣee shɪ он купил его*. Этот список слов может быть дополнен так называемыми породами глагола на –o и на –i: *saɣoo купить что-либо для себя* и *saɣu быть купленным*. Незменной частью каждого слова в этой группе слов для глагола

saуaa является saу-. Что касается переходных неизменяемых глаголов и непереходных глаголов, тот тут, помимо пород на -о и -и, мы можем дополнить наш список образованными от этого глагола отглагольными именами: taарaa *собирать* — taree *собирать полностью* — таарuu *собираться* — таарoo *собрание* — таarii *груда, куча*; shiga *входить* — shigee *войти полностью* — shigoo *входить к нам* — mashigii *вход*. Таким образом для глагола таарaa мы получаем корень таар-, а для глагола shiga — shig-.

Все вышеизложенное справедливо и по отношению к трехсложным глаголам: tambaуa *спрашивать* — уaa tambaуee mц *он спросил нас* — уaa tambaуi tsoofoo *он спросил старика* — matambayii *спрашивающий*.

Несколько иначе дело состоит с односложными глаголами, относящимися по классификации Ф.Парсонса к классу «неправильных глаголов». Это баа *давать*, сii *есть*, shaa *пить*, jaa *тянуть*, soo *любить*, kaі *нести*, zoo *приходить*, yii *делать*. Для этих глаголов можно подобрать следующие ряды:

Sii *есть* — сiiwo *съесть* — сiiуe *съесть полностью* — масiiуii *едок*;

Sha *пить* — shawo *выпить* — shaye *выпить полностью* — mashayi *тот, кто пьет*

Ja *тянуть* — jawo *тянуть на себя* — janye *вытащить полностью* — ja-in-ja *задержка*;

Kaі *нести* — kawo *приносить*;

Zoo *приходить* — je *приходить* — zaa (zaaka — диалект Соко-то) *приходить в другое место* — zuuwa *приход*;

Soo *любить* — соуаууа *взаимная любовь* — masooуii *любимый*;

Yii *делать* — yiiwo (yoo?) *делать для себя*;

Ва *давать* — баауар da/bai da /baa da *заставлять давать*.

Результаты анализа этих рядов показывают, что для всех этих глаголов, за исключением zoo, корень состоит из согласного + гласного. (Форма уoo от глагола yii отмечена как диалектальная и в стандартном хауса практически не встречается) Что касается глагола zoo, то в данном случае корень глагола может быть представлен одним согласным z- (je — результат палатализации, когда z переходит в j).

Особую группу составляют немногочисленные глаголы googe *тереть*, keга *ковать*, feere *очищать*, fade *разделявать убитое*

животное и некоторые другие. Эти глаголы образуют отглагольное имя путем изменения гласных корня:

googe — guuga, keera — k̄jira, feere — fiira, feeda — fiida.

В этом случае мы можем допустить, что корень этих глаголов состоит не из согласный-гласный-согласный, а подобно семитским корням из согласных. Многие африканисты склонны полагать, что корни всех слов хауса состоят только из согласных, а гласный состав является переменным. Однако языковой материал не подтверждает этот факт. Скорее, на наш взгляд можно разделить мнение Э. Вольфа о том, что подобные корни, близкие к корням семитских языков, являются рудиментарными и мало продуктивными.

Суммируя выше сказанное, представляется возможным сделать вывод о том, что в языке хауса существует четыре типа глагольных корне: первый и самый распространенный — CVC(VC), второй — CV/C и третий — CC. Четвертая группа состоит из одного единственного глагола zoo со структурой корня C.

Что касается характеристики корневых морфем, то в первой, третьей и четвертой группах корневая морфема является связанной, потому что никогда не употребляется автономно. Подобные морфемы существуют и в других языках, например, в русском: *вои-* в словах *воин*, *война*, *войско*; в немецком: *Кнаб-е мальчик*, *Löw-е лев*, *Ries-е великан*. А.Мейе связывал наличие свободных корней в индоевропейских языках с их древнейшим состоянием. У глаголов второй группы корневая морфема свободная, несвязанная, потому что может употребляться автономно, например, в форме императива: *si eish! ja tiani!*

Урб М.Р.

Продуктивность словообразовательных моделей в языке африкаанс

В современном языке африкаанс производство новых лексических единиц происходит по определенным словообразовательным моделям, исторически сложившимся в языке. Африкаанс располагает весьма устойчивой системой словообразования, которая сохраняет в целом традиционный нидерландский характер. К числу основных способов создания новых слов относятся сло-

восложение, словопроизводство, субстантивация, транспозиция, чередование звуков. Особое внимание заслуживает характерная инновация в словообразовании языка африкаанс — удвоение (редупликация), неизвестная в нидерландском языке. Однако не все перечисленные выше способы в одинаковой степени используются, и удельный вес каждого из них в процессе словообразования в языке африкаанс неодинаков. Продуктивность не является постоянным свойством словообразовательных моделей. Так, в различные периоды развития языка африкаанс многие из них меняли характер своей продуктивности и переходили из класса неактивных моделей в активные. На степень продуктивности словообразовательной модели определенным образом сказывается зависимость от того функционального пласта языка, в котором употребляются слова данной модели. Различные пласты языка отличаются набором определенных моделей, характерных для данного пласта (специально-научная лексика, общественно-политическая, терминологическая лексика, сленг).

Самыми продуктивными способами словообразования в современном языке африкаанс являются словопроизводство и словосложение, которые дают основное количество новообразований. В ряде случаев при производстве слова сочетаются оба приема — словосложение и словопроизводство (сращение).

Так, примером высокопродуктивных можно считать модели сложных существительных: $n + n$ (traangas «слезоточивый газ»), $n + n + n$ (ballonvaartoesies «любитель воздухоплавания»), $adj. + n$ (kunsvesel «искусственное волокно»), $num. + n$ (vierhoek «четырехугольник»), $v + n$ (skryftaal «письменный язык»); сложных прилагательных: $n + adj.$ (galbitter «очень горький»), $adj. + adj.$ (dofstom «глухонемой»), $v + adj.$ (skreeulelik «уродливый»); сложных глаголов: $n + v$ (deelneem «участвовать»), $adj./adv. + v$ (stilhou «останавливаться»); сложных наречий: $adv. + adv.$ (daarheen «туда, в ту сторону»); сложнопроизводных слов: $n + v + ing$ (lewensversekering «страхование жизни»), $n + adj. + heid$ (taalsigbaarheid «языковая восприимчивость»), $n + v + er$ (baanbreker «первооткрыватель»), $n + v + lik$ (waarskynlik «ясный, очевидный»).

Широкое развитие у имен существительных, прилагательных, глаголов и наречий получила суффиксация. Количество словообразовательных суффиксов очень велико, причем грамматическая

семантика многих из них разнообразна. К числу самых продуктивных словообразовательных моделей производных слов с суффиксами относятся: v + ery (skietery «стрельба»), adj. + heid, (skoonheid «красота»), adv. + te (stilte «тишина»), n + dom (mensdom «человечество»), n + skap (vriendskap «дружба»), v + ing (ontwikkeling «развитие»), v + sel (beginsel, «принцип»), v + asie (sabotasie «саботаж»), v + er (aankondiger «диктор»), n + is (finalis «финалист»), n + aar (Karenaar «житель Капа»), n + aan (Afrikaan «африканец»), n + ier (juwelier «ювелир»), v + ing (leerling «ученик»), n + -tjie (dogtertjie «доченька»), + 'tjie (ma'tjie «мамочка»), + jie (hondjie «собачка»), + ie (glasie «стаканчик»), + etjie (sterretjie «звездочка»), + pie (besempie «метелочка»), + kie (rekeninkie «счетик»), n + agtig (bergagtig «горный»), v + baar (eetbaar «съедобный»), n + lik (geldelik «денежный»), n + loos (werkloos «безработный»). Глагольная суффиксация представлена главным образом суффиксом -eer, который встречается преимущественно в глаголах иностранного происхождения, напр., korrigeer «исправлять», argumenteer «аргументировать», nasionaliseer «национализировать».

Именная префиксация распространена в меньшей степени, чем глагольная префиксация. Так, например, в системе словопроизводства прилагательных можно выделить лишь одну модель с префиксом on-, которую называют моделью с абсолютной продуктивностью, напр., on + adj. (onaangenaam «неприятный», onaantreklik «непривлекательный»), тогда как глагольная префиксация играет в образовании глагола весьма значительную роль. Наиболее продуктивными являются модели производных глаголов с префиксами, которые являются безударными и в качестве самостоятельных слов не употребляются: be- (bedek «покрывать»), ver- (vergroot «увеличивать», verdink «подозревать»), her- (herkies «переизбирать»), ont- (ontspan «расслабляться»).

Удвоение широко распространено в языке африкаанс и охватывает все основные части речи: существительное, прилагательное, глагол, числительное, наречие. Как правило, удвоение изменяет категориальное значение исходного слова, превращая его в наречие. Таким образом, оно выполняет транспонирующую функцию. Так, например, удвоение существительного: plek-plek «местами» (plek «место»), stuk-stuk «частями» (stuk «часть, кусок»); удвоение глагола: voel-voel «ощупью» (voel «чувствовать»), fluit-fluit «пос-

вистывая» (fluit «свистеть»); удвоение прилагательных и наречий: styf-styf «очень скованно» (styf «негибкий»), gou-gou «очень скоро» (gou «быстро, быстрый»); удвоение числительных: een-een «по одному» (een «один»).

Федорова Н.Г.

Обзорное описание материала суахилийской газеты «Мзалендо»

Суахилийский текст, текстовая информация — это не только языковое, но и социальное явление, средство социальной коммуникации. Поскольку газетные тексты образуют особую разновидность, то им присущи определенные дифференциальные признаки, например, официальность изложения, безличные высказывания, особого рода заголовки, текстовые штампы.

В танзанийской газете «Мзалендо» от 28 июня 2009 г. («Патриот») 28 страниц. По количеству страниц эта газета приближается к журналу (*jarida*). Она является одной из самых популярных газет в Танзании. Последняя страница посвящена спорту, который является востребованной темой не только среди спортсменов, но и среди большинства населения. В этой газете четко озаглавлена каждая страница или разворот в ней. Далее следует название каждой статьи или другого газетного материала, краткого сообщения. Возьмем для примера один экземпляр этой газеты, учитывая то, что большинство рубрик её повторяется из номера в номер. Мы берем для анализа данных текстов тексты на первых четырех страницах. Все статьи на первой странице представляют собой продолжение на последующих страницах. У них яркие заголовки и разнообразные шрифты. Здесь имеется сообщение о зверском убийстве альбиноса, которое произошло в Мванзе. Вместе с ним были убиты его жена, два внука и домашний работник. На второй и третьей страницах — заголовок *Nabari* (Новости). Полностью продолжается изложение событий, опубликованных лишь кратко на первой странице. Большая статья содержит подробное изложение об экзаменах, прошедших в средней школе. Один из родителей экзаменуемого не доволен результатами экзамена своего сына. По его просьбе экзамен был проведен второй раз и экзаменующийся

успешно сдал его. По его примеру другой учащийся также получил переэкзаменовку по ряду предметов, и он также сдал два экзамена на «хорошо». Отсюда автор делает вывод: надо бороться за успешную сдачу экзамена.

Важные события помещены на 1–2 страницах. Они касаются количества членов в парламенте. Член парламента Джениста Мхагама выступает против государственного министра в офисе президента, который предлагает 12 членов парламента в поддержку депутата. Джениста считает, что двух человек вполне достаточно. Претендент должен иметь среднее образование (6 лет) и удостоверение о среднем образовании. Он предлагает также осуществлять финансовый контроль за состоянием дел в офисе президента. Для этого должна быть создана специальная комиссия. Здесь же опубликовано сообщение о смерти Шейха Сулемана Горогоси, который погиб в автомобильной катастрофе в округе Линди. Он будет похоронен в его деревне в этом округе.

Третья страница занята тремя статьями. Первая статья (автор президент Киквете) посвящена проблеме нехватки продовольствия во многих округах страны. Президент призывает население как можно скорее определить цену и качество пищи и обратился к главам округов, где испытывается недостаток продовольствия, как можно скорее решить эту проблему. Он посоветовал доставить продовольствие из округов, где нет недостатка этого важного продукта туда, где есть такая потребность. Вторая статья посвящена проблеме зарплаты членам парламента, которые получают достаточно высокую зарплату по сравнению с той зарплатой, которую получают служащие. Это может привести к сокращению занятости служащих в регионах. Последняя статья на этой странице (автор её Нджуман Нгота) рассказывает о том, как полицейский с трудом убежал от женщины, которая преследовала его с тем, чтобы ограбить. При этом, когда оба остановились, Кова отказался дать ей денег, о которых она просила.

На этой странице имеются фотографии, регламентирующие проверку на СПИД и объявление войны с этим опасным заболеванием. Активное участие в этом мероприятии принимает супруга президента Салма Киквете, которую мы видим на каждой из трех фотографий.

Четвертая страница озаглавлена Uchambuzi (критический обзор). Целая колонка занята весьма важным материалом «Maoni

уеу)» (Наше мнение). Данная статья посвящена вопросу парковки автомобилей, зачастую нарушению правил парковки служебных машин. Помощник комиссара полиции заявил, что подобного рода автомобили будут задержаны, а их водители — арестованы и наказаны (эти автомобили, как правило, оставлены без присмотра: водители либо пошли в бар или находятся далеко от места парковки).

Привлекающий внимание материал о недостойном поведении бывшего президента Танзании во время его работы в этой стране. Автор статьи Хамис Шимье отмечает: «Следует помнить, что президенты такие же люди, как и все мы». По мнению автора, им не чужды подобные действия, и нужно обращать внимание на то хорошее, что у них есть.

Треть 4-ой страницы занимает карикатура, призывающая правительство разрешить населению ездить на мотоцикле, имеющем две или три покрышки для перевозки пассажиров, которые занимаются торговлей (или бизнесом). Ему возражает один из тех, кто занимается их продажей, заявляя о том, что это противозаконно.

Нами были изложены результаты описания суахилийского газетного материала, которые свидетельствуют о том, что в этом языке можно выделить определенные стилистические черты, которые проявляются на публицистическом уровне.

Экономика стран Азии и Африки

Бойцов В.В.

Юго-Восточная Азия и Китай: экономический диалог

Активизация экономического сотрудничества стран Юго-Восточной Азии (ЮВА) и Китая в период после Второй мировой войны берет начало в 1991 г., когда были установлены дипломатические отношения между Китаем и международной региональной организацией Ассоциация стран Юго-Восточной Азии (АСЕАН). Следующим шагом в укреплении внешнеэкономических связей Китая и стран ЮВА стало его участие с середины 1990-х гг. в таких структурах международного взаимодействия АСЕАН как межрегиональные форумы и система диалога в формате 10+1 и 10+3 (с участием также Японии и Республики Корея). Наконец, с начала 2000-х гг. главным направлением развития внешнеэкономического сотрудничества Китая и стран ЮВА стало расширение и углубление его хозяйственных контактов с АСЕАН как развивающейся зоной свободной торговли. В итоге в 2002 г. между Китаем и АСЕАН было подписано «Рамочное соглашение о всеобъемлющем экономическом сотрудничестве», предполагавшее создание к 2010 г. зоны свободной торговли Китай-АСЕАН, крупнейшей среди развивающихся стран и, согласно некоторым оценкам, по своему финансовому и хозяйственному значению уступающей только Североамериканской зоне свободной торговли.

Выбор Китая в качестве предпочтительного партнера в деле формирования совместной зоны свободной торговли был связан с

поисками странами ЮВА стабильного и крупного рынка для товаров своей экспорториентированной экономики и, прежде всего, ее обрабатывающих отраслей. Западная Европа, США и Япония в условиях экономических потрясений испытываемых в конце 1990-х — начале 2000-х гг. и вызванного в связи с этим снижения их спроса на импортную продукцию не отвечали растущим потребностям стран юговосточноазиатского региона в реализации производимых этими странами товаров на рынках промышленно развитых государств. В этих обстоятельствах быстро и стабильно развивающаяся экономика Китая представлялась странам ЮВА более привлекательной для активизации тесных взаимных хозяйственных связей в интересах развития их экономики. Со своей стороны, Китай, рассчитывая на поддержание высоких темпов хозяйственного роста, испытывал все возрастающие потребности в природных, экономических и других ресурсах и был озабочен поисками их надежных источников. В неменьшей степени он был заинтересован и в открытии новых рынков сбыта для продукции своей быстро растущей промышленности, в том числе таких, которые могли бы компенсировать сокращение ее поставок в Западную Европу и Северную Америку. В сложившихся в рассматриваемое время условиях страны ЮВА, с точки зрения Китая, как нельзя лучше, отвечали этим обеим его важнейшим экономическим потребностям. Все это, вместе взятое, и предопределило хозяйственное сближение стран ЮВА и Китая до уровня совместной зоны свободной торговли, предусматривающей не только свободное перемещение внутри нее товаров, услуг и капиталов, но и распространения сферы взаимного сотрудничества на такие отрасли экономики как сельское хозяйство, энергетика, информационные технологии, транспорт, туризм, защита окружающей среды, освоение дельты р. Меконг и т.п.

Не ограничиваясь этим, Китай в интересах развития стабильных внешнеэкономических связей со странами ЮВА и укрепления там своих экономических позиций наметил ряд мер по оказанию поддержки партнеров по зоне свободной торговли в трудные для них годы глобального экономического кризиса 2008 — 2009 гг. Так, в частности, им планируется создание инвестиционного фонда на сумму в 10 млрд. долл. США для финансирования в странах ЮВА современных отраслей хозяйственной инфраструктуры, в том числе

в такой важной для него сфере как использование природных ресурсов. Предполагается также в течение ближайших трех-пяти лет выделить этим странам в виде кредитов 15 млрд. долл. на нужды реализации хозяйственных проектов, представляющих взаимный интерес. Принято решение предоставить 39,7 млн. долл. в юанях в виде финансовой помощи наименее развитым в экономическом отношении странам региона — Камбодже, Лаосу и Мьянме. Намечается выделить 300 тонн риса для формирования резерва на случай чрезвычайных обстоятельств в зоне ЮВА и Дальнего Востока.

В финансовой сфере Китай в рамках так называемой «Чиенгмайской инициативы» дал согласие на финансирование трети совместного фонда субрегиональной территориальной группировки в формате АСЕАН+3, формируемого в целях оказания его участникам и, прежде всего, странам ЮВА поддержки их национальным валютам в критической для них ситуации (например, для защиты от внешнего воздействия, стабилизации курса, смягчения дефицита платежного баланса).

Все эти и некоторые другие шаги, предпринятые странами ЮВА и Китаем по интенсификации их внешнеэкономического сотрудничества, позволили уже к концу первого десятилетия XXI века заметно увеличить объем их взаимных экспортно-импортных операций. Это дало возможность обеим сторонам (АСЕАН и Китаю) к указанному сроку занять четвертую позицию среди всех своих внешнеторговых партнеров.

В тоже время встречные инвестиционные потоки между рассматриваемыми контрагентами, в особенности из Китая в страны ЮВА, пока остаются весьма незначительными и не превышают 2,0% от всех размещаемых там ежегодно прямых иностранных частных инвестиций.

Бочарова Л.С.

К вопросу о состоянии современного рынка рабочей силы арабских стран

Масштабы рынка труда определяются, прежде всего, параметрами воспроизводства рабочей силы, которые, в свою очередь зависят от динамики общей численности населения. Совокупная

численность жителей арабских стран составляла в 2007 году по разным данным от 313 млн до 331 млн человек, что эквивалентно одной пятой населения Китая и половине совокупного населения Европы и Центральной Азии. За последние 17 лет численность жителей региона выросла на 40%, а к 2015 году увеличится еще на 16% и достигнет 385 млн чел., несмотря на снижение ежегодных темпов прироста населения с 3,2% в 1970-1975 гг. до 1,9% в 2010-2015 гг.

Отличительной особенностью демографической структуры населения арабских стран является преобладающая доля молодых людей: 60% населения моложе 25 лет, а 33% жителей не достигли и 15-летнего возраста. Средний возраст жителей не превышает 22 лет. При сопоставлении с аналогичными показателями по другим регионам и миру в целом (28 лет), можно утверждать, что это самый молодой субрегион мира.

Рост населения молодых возрастов — основной источник пополнения трудовых ресурсов. Годовые темпы прироста населения в трудоспособном возрасте (15-64 года) с 1990 г. по 2007 г. составили 3,4%.

Важный элемент характеристики экономически активного населения — структура его занятости. По данным международной статистики в 2003-2006 гг. среди мужского населения арабских стран Ближнего Востока и Северной Африки она выглядела следующим образом: 18,6% были заняты в сельском хозяйстве, 22,4% — в промышленности и близких к ней по характеру занятости отраслях и 59% — в сфере услуг.

Что касается женщин арабских стран, то на пути их участия в общественном производстве все еще сохраняются различные преграды, связанные как с религиозными традициями, так и недостаточно высоким уровнем развития производительных сил, закреплением за женщинами определенного вида работ, дискриминацией в оплате труда. Именно поэтому только треть трудоспособных женщин (а конкретнее 26,7%) в 2005 году входила в категорию экономически активных. Этот показатель был самым низким в мире. Для наглядности можно привести сопоставимые данные по Южной Азии 36,2%, Латинской Америке и странам Карибского бассейна 51,9%, Восточной Азии и Азиатско-Тихоокеанского региона 65,2%, в целом по развивающимся странам 52,4% и развитым государствам 61,8%.

Серьезным тормозом в трудоустройстве женщин, особенно тех, кто приобрел образование и специальность, является растущая конкуренция со стороны специалистов-мужчин. И тем не менее, в среде профессиональных и технических работников в Сирии они составляют 40%, в Египте, Алжире, Омане, Марокко и ПНА — 30-35%, в ОАЭ и Катаре достигают четверти всех занятых, а в Йемене 15%.

Наиболее ярко дискриминация женщин проявляется с сфере доходов. Так, в Саудовской Аравии средняя зарплата женщины составляет 15% от мужской, в Египте — 23%, в Марокко — 25%, в Иордании — 30%, в Сирии — 33%, а в Израиле — 64%.

Наряду с отмеченными проблемами дискриминации арабских женщин, нарастает процесс феминизации. Это, в частности, проявляется в росте занятости в индустриальном секторе. Статистика свидетельствует о существенной дифференциации в этой сфере. Так, в 2003-2006 гг. 25% экономически активных жительниц Алжира находили применение своему труду на крупных, средних и мелких промышленных предприятиях.

Весьма значительную роль в развитии рынка женской рабочей силы играет микрофинансирование, осуществляемое неправительственными организациями. В 2006 г. удельный вес женщин, среди всех, получивших кредиты по линии «Организации Ага Хана по развитию», составил 50% в Египте и 25% в Сирии.

Обращает на себя внимание тот факт, что в арабских странах довольно высок уровень детской занятости. В каком бы секторе экономики ни применялся детский труд, он практически всегда тесно связан с нерегулируемой неформальной экономикой. От 80% до 95% детей в большинстве арабских стран помогают в домашнем хозяйстве и относятся к неоплачиваемым семейным работникам.

На рынке труда Северной Африки и Ближнего Востока наблюдается уникальная ситуация. Несмотря на значительную долю молодежи и крайне низкую занятость женщин, в регионе сохраняются высокие показатели безработицы (в среднем до 24%) и импорта рабочей силы (в ряде стран до 90%). По данным международной статистики в 2004-2007 гг. в странах Ближнего Востока и Северной Африки уровень безработицы достигал 12,1% экономически активного населения, вдвое превосходя аналогичный мировой индикатор (6,4%). При этом доля безработных женщин (18,4%) была почти в два раза выше, чем доля мужчин (10,4%).

Решение проблемы безработицы в арабском регионе при сохранении нынешних темпов прироста населения потребует создания 51 млн. новых рабочих мест к 2020 г.

Важным моментом в развитии рынка рабочей силы стран Персидского залива является массовая трудовая иммиграция. Иностранцы заняты практически полностью в частном секторе, тогда как местные жители преимущественно работают в государственном, а в частных компаниях — в высшем эшелоне управления.

Определенную часть иностранной рабочей силы составляют вынужденные переселенцы и политические иммигранты из других арабских стран. В основном это палестинцы и ливанцы, уехавшие в страны Персидского залива вследствие арабо-израильских войн. Есть также эмигранты из Ирака, Сирии, Йемена, Сомали, Эритреи, Судана, покинувшие свои страны по политическим мотивам.

Гельбрас В.Г.

Китай в XXI веке: проблемы развития

1. В 2002-2008 гг. власти занялись анализом проблем и противоречий развития Китая и разработкой решений. По части из них были разработаны соответствующие программы и определены сроки выполнения. Положительная их сторона состоит в перспективном подходе: немало проблем намечено решить к 2020-2050 гг.

2. Развитие Китая базируется на позитивных факторах, существенно изменивших облик страны в итоге истекших 60 лет. Среди главных экономических успехов, в первую очередь, следует назвать выход Китая в состав первой десятки государств мира с наибольшими размерами ВВП, обретение статуса торгующей нации. Огромную роль сыграла целеустремленность, планомерная деятельность и политико-идеологическая гибкость КПК и государства. Достижения обеспечены сохранением единства рядов КПК, способностью привлекать к выполнению своих планов политически активные силы страны, умению идти на самообновление и самопреобразование.

3. Китай добился успеха в качестве всемирной перерабатывающей и производящей фабрики, выполняющей заказы крупных международных корпораций. С этой целью были созданы пять крупных

приморских экономических центров. Их достижения стали синонимом успехов всего Китая. В стране повысился уровень и качество жизни части населения, преимущественно горожан. Возрос культурно-технический уровень населения, прежде всего горожан. Подавляющая масса крестьянства остается бедной и малограмотной.

4. Достижения были обеспечены за счет концентрации финансовых и технических средств государства в приморских центрах, ориентированных на расширенное экспортное производство. Углубилась социально-экономическая и культурная дифференциация провинций и автономных районов, социально-культурная дифференциация населения, возникли слои «новых бедных» и «новых богачей». В обществе возникли социально-экономические противоречия между городом и деревней. Крестьянство, лишенное права собственности на землю, ныне подталкивается властями к постепенному отказу и от дарованного ему права хозяйствования на земле. В стране идет постепенная ликвидация пожизненной приписки крестьян к постоянному месту жительства. На этой основе возникла миграция сотен миллионов крестьян. Занятость, низкий культурно-технический уровень населения, особенно женщин, неразвитость здравоохранения стали главными социально-экономическими проблемами страны.

5 В Китае существует дефицит пахотных площадей, пресной воды, железной руды, марганца, меди, нефти и ряда других полезных ископаемых. Ограничены запасы свинца, цинка, никеля, фосфора, серы, бора. Близятся к истощению запасы вольфрама, олова, сурьмы. На долю Китая приходится 4-5% мирового ВВП. При этом происходит чрезмерное расходование ресурсов и энергии. Нельзя сказать, что проблема повышения эффективности использования ресурсов на протяжении десятилетий оставалась вне поля зрения властей. Однако существенных перемен достичь не удалось.

6. Китай вступил в период быстрого старения населения. Особенность ситуации заключается в том, что система социального страхования и социального обеспечения для горожан и кооперативная медицинская система для крестьян находятся только на этапе становления. Идет реформа просвещения и здравоохранения. В условиях гигантских по масштабам миграционных процессов, сохранения многовекового диалектного разнообразия населения эти нововведения сталкиваются с многочисленными трудностями.

7. Решение всей совокупности проблем и противоречий в XXI веке неизбежно приобретает совершенно новые черты, методы и формы. Одной из важных новых черт обстановки состоит в том, что КПК и государство стремятся одновременно, с одной стороны, наращивать экспортное производство и расширять международные экономические позиции государства, а с другой, — развивать внутренний рынок, сглаживать экономические, социальные и культурные противоречия между районами страны, горожанами и крестьянами.

Китай расширяется. Он включился в борьбу за новые рынки сырья и новые пути его доставки, за новые рынки сбыта и новые сферы влияния.

8. Свою роль начинают играть региональные власти, неудовлетворенные концентрацией финансовых и иных активов в пяти приморских центрах экспортного производства. Крупное инфраструктурное строительство способствует начавшемуся процессу развития и интеграции отдельных провинций. С этим процессом уже приходится считаться центральному правительству. Экономические права местных органов власти расширены. Допущена их самостоятельность в организации специализации и кооперирования на территории провинций, даже нескольких из них.

9. КПК и государство обладают гигантской властью. Однако в стране не удалось создать эффективной ее структуры ни в партии, ни в государстве.

10. Народным массам после образования КНР власти никогда не разрешали играть серьезную политическую роль. С 2008 г. ситуация стала меняться. С началом международного экономического кризиса и возникновением проблемы занятости более 200 миллионов крестьян-мигрантов стало ясно, что из пассивного участника общественной жизни крестьянство начало превращаться в силу, с которой необходимо считаться. Властям уже пришлось расширить права низовых органов управления, начать их реформу, заняться модернизацией избирательной системы.

10. Будущее будет во многом определяться позицией и ролью КПК. Рано или поздно ей придется решать один из кардинальных вопросов общественной жизни: продолжать удерживать позиции непосредственно правящей партии либо искать иные способы влияния на все стороны жизни страны и общества.

Президентские выборы 2009 года в Афганистане

20 августа 2009 года состоялись очередные выборы президента Афганистана (вторые выборы с момента разгрома сил талибов в стране). Всего на этот пост претендовал 41 кандидат, в том числе две женщины (для сравнения — в аналогичных выборах 2004 г было зарегистрировано 18 кандидатов). Все депутаты — свободные самовыдвиженцы, кроме одного — уволенного Карзаем министра иностранных дел — Абдулла-Абдулла, который шёл на выборы от оппозиционного фронта, не являясь, однако, его членом. Одновременно проводились выборы и в местные советы (было зарегистрировано три тысячи кандидатов на 420 мест). Провинциальные советы избираются пропорционально количеству населения, но в каждом совете предусмотрено два места для женщин. Президент Афганистана избирается на пять лет, может занимать этот пост дважды, он должен быть афганским гражданином и иметь родителей-афганцев.

Разброс политической ориентации кандидатов был огромен: от явных сторонников движения Талибан, до совершенно незнакомых обществу лиц и бывших сторонников коммунистов. Избиркомом были сняты два кандидата в президенты и 54 кандидата в местные советы (наличие оружия, связи с террористическими группировками, двойное гражданство). Расходы на выборы составили 220 млн.долларов.

По всей стране было создано 7000 избирательных участков, в каждом избирательном участке были установлены два прозрачных пластмассовых прямоугольных бака (зелёный и оранжевый, один для выборов президента, другой для выборов в местные советы). Рядом за столом сидел работник избиркома, у которого стояла баночка с несмываемой краской. В зависимости от региона краска была либо фиолетовой (Мазари-Шариф), либо зеленой (южные провинции). Избиратель макал в эту баночку свой указательный палец по первую фалангу, после чего получал бюллетени. Избирательные участки имели два отделения, для мужчин и женщин. Перед участком каждого проверяла полиция с металлоискателем, женщины-полицейские просили избирательниц поднимать чадру перед входом.

Население Афганистана западными экспертами оценивается в 30 млн. человек, проживающих в 34 провинциях. Право голоса имеют все граждане старше 18 лет. На выборы зарегистрировалось

около 17 млн. человек, хотя явилось много меньше. Во многих отдаленных районах люди не имели возможности добраться до избирательных участков (большие расстояния, опасности в пути и т.д.). Для доставки бюллетеней в дальние районы было мобилизовано 3000 ишаков и несколько вертолетов.

Руководители движения Талибан призвали бойкотировать выборы, они распространяли так называемые «ночные письма» — листовки, которые расклеивались в людных местах: на мечетях, базарах, правительственных зданиях и т.п. В выборах практически не участвовали ДЕВЯТЬ(!!!) южных провинций, занимающих 46% площади страны. Поскольку краску долго нельзя смыть, талибы объявили, что легко вычислят тех, кто осмелился явиться на выборы, и будут отрезать каждому именно ТОТ палец, который замазан краской (между прочим, наблюдатели сообщали, что в некоторых местах люди смывали краску с пальцев каким-то раствором, и получали возможность голосовать вторично).

Чтобы не создавать панического настроения у населения, правительство распорядилось не транслировать в дни выборов известий о террористических актах, и пригрозило закрыть печатные органы, а также выслать иностранных журналистов, если они нарушат этот запрет.

Англичане сообщили, что даже при наличии войск (4 тыс. солдат морской пехоты, несколько десятков тысяч афганских сил, плюс полиция), они не могли гарантировать явку запуганного талибами населения. Например, в провинции Гильменд из 80.000 населения, к урнам отважилось прийти только 185 человек. Зато северные провинции, свободные от талибов, показали явку в 80 %. Таким образом, можно признать, что кабульское правительство совершенно не контролирует обстановку в южных провинциях, об этом сказал сам Карзай, а англичане сообщили по телевидению.

Выборы активно освещались не только в Афганистане, но и в Европе. Несколько репортажей сделали журналисты СиЭнЭн, а от БиБиСи в эти дни работали несколько групп журналистов, которые весь день 20 августа каждые полчаса вели трансляцию с места в режиме реального времени (две из Кабула, одна из Мазари-Шарифа, одна из Лашкар-Гаха, одна из Кандагара). От 25 стран в Афганистан приехало 117 наблюдателей, которые вели мониторинг с избирательных участков.

Следует отметить, что выборы прошли не без трудностей: во многих городах, даже в Кабуле, отмечены нападения террористов на охрану, перестрелки с армией, минирование избирательных участков, обстрел городов, что привело к жертвам как среди армии, так и среди мирного населения. На некоторых участках не хватило бюллетеней, некоторые участки закрывались раньше срока.

По словам главы оборонного ведомства, всего в день голосования были совершены 139 террористических вылазок. Он сообщил, что всего за этот день погибли 18 человек из числа сотрудников органов безопасности страны и 9 гражданских лиц. По словам министра, 39 сотрудников правоохранительных органов и 13 жителей получили ранения.

По словам главы МВД Атмара, на 70% территории страны избирательные участки работали в нормальном режиме. «На 30% территории возникали трудности с безопасностью, но, тем не менее, народ пытался принимать участие в выборах», — заявил министр.

2 ноября Хамид Карзай, собравший более половины голосов избирателей, был объявлен президентом Афганистана. Запад признал его легитимность и поздравил его с победой. Кроме поздравлений, западные страны дали понять ему, кого хотят видеть в его правительстве и объяснили, как бороться с коррупцией. Как говорится, «кто платит, тот и заказывает музыку».

Карамурзов Р. Б.

Страны Центральной Азии и Южного Кавказа (1991-2008 гг.). Положение науки в период кризиса переходного типа, восстановительного и поствосстановительного экономического роста

Положение науки в странах Центральной Азии (ЦА) и Южного Кавказа (ЮК) во многом определяется динамикой двух индикаторов: объемом выполненных научно-технических работ (НТР) и числом исследователей, занятых в этой отрасли экономики.

Общей чертой динамики объемов НТР в рассматриваемых странах было то, что их снижение происходило быстрее и в больших масштабах, чем сокращение всего ВВП, а восстановление — шло медленней и оказалось гораздо меньшим по величине. Об этом

красноречиво свидетельствуют факты. Так, в большинстве стран рассматриваемых регионов во второй половине 2000-х годов был превышен докризисный уровень ВВП; в 2008 году (по отношению к уровню 1990 года) он составлял: в Армении — 166%, Азербайджане — 207%, Казахстане — 141 %, Туркменистане — 224%, Узбекистане — 163%¹. При этом, объем выполненных НТР в 2008 году был всё еще ниже уровня 1990 года: в Армении — в 7,3 раза, Азербайджане — в 2,4 раза, Грузии — в 13,6 раз (данные за 2005 год), Казахстане — в 1,7 раза, Кыргызстане — в 3,7 раза, Таджикистане — почти в 10 раз². Стоит особо отметить, что масштабы сокращения объемов НТР в худшие годы кризиса переходного типа были (по нашим расчетам, на основе данных официальной статистики) меньше значений 1990 года: в 58 раз в Армении (1995 г.), в 365 раз (!) в Грузии (1994 г.), в 64 раза в Азербайджане (1995 г.), более чем в 6 раз в Казахстане (1995 г.), и в 60 раз в Таджикистане (1997 г.)³. Проведение аналогичных расчетов по Туркменистану и Узбекистану оказалось невозможным ввиду отсутствия необходимых статистических данных относительно объемов НТР.

В период кризиса значительно сократилось также и число исследователей. В годы наибольшего снижения занятости в сфере науки, относительно уровня 1990 года, оно составляло от 45 % (в Азербайджане, в 2001 году) до 84 % (в Таджикистане в 1997 году) и даже 86 % (в Армении в 1995 году). Но и к 2008 году в рассматриваемых странах не был преодолен даже пятидесятипроцентный (относительно уровня занятых научными исследованиями в 1990 году) рубеж. Единственное исключение здесь — Азербайджан, где величина данного показателя составила 71 % от докризисного значения⁴. Во всех странах рассматриваемого региона сокращение числа специалистов-исследователей было большим, по сравнению

¹ Подсчитано по сведениям базы данных Всемирного банка «WDI-online» (<http://publications.worldbank.org/WDI>) о величине ВВП в постоянных ценах (в национальных денежных единицах)

² Подсчитано по данным «Official statistics of the Countries of the Commonwealth of Independent States, 2008-13» (CD-ROM), «Содружество независимых государств в 2008 году. Статистический ежегодник», электронная версия (CD-ROM) и сведениям базы данных Всемирного банка «WDI-online» (<http://publications.worldbank.org/WDI>)

³ Подсчитано по данным «Official statistics of the Countries of the Commonwealth of Independent States, 2008-13», CD-ROM

⁴ Подсчитано по данным «Official statistics of the Countries of the Commonwealth of Independent States, 2008-13», CD-ROM

с сокращением занятых в целом по экономике и по сравнению практически со всеми основными отраслями народного хозяйства, такими как промышленность, сельское хозяйство, строительство и, особенно, торговля, а также транспорт и связь.

Тот факт, что ни по объемам НТР, ни по числу занятых в сфере науки, в странах ЦА и ЮК не был достигнут докризисный уровень, может быть, отчасти, объяснен устранением существовавших структурных диспропорций в народном хозяйстве, связанных с особой ролью военно-промышленного комплекса СССР, «обслуживание» которого концентрировало очень значительную часть всего научно-технического потенциала страны. Впрочем, само по себе, устранение диспропорций не гарантирует автоматического достижения оптимальных показателей как числа занятых в науке, так и максимально возможного объема НТР.

Модернизация народного хозяйства, которую провозглашают и пытаются осуществлять новые независимые государства ЦА и ЮК — сложный и противоречивый процесс, который далеко не всегда напрямую коррелирует с развитием собственных НИОКР. Но, как показывает, например, опыт малых и средних стран Западной Европы, современный экономический рост неизменно сопровождается (а иногда и предваряется) созданием национального научно-технического потенциала. На наш взгляд, в странах ЦА и ЮК, процесс социально-экономической модернизации вряд ли окажется возможным без развития сферы НИОКР. Однако масштабы этого процесса будут определяться с учетом специфики положения этих стран в мировом экономическом пространстве.

Мазырин В.М.

АСЕАН плюс 1 (КАФТА) — основа экономической интеграции в Азиатско-Тихоокеанском регионе

Общие положения

• в нарастании торгово-экономических связей между странами Восточной Азии (и шире АТР) проявляется общая тенденция регионализации мировой экономики

- это не антипод глобализации, а условие оптимизации внешне-экономической политики

- форсирование экономической интеграции помогает государствам региона успешнее отстаивать свои интересы, в т.ч. противостоять кризисам, коллективными средствами

- создание зоны свободной торговли АСЕАН-Китай (КАФТА) оказалось наиболее успешным интеграционным проектом в АТР, альтернативой малоэффективной АТЭС

Стимулы к сближению

- расширение сотрудничества вызвано объективной заинтересованностью обеих сторон, причем Пекин выступает инициатором и двигателем объединительного процесса

- превращение КНР в новые лидеры региона и центр общерегиональных экономических процессов служит предпосылкой формирования единого хозяйственного пространства

- АСЕАН выбрана как независимая организация, не создающая серьезной угрозы безопасности Китая, выгодный партнер, пример успешной региональной интеграции

- Китай стремится за счет АСЕАН увеличить рынок сбыта и продвижения своих товаров, получить доступ к природным ресурсам ЮВА для поддержки быстрого роста экономики

- создается геополитическое равновесие в регионе, подорванное окончанием холодной войны, Китай выступает как конкурент США и Японии в ЮВА, ослабляя их позиции

- в лице политически и экономически самого стабильного государства мира страны АСЕАН получили обширный рынок сбыта и поставок своей продукции, технологий

- младшие члены АСЕАН видят общность стоящих перед ними социально-экономических проблем и сходство путей их решения, хотят использовать опыт и помощь Пекина

- для стран ЮВА важна способность КНР поддерживать их в условиях регионального (1997-98) и мирового (2008-09) валютно-финансовых кризисов прямо и косвенно

Организация, потенциал и результаты сближения

- основа сближения — определение плана действий и создание необходимых механизмов координации действий; охват ЗСТ раз-

личных сфер экономики (торговля товарами и услугами, встречные инвестиции, промышленная кооперация, туризм, достижения ИТР)

- движение к экономическому сообществу типа «общего рынка» идет в ряде направлений: транспорт, энергетика, социальная сфера, сельское хозяйство, финансы (страховой фонд), информатика, развитие людских ресурсов, экология и освоение бассейна реки Меконг

- быстро растет товарооборот (профицит у АСЕАН), улучшается номенклатура торговли

- КНР и во многом благодаря ей страны АСЕАН стали основными получателями ПИИ в АТР; воздействуя на разделение труда между ними, приток капитала способствуют развитию внутриотраслевой и региональной торговли, повышению уровня жизни людей

- огромный потенциал КАФТА: 1,8 млрд. потребителей, суммарный объем ВВП 2000 млрд. долл. и объем внешней торговли 1230 млрд. долл., становится самой большой ЗСТ в мире по населению, а среди развивающихся стран — по ВВП и объему торговли

- создание КАФТА увеличит экспорт стран АСЕАН в Китай на 48%, а Китая в АСЕАН — на 55,1%. ВВП АСЕАН сможет прирастать дополнительно на 0,9% или 5,4 млрд. долл. в год, Китая — на 0,3% или 2,2 млрд. долл. В более выгодном положении оказался Вьетнам.

Оформление экономического союза и упрочение его основ

- реализация соглашения о всеобъемлющем экономическом сотрудничестве в сроки до 2010-2015 г. оставляет достаточно времени для уточнения формата будущего взаимодействия и углубленной подготовки, особенно менее развитых членов Ассоциации

- КНР взяла на себя финансирование процесса интеграции, в т. ч. первой снизила импортные тарифы на товары из ЮВА, чтобы не усиливать конкуренцию с ними

- КНР направляет много средств на создание важнейшей предпосылки экономических связей — транспортной инфраструктуры путем прокладки специальных коридоров в ЮВА

- строительство энергетических, транспортных, информационных сетей стимулирует развитие экономики Индокитая, обеспечивая тем самым подъем всего объединения

- замедленное открытие рынков стран АСЕАН — не членов ВТО — для китайских товаров дает временную фору отсталым странам для повышения их конкурентоспособности

- экономики КНР и стран АСЕАН имеют общую основу развития (в основном используют внешнеторговую ренту) и в ряде аспектов взаимно дополняют друг друга
- экономическая интеграция возможно не приведет к обострению конкуренции, поможет использованию части сравнительных преимуществ каждой из стран-участниц КАФТА

Выводы

- страны АСЕАН и Китай успешно продвигаются к образованию мощного торгово-экономического союза в Восточной Азии, в котором ведущую роль играет Китай
- налицо выигрыш от экономического сближения, рост комплиментарности экономик
- это уже создало предпосылки для изменения общей геоэкономической конфигурации в регионе, ослабления влияния США и Японии, вытеснения России на периферию АТР
- имеются объективные трудности интеграции, выявляющиеся при строительстве КАФТА
- «необъявленной» целью китайской политики и усилий считается достижение не только экономического, но и военно-политического господства в ЮВА, в целом Восточной Азии
- рост могущества Китая беспокоит АСЕАН, что сохраняет возможность переориентации на другие организации АТР типа АТЭС и вариант интеграции в формате АСЕАН + 3, ВАС

Мельянцеv В.А.

Запад, Восток, Россия: кризис и его последствия

1. Мировой кризис 2008-09 гг.¹ оказался менее глубоким, чем в 1930-е годы, но *самым серьезным за последние 60 лет*. Хотя кризис стал «рассасываться», в частности вследствие беспрецедентной денежно-кредитной накачки (в 2009 г. ~ 10% глобального ВВП), которая, впрочем, вызвала разрастание долговых пирамид, он усилил

---

¹ О его причинах см.: Мельянцеv В.А. Развитые и развивающиеся страны в эпоху перемен. М., 2009.

тенденции, действовавшие в последние два-три десятилетия. Речь идет об ослаблении мирохозяйственных позиций развитых государств (РГ), а также РФ и повышении роли ряда крупных азиатских развивающихся стран (РС).

2. В постбреттонвудский период, несмотря на развертывание ИТР, создание основ знаниеемкой экономики, углубление МРТ и интенсификацию внешнеэкономических связей, в странах Запада и Японии произошло резкое сокращение учетных темпов прироста ВВП и совокупной факторной производительности (СФП). Этот парадокс можно объяснить исчерпанием демографического дивиденда, перемещением (в связи с растущим спросом) ресурсов в менее динамичную третичную сферу экономики, активной передислокацией производственных мощностей в РС, относительным недонакоплением капитала в реальном секторе и его перенакоплением и практикой рискованного инжиниринга в финансовом секторе (в США доля последнего в общем объеме корпоративных прибылей выросла с 1/6 в 1973-85 гг. до 2/5 в середине 2000-х годов, в 2007 г. он сосредоточил 80% всех банковских кредитов). В результате, по оценкам, в 2010 гг. доля РГ в глобальном ВВП впервые за последние 120 лет станет меньше половины.

3. Вследствие кризиса серьезно пострадали ~ 2/5 РС, но гораздо меньше других — два азиатских исполина (Китай и Индия). В этих двух странах, обладающих огромными ресурсами дешевой и дееспособной рабочей силы, *сильное прорывное государство* на протяжении десятилетий проводило в целом *взвешенную* макроэкономическую политику (избегая преждевременной либерализации капитальных счетов), а вклад экспорта в прирост ВВП не превышал в среднем соответственно 18-22 и 8-12%¹. Вклад Индии и Китая в прирост глобального ВВП стремительно возрастал: соответственно с 4 и 8% в 1980-е годы, до 6 и 16% в 90-е, 8 и 23% в 2000-07 гг. и 12 и 33% в 2008 г. В 2009 г. без учета вклада этих двух стран абсолютный спад мировой эко-

¹ Расчеты произведены по следующей формуле: $\Delta Y = d1 \cdot S1 + \Delta X + (d2 - d1) \cdot S2$, где ΔY — прирост ВВП, $S1$ и $S2$ — внутреннее предложение ресурсов ($Y-X+M$) в начале и конце периода, $d1$ и $d2$ — соответственно доли внутреннего производства ($Y-X$) в начале и конце периода во внутреннем предложении ресурсов — $(Y-X)/(Y-X+M)$. Прирост ВВП складывается из трех эффектов: увеличения внутреннего спроса, экспортной экспансии и эффекта импортзамещения.

номики был бы вдвое большим. Хотя в развитии Китая и Индии есть немало элементов несбалансированности, и им еще далеко до РФ по уровню технологий и подушевого ВВП, долгосрочный рост СФП в них в 2-3 раза выше, чем в РФ, и в ближайшие 10-15 лет по объему ВВП (в ППС) они способны обогнать соответственно США и Японию.

4. Нынешний кризис, который в РФ оказался особенно глубоким (в 2009 г. падение ВВП на 7-8%), высветил острые проблемы экономической небезопасности сырьевой страны, сильно зависимой от внешней конъюнктуры, страдающей от недонакопления капитала, низкого качества управления и институтов. В РФ *реальная норма капиталовложений* (в ППС 12-13% ВВП) в 1.5 раза меньше, чем в РФ (19-20%), вдвое — чем в Индии (23%), и втрое — чем в КНР (38%). В РФ *совокупные расходы на высшее образование, науку и ИТ* в ВВП (в 2007 г. 6%) на 1/5 меньше, чем в Индии (7.6%), на 2/5, чем в КНР (10%), вдвое — чем в азиатских НИС и РФ (11-13%). Низкая эффективность и неустойчивость роста в немалой мере определяются недостатком легитимности власти и собственности, монополизмом и высоким «градусом недоверия» в обществе. По инновационному индексу РФ занимает 73-е (из 133) место, по уровню государственного управления 110-е, по уровню развития правовой системы 116-е, по защите прав собственности 119-е место (из 133).

5. Очевидно, что перед лицом серьезных вызовов, с которыми мир, вероятно, столкнется в ближайшие десятилетия, правительствам РФ, РС и РФ предстоит непростая задача *по сдерживанию рентостремительных сил* в своих обществах, формированию ответственной и взвешенной политики и координации усилий на межгосударственном уровне.

Перепёлкин В.Ю.

Современный этап аграрных преобразований в Иране

Согласно результатам двух последних всеобщих сельскохозяйственных переписей Исламской Республики Иран 1993 и 2003 годов средний размер земельного участка за период с

1993 г. по 2003 г. уменьшился с 5,5 га до 5,1 га, то есть на 7,8 %, по количественному составу в группе хозяйств, владеющих площадью менее 2 га произошел относительный рост. Не случайно с середины 90-х годов начался текущий этап аграрных преобразований в сфере земельной сельскохозяйственной собственности, характеризующийся акцентированием усилий руководства ИРИ на торможении процесса фрагментации земельных наделов.

Еще 21 июня 1995 г. парламентом страны был принят «Закон о целевом использовании земель пахотных угодий и садов», запрещающий нецелевое использование сельскохозяйственных земель пашни и садов, положивший начало правовому оформлению последнего по времени этапа аграрных преобразований в стране. К категории нецелевого использования относилось раздробление участков, но только процессы дальнейшей фрагментации земельного фонда, выявленные сельскохозяйственной переписью 2003 года, нашли отражение в усилении правового регулирования — 23 октября 2006 г. парламент Собрание Исламского совета ИРИ принял поправки к «Закону о целевом использовании земель пахотных угодий и садов», существенно усиливающие действие санкции за нарушение его положений. В продолжение принятого нового курса аграрной политики 4 марта 2007 г. Собранием Исламского совета был принят «Закон о предотвращении фрагментации сельскохозяйственных земель и создании участков, отвечающих технологическим и экономическим требованиям» (одобренный 10.02.2007 г. Советом по определению политической целесообразности). Запрещалось разделение и фрагментация участка ниже предела, устанавливаемого постановлением кабинета министров и инструкцией Министерства сельскохозяйственного джихада на основе данного закона. Постановление вступило в действие 6 октября 2009 года. Площадь определялась дифференцированно для каждого остана (провинции страны) и в зависимости от наличия ирригации. При этом минимальные размеры богарных земель в среднем в 2-3 раза больше поливных (минимально 5-10 га для пашни).

Наряду с запретительными статьями закон содержит инструменты поощрения землевладельцев участков меньше установленного предела к дефрагментации владений. Органы государственной

власти должны оказывать им необходимое льготное финансово-кредитное, правовое, маркетинговое, техническое содействие, субсидирование, развивать производственную инфраструктуру. По распределению земельной площади наблюдалась как тенденция увеличения удельного веса как в группе хозяйств, владеющих площадью менее 5 га, так и в группе хозяйств, владеющих земельными участками от 50 га и выше. Последнее говорит о государственной поддержке проектов в сельском хозяйстве, осуществляемой в данной категории землевладений.

Фактор государственной помощи ярко прослеживается на примере производства пшеницы. При общей тенденции сокращения средних размеров земельных участков в целом в земледелии Ирана средний участок земельной площади под производство пшеницы увеличился с 3,46 га в 1993 г. до 4,18 га в 2003 г., то есть на 21 %. Урожайность выросла с 1,41 т/га до 1,68 т/га (пик урожайности пришелся на 2007 год 2,26 т/га в среднем по стране с последующим падением вследствие засухи 2008 года до 1,2 т/га). При этом если в 1993 г. в среднем на одно хозяйство производилось 4,9 т пшеницы, то в 2003 г. — 7,03 т., что мы объясняем мерами поддержки в русле государственной концепции самообеспеченности Ирана продовольствием. За соответствующий период гарантированные государственные закупочные цены на пшеницу выросли в 10 раз.

Необходимо отметить значительный разрыв в урожайности на поливных (в среднем 3,09 т/га) и богарных землях (в среднем 0,92 т/га). Именно этим фактором объясняется тенденция к выживанию мелких участков, данные последней сельскохозяйственной переписи показывают, чем меньше участок, тем больше доля (до 90%) поливных земель в составе данной категории сельхозугодий, соответственно выше урожайность. Государственное регулирование прав собственности на водные ресурсы и тарифы — важная черта современной аграрной политики Ирана, что подкрепляется грандиозными планами строительства гидросооружений. К 2009 г. в стране действовало 583 плотины, предоставляющих возможность орошения 2145624 га сельскохозяйственных земель, находилось в стадии строительства 129 и на этапе проектирования 553 плотин (соответственно с потенциалом ирригации 823445 и 1364065 га).

Существенной характеристикой текущего периода аграрной политики ИРИ является усиление тенденций экономической политики

государственного регулирования и контроля, как в законодательной сфере, так и в области предоставления помощи развитию сельского хозяйства, распределения земельных и водных ресурсов. Если в период после установления исламской республики с 1979 года по настоящее время по наиболее радикальному законодательству о признании прав на захваченные в ходе революционных событий земледельцами участков (имеющих статус переданных для временного ведения сельскохозяйственной деятельности — «кешт-э моваггат») подпадало всего 869691 га угодий, то по законодательству о целевом использовании контроль и надзор государственных органов распространялся на 23 млн. га земель сельскохозяйственного назначения.

Тенденции современного этапа в сфере прав собственности земледельцев ограничивают эффективное функционирование рынка земельной собственности в сельском хозяйстве Ирана.

Тимонина И.Л.

Тенденции развития российско-японских экономических отношений в период мирового финансово-экономического кризиса

Современный финансово-экономический кризис прервал позитивные тенденции развития российско-японских экономических отношений, имевшие место в предшествовавшее десятилетие.

До 2008 г объем двусторонней торговли рос в течение 10 лет и в 2008 кал. г. достиг почти 30 млрд. долл., после чего началось его снижение¹:

	Экспорт Японии в РФ (трлн. иен)	Импорт Японии из РФ (трлн. иен)
2007	1,265	1, 241
2008	1, 714	1,389
2009	0,307	0,825

¹ По методике платежного баланса., чистый приток. Данные таможенной статистики Японии (<http://www.customs.go.jp/toukei/srch/indexe.htm?M=27&P=1,,3,224,1,,,,,2007,2009,,,,,,20>; <http://www.prime-tass.ru/news/0/%7B44AE23CC-BCAB-47CD-AD68-155C5F321EE5%7D.uif>

В экспорте Японии в Россию особенно резко (на 91,5%) упали поставки автомобилей и других транспортных средств, а в экспорте РФ в Японию на 70,4% упали поставки металлов и металлоизделий. Вместе с тем произошло это на фоне замедления темпов роста мировой торговли, а также снижения общего товарооборота и экспорта каждой из стран.

Прямые иностранные инвестиции (ПИИ) Японии в РФ составляли в 2007 г. 99 млн. долл., 2008 — 306, в январе — июне 2009 г. 175 млн. долл. Снижение инвестиционной активности японских корпораций на российском рынке также происходит одновременно со снижением общего объема экспорта ПИИ из Японии и притока ПИИ в Россию¹.

Таким образом, падение макроэкономических показателей, характеризующих общее состояние и тенденции российско-японских экономических отношений в период кризиса, находится в русле общего вынужденного снижения внешнеэкономической активности каждой из стран.

Характер, динамика и перспективы развития японо-российских экономических отношений во многом определяются стратегическим подходом ведущих японских корпораций к освоению российского рынка.

Анализ деятельности японских компаний на нашем рынке за последний год дает весьма пеструю картину. Однако в целом мы наблюдаем определенное «торможение» процесса освоения нашего рынка по сравнению с динамикой предшествующего периода (2002-2008 гг.). Некоторые компании делают выбор в пользу других развивающихся рынков. И здесь следует отметить, что конкуренция за японские инвестиции между странами приоритетной группы (Россия, Индия, Китай, страны Восточной Азии) весьма велика.

Однако замораживание некоторыми японскими компаниями планов продвижения в Россию или отказ от них в большинстве случаев связаны с оптимизацией бизнеса в условиях кризиса, а не с изменением общего стратегического подхода. Россия занимает заметное место и в «кризисных», и в «послекризисных» стратегиях ведущих японских компаний. По словам премьер-министра РФ В.В. Путина, «многие японские корпорации по-прежнему заинтересованы в со-

---

¹ http://www.jetro.go.jp/en/reports/statistics/data/bpfdi03_en_0910.xls;
<http://www.finam.ru/analysis/forecasts00E10/default.asp>

здании в России своих производств», «они вплотную занимаются реализацией этих планов и принимают решения, исходя из долгосрочных расчетов и вопреки текущим сиюминутным трудностям»¹.

Более того, можно предположить, что ряд японских компаний стремится воспользоваться кризисной ситуацией с тем, чтобы упрочить свои позиции в России. Это относится, прежде всего, к нефтегазовому сектору.

Для российских предприятий обрабатывающих отраслей имеется возможность приобщиться к производственным системам японских корпораций, получив доступ к передовым технологиям и методам организации производства. Для предприятий перерабатывающих отраслей кооперация с японскими компаниями также может оказаться весьма полезной, имея в виду необходимость повышать уровень переработки сырья и материалов, производить и экспортировать продукцию с более высокой долей добавленной стоимости, в том числе на основе коммерциализации собственных научно-технологических разработок и использования японских технологий.

В долгосрочном периоде наиболее перспективным представляется сотрудничество в сфере высоких технологий, поскольку японские компании связывают свое «послекризисное» развитие, прежде всего, с освоением новых, технически передовых продуктов, а также разработкой и внедрением собственно технологий. Для России такое взаимодействие даст возможность реализовать имеющийся научно-технический потенциал, повысить конкурентоспособность в технологически сложных отраслях и в перспективе изменить свое позиционирование в рамках экономической интеграции в АТР.

Круглый стол на тему: «Элиты стран Востока и Запада в XX веке»

Гевелинг Л.В.

Социальный портрет африканской элиты

Исследовательский проект «Африканская элита» существует уже около 100 лет. По подсчетам Дж.Джонсона, в период с

¹ <http://www.prime-tass.ru/news/articles/-201/%7B73DCB6CE-9B5A-4E1B-B799-4C7>

1920 по 1970 год было издано более 340 книг и статей, связанных с анализом элит только в странах франкофонной Африки. Изучением африканских элит занимались такие видные антропологи, социологи и политологи, как К.Леви-Стросс, П.Ллойд, Л.Плотников.

Анализ африканских элит (в рамках ценностного, структурно-функционального, институционального или психологического подходов) миновал несколько этапов развития. Сначала, как отмечает К.Ленц, африканисты писали о местных элитах в «моралистическом тоне». Затем настало время глубокого разочарования в африканских политиках и топ-бюрократах. Африканских лидеров критиковали за паразитизм, некомпетентность, стремление к безудержному самообогащению. Позднее анализ переместился в область изучения роли и места элиты в неопатримониальных политических системах. И, наконец, на рубеже XX и XXI вв. возникла идея рассматривать африканские элиты (во всяком случае, часть из них) как континентальную социальную общность глобализирующегося типа (Н. Kontzé и С. Steyn, 2003 г.).

Используя результаты конкретно социологических обследований политического класса в семи странах Африки (проводились при содействии Фонда К.Аденауэра в начале XXI в.), можно попытаться нарисовать «групповой портрет» элиты африканского государства. Так, возраст большей части респондентов из числа нигерийской элиты колебался в пределах от 43 до 52 лет. Примерно такой же возрастной состав характеризовал верхушку политического класса ЮАР. Значительная часть элит Алжира (37,6%) и Кении (49,2%) находилась в возрастной группе 33 — 42 года, многие респонденты из Зимбабве (44,2%), Алжира (26,5%), Кении (24,2%) и Уганды (18,9%) не достигли еще и 32-летнего возраста.

Нигерийская элита полностью отвечала так называемому *железному закону андрархии* (правление мужчин). Если в среднем по Африке на долю женщин приходилось около четверти численности элиты, то в Нигерии этот показатель достигал только 7,7%. В Алжире и ЮАР он равнялся 22,3%. При этом 60% нигериек, входящих в элиту, занимали ответственные должности в различных учреждениях гражданской службы. Что касается большинства представительниц верхней страты общества ЮАР, Кении и Сенгала, то они трудились в неправительственных и гражданских организаци-

ях, а угандийки и зимбабвийки работали в качестве специалистов либо вели научную или преподавательскую деятельность.

Любопытно, что Нигерия занимала первое место среди обследованных стран по числу женатых/замужних представителей элиты. Наименьшее число браков приходилось на долю алжирской элиты (50,5%). При этом большинство респондентов из Зимбабве, ЮАР, Алжира и Кении имели от одного до четырех детей. Восемь или более детей находилось на иждивении 41,5% членов нигерийской элиты, 42,3% — сенегальской и 47,4% — угандийской элиты.

Особенности социализации и в частности политической социализации африканцев играют существенную роль в формировании местного политического класса. Большая часть (76,9%) будущих представителей нигерийской элиты (как, впрочем, сенегальской, южно-африканской, алжирской и зимбабвийской) провели свои детские и юношеские годы в городах. Принято считать, что социальная среда урбанизированных районов прививает молодежи интерес к новым технологиям, масс-медиа и иным ресурсам развития современного общества. Здесь следует отметить, что наиболее «урбанизированными» оказались элиты Алжира и Сенегала, а наименее — Уганды и Кении. К этому можно добавить, что 95,4% будущих членов нигерийской элиты родились в самой Нигерии. Первое место по этому показателю заняла Кения (98,3%), последнее — ЮАР, где 11% респондентов родились за пределами страны, в элиту которой они со временем интегрировались.

На протяжении едва ли не всего XX в. одним из решающих критериев включения африканца в состав элиты считался высокий (по местным понятиям) уровень образования. Не случайно и в качестве «настоящей» африканской элиты рассматривалась так называемая *образованная элита*, т.е. категория лиц, которые получили среднее специальное или высшее образование, организованное по западным учебным стандартам. В начале XXI в. 8,5% представителей нигерийской элиты обладали докторскими степенями, 36,2% — магистерскими и 40,8% — бакалаврскими. Любопытно, что наибольший контингент докторов наук (37,7%) числился в сенегальской элите, а наименьший — в зимбабвийской (2,1%). В статистическом отношении разница в уровнях образования между респондентами-мужчинами и женщинами оказалась весьма незначительной.

Существенно, что отцы большинства членов верхушки политического класса не имели университетского образования. Это обстоятельство позволило ряду исследователей подчеркнуть, что «во многих отношениях респонденты — это элита первого поколения».

Весьма показательным аспектом политической социализации служит степень поддержки индивидуумом той или иной политической партии. 8,5% группы респондентов, входивших в нигерийскую элиту, признались, что оказывают «слабую» поддержку своей партии, 24,6% — «умеренную» и 29,2% — «сильную»; 37,7% — что их поддержка вообще «не соответствует» требованиям. Наиболее активными сторонниками своих партий оказались угандийцы (50,5%), южноафриканцы (42%) и зимбабвийцы (40,7%), а наименее — алжирцы (6,7%).

Важным индикатором политической социализации следует считать степень национальной гордости, испытываемой представителем верхушки политического класса. На вопрос: «Насколько вы горды тем, что являетесь нигерийцем?» 73,8% респондентов из Нигерии ответили: «Очень горд», 8,5% констатировали, что «не горды» (примерно в два раза большее число опрошиваемых сообщило, что «горды»). Ответ «совсем не горд» был дан примерно одним процентом респондентов-нигерийцев. Высокую степень национальной гордости (вполне сопоставимую с нигерийским материалом) демонстрировали южноафриканцы (76,3%), алжирцы (69,7%) и сенегальцы (69,2%). Наиболее критически к своей стране были настроены зимбабвийцы.

В целом можно предположить, что состав элит и степень их интеграции в процесс общественных преобразований в значительной мере будут определять темпы и ориентиры политического и социально-экономического развития стран Африканского континента.

Кутовая Е.А.

АСЕАН и ЕС в начале XXI века

В настоящее время идёт процесс формирования новой, более демократической системы международных отношений. На первый план выходит необходимость солидарного поиска ответов на

глобальные вызовы и угрозы, масштаб которых диктует объединительную повестку дня в международных делах, необходимость гармонизации отношений между государствами на основе сближения и взаимопроникновения национальных экономик и культур.

В складывающейся сегодня многополярной структуре международных отношений значительное место по праву отводится региональным организациям. В этом отношении представляет большой интерес рассмотрение характера взаимодействия двух крупных региональных группировок — Европейского Союза и Ассоциации стран Юго-Восточной Азии (АСЕАН).

Являясь крупными международными организациями, в значительной степени определяющими политический и экономический климат в региональном и мировом масштабе, ЕС и АСЕАН заинтересованы во взаимовыгодном сотрудничестве. Отношения АСЕАН и ЕС развиваются в формате диалога — достаточно оправдавшей себя форме отношений, которую избрала АСЕАН для своих международных контактов.

Знаковым для двусторонних отношений стал 2003г.- год принятия документа «Новое партнерство Европейского Союза и Юго-Восточной Азии», отразившего определённые изменения в стратегическом подходе ЕС к отношениям с АСЕАН. Это в свою очередь нашло выражение в постепенном переходе к более гибким формам отношений с АСЕАН в том числе и с учетом специфики политического и экономического развития каждого из государств- членов АСЕАН.

Основой сотрудничества АСЕАН и ЕС остаются экономика, торговля, инвестиции, что позволяет уравновесить относительную слабость политической составляющей их сотрудничества. При этом объём торгово-экономических связей напрямую зависит от степени завязанности ЕС на свои внутренние проблемы. Одной из актуальных задач партнерства ЕС-АСЕАН в торгово-экономической сфере в наши дни становится создание межрегиональной зоны свободной торговли. Переговоры по данному вопросу начались в 2007г., но по целому ряду причин, в том числе из-за неготовности ряда государств- членов АСЕАН идти на уступки ЕС в области либерализации сферы услуг, инвестиционного законодательства и др., они до сих пор не завершены.

Сегодня государства АСЕАН и ЕС сотрудничают и в формате двух форумов, в состав которых они входят. Это — АРФ (Регио-

нальный Форум АСЕАН), который занимается исключительно политическими проблемами и проблемами безопасности и АСЕМ (форум Азия-Европа). В основу деятельности последнего был положен, в частности, достаточно удачный опыт диалогового партнерства между АСЕАН и Европейским Союзом. При этом сам процесс АРФ и особенно АСЕМ рассматривается государствами ЕС и АСЕАН не как альтернатива двустороннему диалоговому сотрудничеству, а как его производная, арена для переговоров, позволяющая более эффективно разрешать возникающие проблемы. Предполагается, что в октябре 2010г. на очередном саммите АСЕМ его членом станет РФ.

Несмотря на непростые условия современной обстановки, связанные в первую очередь с влиянием финансово-экономического кризиса, АСЕАН и ЕС стали весьма успешными примерами региональной интеграции в ЮВА и Европе, во взаимодействии с ними заинтересованы влиятельные «игроки» мировой политики и экономики. Разумеется, что интеграционные процессы в Юго-Восточной Азии и Европе протекают по-разному. С содержательной точки зрения АСЕАН демонстрирует пример регионального образования, коренным образом отличающегося от ЕС. Так, для государств АСЕАН проблемы демократизации, активно дискутируемые западными странами, зачастую являются гораздо менее значимыми по сравнению, например, с вопросами преодоления кризисных процессов в экономике. Достижения в области экономики, политики и социальной сфере стран АСЕАН отнюдь не идентичны достижениям государств ЕС. Модель регионального сотрудничества в ЮВА нацелена прежде всего на решение задачи формирования и сохранения общих ценностей (например, невмешательство во внутренние дела, уважение суверенитета), а не на функциональную интеграцию. При этом если европейская интеграция ориентирована в целом на размывание государственных границ и формирование наднациональных структур, то интеграция в ЮВА — на укрепление границ с тем, чтобы исключить в будущем споры, способные ослабить возможности этих стран.

Для России как евроазиатской державы чёткое обозначение восточного и западного векторов её политики во многом связано с функционированием АСЕАН и ЕС, это влияет на определение её места в бурно развивающемся АТР, быстро меняющейся Европе и в мире в целом.

Круглый стол на тему: «Актуальные проблемы Центральной Азии и Кавказа»

Гаврилина Е.А. , Семедов А.С.

Общая характеристика политического ислама

Политический ислам представляет собой диалектическое единство теологии и политики (теории и практики): политическая практика вторична по отношению к теологии, но формы этой практики заставляют изменять теологию. Идеология политического ислама — набор определенных концепций, которые могут произвольно использоваться для конструирования конкретной идейной позиции. Эти концепции могут быть по своему происхождению исламскими («джахилийя», «ширк»), западно-либеральными («исламская демократия»), марксистскими («исламская революция») и т.д. Многообразие источников концепций служит, на взгляд диссертанта, доказательством постмодернистской природы исламизма. Эклектический характер исламизма, его внутренняя противоречивость никак не обсуждается идеологами. Они лишь декларируют определенные принципы, которые, взятые вместе, образуют мозаику политической религии.

Политический ислам (или исламизм) стал неотъемлемой частью современной жизни. Современный политический ислам — это многоуровневая и многоаспектная проблема. Думаю, потребуются десятки и сотни работ для всестороннего анализа данного феномена, который характеризуется динамичностью и способностью принимать причудливые формы в различных уголках Земли. **Идеология и практика политического ислама направлена на решение не религиозных, а светских проблем обустройства общества.** Его богословский дискурс, религиозная интерпретация — главный инструмент разъяснения рядовым мусульманам политических и социальных установок, а также средство мобилизации на борьбу за предлагаемые исламистами цели.

Попытки Запада под лозунгом глобализации навязать мусульманам свои культурно-нравственные стандарты и политико-правовые формы, без учета сложившихся в мусульманском мире традиций, вызывают отторжение. Особенно, когда такие шаги воспринима-

ются как атака на ислам как систему ценностей. Религиозная мысль живет и развивается, нащупывая новые подходы к осмыслению меняющейся реальности. Да, идеология возникла, восстав против религии, но некоторые современные религиозные идеологии способны преодолеть это противоречие **за счет соединения откровения с целесообразностью, веры с разумом**. Именно таковой, и является идеология политического ислама.

Исламский мир чрезвычайно разнообразен, но его многообразие укладывается в общий спектр, который следует именовать исламской цивилизацией. Исламизм, соответственно, также многолик и все-таки это — единый феномен. **Политический ислам** — это разнообразные движения, в той или иной форме выражающие устремления различных социальных групп в различных странах исламского мира. Он теснейшим образом связан с теми современными политическими, социальными, экономическими и моральными проблемами, с которыми сталкивается практически весь мир. Политический ислам в современной системе международных отношений — это глобальный центр силы, с которым нельзя не считаться и от действий которого зависит стабильность в ключевых регионах. **Ислам как вера предшествует политическому исламу**, поэтому он не является простым инструментом реализации тех разнообразных целей, которые преследует последний. Политический ислам сегодня стремительно эволюционирует. Более того, это наиболее динамичная политическая сила в современном исламском мире. Одна из причин популярности исламистских движений — **активная деятельность по предоставлению тех социальных услуг, которые не в состоянии предоставить государство**. Эти движения оказывают содействие в получении образования, медицинских услуг, жилья, и т. п. широкому кругу людей, прежде всего бедным слоям.

Социальная роль политического ислама заключается и в том, что вольно или невольно он выступает как средство выражения интересов разных социальных групп. Обычно исламисты получают наибольшую поддержку со стороны среднего класса, мелкой буржуазии и городского населения. Они опираются на молодежь, студентов, интеллектуалов. Однако политический ислам (как правило, фундаменталистского толка) используется также и в интересах наиболее реакционных элементов общества, выступающих против прогресса.

Политический ислам не представляет собой какой-то единой идеологии, которую следует принимать или отвергать как нечто целое. Условно, можно выделить в политическом исламе две крайние идеологические позиции: *исламский радикализм* и *исламский либерализм*. Исламский радикализм образует небольшой сегмент исламского интеллектуального и политического спектра, однако его значение определяется воинственностью и готовностью некоторой части активистов к насильственным действиям, в том числе к крупным террористическим акциям. **Все исламистские радикалы являются фундаменталистами**, т. е. придерживаются узкого, буквального и нетерпимого толкования ислама. Большинство из них к тому же разделяют то или иное утопическое видение **панисламского государства**. Радикалы и фундаменталисты, по существу, не в состоянии предложить решение тех серьезных проблем, с которыми сталкиваются мусульмане. Однако нельзя говорить о близком конце эпохи радикального ислама, поскольку нынешние политические, социальные и экономические условия способствуют появлению значительного числа людей, готовых к насильственным действиям, которые легко рекрутируются радикальными организациями.

Либеральный, или модернистский, исламизм признает ценности демократии, прав человека, плюрализма и гражданского общества как в полной мере совместимые с исламом, которому изначально был присущ «мультикультурализм». Главная задача модернистов — «новое чтение» священных текстов с тем, чтобы выработать понимание ислама, совместимое с большинством современных социальных и политических ценностей. Ключевым инструментом в достижении такой цели является «иджтихад» как средство применения базовых исламских принципов к новым неведомым ранее ситуациям. Политический ислам представляет собой скорее движения, ориентированные на изменения, а не на консервацию настоящего или прошлого. Политический ислам испытывает значительное воздействие со стороны многообразных «внутренних» и «внешних» сил. Значительные трудности для исламистов возникают в связи с утверждением секуляризма в мире и с проникновением секуляризма в исламские страны.

Политическому исламу предстоит дать ответ и на практические социально-экономические вопросы: отсутствие политических сво-

бод, препятствующее использованию человеческого потенциала и проведению реформ; низкий уровень образования населения, делающий невозможным адаптацию к условиям современного мира; низкий социальный статус женщины. Наконец, политический ислам столкнется с возможным воспроизведением в исламском мире той эволюции, которую проделывает религия в «постмодернистскую эпоху» в западном мире, где индивид самостоятельно выбирает наиболее подходящую для себя систему верований или не выбирать никакой.

Однако в 90-х годах особенно отчетливо проявилась неоднородность политического ислама. Сегодня он включает как призыв к революционному изменению политических режимов и систем, так и вполне умеренное и легальное стремление перестроить социально-политические институты путем воспитания и убеждения.

Исламская тематика, в целом, конъюнктурна, отсюда следуют неизбежные искажения подлинного содержания данного учения, ксенофобия и враждебность западного мира к исламу.

Джагацпнян Е.Д.

Принципы и цели составления учебных пособий по арменоведческим дисциплинам для студентов ИСАА МГУ

Армянский язык относится к древнеписьменным языкам индоевропейской группы, а его грамматика, так же как и грамматика русского языка, восходит к греческой, что позволяет проводить множество параллелей и опираться в процессе преподавания на знание студентами родного языка.

На армянском языке за пределами Армении говорят армяне, живущие в Турции (на территории исторической Армении), в некоторых странах Западной Европы, на Ближнем Востоке, в Индии, в Северной и Южной Америке, а также в некоторых бывших республиках СССР. Армянская диаспора (ее история насчитывает полторы тысячи лет) существующая во многих странах в форме национальных общин и колоний, помимо школ и церкви, имеет свои издательства, СМИ на родном языке, богатейшие библиотеки

и архивы, при этом она, как минимум, двуязычна, и следовательно, при подготовке специалистов наиболее важным представляется обучение их грамматике армянского языка и чтению текстов, в то время как популярные в настоящее время «коммуникативные» методы в данном случае менее пригодны.

Арменоведение (или арменистика) составляет отдельное направление востоковедной науки; как комплекс научных дисциплин сложилось в начале 18 века. Источниками по арменоведению служат ассиро-вавилонские, хеттские, урартские, древнеперсидские клинописи, арамейская, греческая, латинская и грузинская эпиграфика, греческие, латинские, еврейские, сирийские, иранские, грузинские, арабские, тюркские и пр. рукописные материалы, а также разного рода армянские источники (истории, хроники, летописи, документы, колофоны, и др.). В досоветский период арменистика развивалась в основном за пределами Армении — в армянских колониях, в европейских и российских университетах. Самые известные центры арменоведения тогда находились в Венеции, в Вене, в Константинополе, в Париже, в Лондоне, в Берлине и Лейпциге, в России — в Москве (в частности, в основанном в 1815 г. армянскими купцами Лазаревском институте восточных языков), в Петербурге, Нор-Нахичеване и Тифлисе. Армянским центром арменоведения был Вагаршапат. В настоящее время это — обширная область знаний на многих языках, тесно связанная с византиноведением, кавказоведением, урартологией, ассириологией и другими отраслями востоковедения. В Советском Союзе арменоведение было вытеснено из российских учебных и научных институтов и продолжало развиваться почти исключительно в Армении, где большинство работ (в отличие от некоторых других республик) издавалось на армянском языке в расчете на армянских и зарубежных специалистов. Таким образом, возобновляя прерванную на несколько десятилетий традицию преподавания арменоведческих дисциплин в России, следует обучать студентов чтению научной литературы на армянском языке.

Подготовка специалистов-востоковедов, как филологов, так и историков со знанием армянского языка как второго восточного может открыть перед ними широкие возможности оперировать богатейшим материалом армянских источников. Источники эти хорошо известны и активно используются византологами, кавка-

золедами, индоевропеистами. Курс по армянскому источниковедению был бы весьма полезен для студентов-арабистов, иранистов, монголоведов, в особенности же тюркологов (ибо, изучив, к примеру, турецкий язык, молодой специалист начинает читать прессу и литературу на этом языке, весьма тенденциозно освещающие многие аспекты истории и современности, и перемещается, по меткому выражению Н.Марра, с позиции «ихтиолога» на позицию «рыбы»). В советские времена армянская источниковедческая база по странам Востока использовалась главным образом армянскими специалистами по этим странам, другие же советские ученые могли цитировать их по русским публикациям. Однако теперь российское востоковедение лишено этой возможности, и восполнить утраченное можно только, вводя преподавание соответствующих арменоведческих дисциплин в российских вузах.

Джафар Садыг, Исмайлова Л.Г.

Общность культур на примере праздников «Масленица и Новруз»

Масленица и Новруз это весенние, народные и поистине всеобщие праздники. Оба праздника сохранились с языческих времен. Ритуалы этих праздников связаны с проводами зимы и встречей весны.

Масленица празднуется в последнюю неделю перед Великим постом, за семь недель до Пасхи. Главным атрибутом масленицы являются блины и народные гуляния.

Новруз байрамы является одним из самых главных и самым любимым праздником в Азербайджане. Он в основном отмечается в мусульманских странах, хотя это не религиозный праздник, а, строго говоря, празднование весеннего равноденствия, символизирующее обновление природы.

По мнению ученых, история этого праздника восходит к Древней Месопотамии. В Вавилоне Новый год отмечался 21 дня нисану (март-апрель), и праздник продолжался 12 дней, причем к каждому дню были приурочены свои ритуалы, развлечения и другие представления. Происхождение праздника Новруз также часто связывают с

древней религией азербайджанцев — Зороастризм. Вполне определено, что Новруз отмечался в доисламские времена и позднее.

Масленица и Новруз это озорное и веселое прощание с зимой и встреча весны, несущей оживление в природе и солнечное тепло. Люди испокон веков воспринимали весну как начало новой жизни и почитали Солнце, дающее жизнь и силы всему живому. В честь солнца сначала пекли пресные лепешки, а когда научились готовить заквасное тесто, стали печь блины.

Древние верили, что вместе с круглым, румяным блином, так похожим на солнце, они съедают частичку его тепла и могущества.

Каждый день масленичной недели имеет свое названия и требует определенных ритуалов.

Понедельник встреча. К этому дню достраивались горы, качели, балаганы. Те, кто побогаче, начинали печь блины. Первый блин отдавался нищим на помин усопших.

Вторник заигрыши. С утра молодые люди приглашались кататься с гор, поесть блинов. Звали родных и знакомых: «У нас де горы готовы и блины испечены просим жаловать».

Среда лакомки. В этот день зять приходил «к теще на блины». Кроме зятя теща приглашала и других гостей.

Четверг широкий разгул. С этого дня Масленица разворачивалась во всю ширь. Народ предавался всевозможным потехам: ледяные горы, балаганы, качели, катание на лошадях, карнавалы, кулачные бои, шумные пирушки.

Пятница тещины вечерки. Зятя приглашали в гости своих тещ, угощали их блинами.

Суббота золовкины посиделки. Молодые невестки приглашали в гости к себе золовок. Новобрачная невестка должна была подарить золовкам подарки.

Последний день Масленицы Прощеное Воскресенье. В последний день Масленицы сжигают соломенное чучело символ зимы. Провожают зиму до следующего года. Все просят друг у друга прощения, освобождаясь от грехов перед Великим постом. Кланяются в ноги. А в ответ слышат знакомое: «Бог простит». Уходит Масленица, а вместе с ней и зима. Уходит под звук капли. Весна вступает в свои права.

Новруз с персидского означает «новый день» Праздник Новруз как и Масленица, связан с весной, обновлением природы, на-

ступлением теплых дней и началом сельскохозяйственных работ. Значимость этого периода года для жизни людей с древнейших времен породила множество обычаев и обрядов, связанных с магией, культом природы и плодородия, верованиями в умирающую и воскрешающуюся природу. Фактически, подготовка к празднику начинается за месяц до него. Четыре предшествующие празднику вторника называются Су Чершенбе (вторник на воде), Одлу Чершенбе (вторник на огне), Торпаг Чершенбе (вторник на земле) и Ахыр Чершенбе (последний вторник). По народным поверьям, в первый вторник обновлялась вода и стоячие воды приходили в движение. Во второй — огонь, в третий — земля. В четвертый вторник ветер раскрывал почки деревьев, и по народным приметам, наступала весна. Считается также, что человек состоит из этих четырех элементов — воды, земли, воздуха и огня, каждый из которых носит как физиологический, так и метафизический смысл.

Другие очень интересные обычаи связаны с водой и огнем. Отношение к воде как очищающему средству основано на реальном ее свойстве смывать грязь. В числе связанных с водой обрядов часто упоминается обряд перепрыгивания через проточную воду для очищения от грехов прошлого года. Широко распространено разжигание праздничных костров на улицах, крышах домов, возвышенностях, а перепрыгивание через костер в последний вторник перед Новрузом считается обязательным обрядом для каждого человека. Принято либо прыгать через один костер семь раз, либо по одному разу через семь костров. Прыгая через костер, приговаривают: «пусть все тяготы и проблемы останутся (сгорят) в этом костре». В древности костры разжигал несовершеннолетний мальчик с помощью огнива. Этот огонь считался чистым.

Ежегодно готовятся присушие празднику сладости шекер-бура (сдобные пирожки со сладкой ореховой начинкой и пряностями), шор чорейи (слоеная лепешка с пряной начинкой), биши (слоеная, сладкая масляная лепешка), кубинская, гянджинская, бакинская пахлава (слоеное с ореховой начинкой мучное изделие), фесели (масляные лепешки), кульча — сдобный пряный сладкий хлеб, халва из сямьяни (проросшей пшеницы).

Для выращивания «сямьяни» (семени) сначала замачивается горсть пшеницы, символизирующая изобилие и достаток, этот ри-

туал сопровождается песней «Сямяни, храни меня, ежегодно буду растить тебя». Словно человек обещает этой горсти пшеницы, что они будут оберегать и пестовать друг друга. Церемония приготовления сэмэни называется сэмэни тойу («свадьба сэмэни») и сопровождается ритуальными песнями и танцами.

Бытует обычай сажать в Новруз дерево, но ни в коем случае нельзя рубить деревья. Согласно народному верованию, сажать в Новруз тут (шелковица), инжир (фига), каштан — благой знак. Продолжая эту традицию, в современном Азербайджане в дни Новруза закладывают парки, сады, лесополосы.

Согласно вековой традиции, и сегодня в дни Новруза тех, кто занимается пахотой и земледелием, принято поздравлять «хончой» (угощения, собранные на поднос). Тот, кто собрался построить дом, верит, что его фундамент лучше заложить в дни Новруза, чтобы этому дому всегда сопутствовала удача. Одно из укоренившихся в сознании народа золотых правил Новруза гласит: нельзя в эти дни проклинять, лгать, сквернословить, сплетничать, осуждать — словом, следует остерегаться дурных поступков.

В домах наводится порядок и чистота, люди обновляют свою одежду. Неписанным правилом является примирение без посредников всех, кто в ссоре, обиде друг на друга. Считается грехом не прощать тех, кто признает свою вину. Второй день Новруза азербайджанцы называют днем «ата-баба» то есть «отцов-дедов» (родительским) и в этот день принято всей семьей посещать могилы родных и близких.

В ночь «ахыр чершенбе» и далее в дни Новруза в каждой семье по числу ее членов зажигаются свечи, которые нельзя тушить преждевременно. Одной из укоренившихся традиций Новруза является возжигание травы «узери́к» (южное растение рута), якобы предохраняющей от дурного глаза и отрицательной энергии, ее дымом обдают детей, дом, скот, домашних животных.

Ашуги и народные певцы «ханенде» исполняют песни, проводятся свойственные Новрузу игрища — канатоходцы демонстрируют свое искусство, пехлеваны (народные борцы) меряются силой, на площадях разыгрываются спектакли. Среди них широко распространен и исполняется в весенние дни по всему Азербайджану комический спектакль «Кёс-кёса».

Театрализованные действия, красочные костюмы, изысканные кушанья, сладости характерны и во время празднеств Масленицы.

Кадырбаев А.Ш.

Восточный Туркестан в античную эпоху

Начало исторического периода в жизни Восточного Туркестана, как и всей Центральной Азии, относится к 1 тыс. до н.э., когда впервые в мировой истории его обширные пространства попадают в поле зрения носителей письменных цивилизаций, хотя сведения их случайны и чаще всего неясны. Воссоздание этноисторической ситуации, существовавшей в Восточном Туркестане в 1 тыс. до н.э., тесно связано с вопросами происхождения и расселения народов — носителей древнеиранских языков, т.е. с проблемой о киммерийско-скифо-сакской культурной общности, сложившейся на просторах от Хуанхэ до Дуная не позднее IX-VIII вв. до н.э. и существовавшей, по крайней мере, до III в. до н.э. Как утверждает “отец истории” Геродот, древние “персы всех скифов называют саками”. О саках, обитавших в Восточном Туркестане, возможно, говорит античный историк Птолемей как о народе “хаты-скифы”, к культурному наследию которых современные исследователи возводят язык средневековых текстов из Хотана, т.е. носителей хотано-сакского языка. Т.о., связи между Восточным Туркестаном и евразийским степным поясом, возникшие не позднее II-I тыс. до н.э., увенчались проникновением в Восточный Туркестан племен, родственных населению Средней Азии, Казахстана и южной Сибири. Сопоставление же этих данных со сведениями о носителях хотано-сакского языка позволяет видеть в названных мигрантах предков тех саков, которые обитали в Восточном Туркестане в раннем средневековье.

Сведения античных письменных источников о Восточном Туркестане датируются не раньше II-I вв. до н.э. и соотнести их с ним можно лишь очень приблизительно, что объясняется как смутностью представлений о стране из-за ее крайней удаленности, так и тем, что античность не выработала понятие вполне соотносимого с современным термином “Восточный Туркестан”. Но, все же, первые античные сведения о Восточном Туркестане более ранне-

го времени, чем древнекитайские, хотя и уступают им в полноте и точности. В общем, можно сказать, что именно к Восточному Туркестану относятся сведения о северо-восточных окраинах известного античным авторам мира, в частности о таких населяющих эти земли народах, как тохары, исседоны, серы. Интересны сведения, приводимые римлянином Птолемеем о пути на восток через Восточный Туркестан. В IV в. до н.э. Непарх, флотоводец Александра Македонского, встретил в Индии шелк из Птолемеевой страны “Серика”, снабжавшей Азию этими тканями. В одном из погребений в Турфане, датируемым эпохой “Чжаньго”-”Сражающихся царств” в истории Китая (IV в. до н.э.), обнаружен фрагмент шелковой ткани “серика”, попадавшей и в Индию. В какой-то степени все же данные античных авторов позволяют наполнить до сих пор еще очень прерывистые силуэты древней истории Восточного Туркестана. Становится ясно, что первоначальный этнический состав населения этой страны был индоевропейским, как и в сопредельных западных регионах Центральной Азии, ныне известных как Средняя Азия и Казахстан. Важнейшей особенностью древнейшей и древней истории Восточного Туркестана является ее теснейшая и неразрывная связь с историей Казахстана и Средней Азии, что подтверждается археологическими данными, показывающими население этих трех регионов Центральной Азии как сообщества родственных, а отчасти и идентичных племен и народов. В условиях экологической и географической близости такая картина для эпохи бронзы вполне естественна.

II. Наиболее древняя для Восточного Туркестана этническая общность — тохары населяли и обширные территории Средней Азии, в частности Ферганскую долину. Именно тохары со II в. до н.э. до середины IX в. н.э. были оседлыми жителями оазисов, которыми окружена пустыня Такла-Макан, являясь ведущим компонентом в этнической мозаике тогдашнего Восточного Туркестана. Вторым очень древним этническим пластом здесь был иранский, представители которого носители хотано-сакского языка. Предполагается, что в процессе распространения древних иранских племен, начиная с индоиранцев, в пределах нынешних Казахстана и Средней Азии в конце II или начале I тыс. до н.э. “пра-скифы” или “пра-саки” расселились в Восточном Туркестане, заняв в основном его западные и южные оазисы, вклинившись при этом в ареал расселе-

ния тохаров, преобладавших в северных оазисах региона. Именно тогда, возможно, где-то до V в. до н.э. предки будущих носителей хотано-сакского языка отделились от остальной сако-скифской общности, в том числе и от саков Средней Азии и Казахстана, что нашло отражение и в памятниках материальной культуры и искусства. Следовательно, уже с рубежа II и I тыс. до н.э. на территории Восточного Туркестана сложился массив индоевропейского населения — абсолютно преобладающий здесь на протяжении полутора тысячелетий вплоть до середины I тыс. н.э.

Уже во II-I тыс. до н. э. на землях Восточного Туркестана, как позволяет предполагать ретроспективный анализ историко-лингвистических данных, обитали древнейшие индоевропейские племена, давшие начало индоиранцам, затем разделившихся на индоариев и ариев — древних иранцев. Предположительно, племена этого круга к середине II тыс. до н. э. приносят к пределам Великой Китайской равнины изобретение древнего Ближнего Востока — боевую колесницу, а также бронзовые шлемы. Войска древнего китайского государства Шан не смогли противостоять натиску этих племен, которым колесницы давали преимущества в ратном деле. К тому же шаньцы не оставляли противникам другого выбора, кроме как — победить или умереть, поскольку брали в плен только для того, чтобы предать мучительной смерти во время жертвоприношений во славу того или иного божества.

К концу III в. до н.э. племена, известные в древнекитайских письменных источниках как «юэчжи» (по-древнегречески «ати», по-латински «асии», а также «аттакоры»), возможно, народы сако-скифского круга, вероятно говорившие на древних восточноиранских языках, были главной политической силой на востоке Центральной Азии и северной части Восточной Азии. Владения кочевой империи юэчжи простирались от территории Северо-Восточного Китая (западная часть более поздней Маньчжурии) до оазисов Центральной Азии, где ныне СУАР КНР: «Некогда юэчжи были могущественны и с презрением относились к сюнну» (т.е. к хунну или гуннам.-Авт.)», - говорится в древней китайской летописи. У древнекитайского историка I в. н.э. Сыма Цяня локализация юэчжей определяется так: «Первоначально юэчжи обитали между Дуньхуаном и Цилян-шанем», причем в его книге «Ши-цзи» — «Исторические записки», в разделе «Юэчжи» дается пояснение: «Сначала

юэчжи обитали от Дуньхуана на востоке, а от Цилян-шаня на западе...». Дуньхуан — это нынешний Шачжоу, а Цилян-шань находится на юго-западе от Ганьчжоу. Это сообщение скомпилировано в «Цянь Хань-шу» — «Ранней истории Хань», согласно которому под юэчжи были земли вдоль основного узла хребта Рихтгофена на юге от Сучжоу и на юго-западе от Ганьчжоу. Документы эпохи поздней Хань помещают древних юэчжи между Чжань и Цзюцюань, т.е. в современных областях Ганьчжоу и Сучжоу и, кроме того, по Булангиру и Эдзин-голу. Согласно китайским известиям, юэчжи были самым сильным объединением у границ Китая в эпоху империи Цинь, из страны которых китайцы получали великолепных коней. У них было 100 тысяч боеспособного войска и большинство соседних кочевых племен, в том числе и сюнну, находилось в зависимости от них. Сюнну были восточными соседями юэчжей. Лишь окончательно разбив в 177 г. до н. э. юэчжей и вытеснив их в Среднюю Азию, сюнну, чье происхождение также неясно, смогли создать могучую кочевую империю, которая до середины II в. н. э. представляла угрозу самому существованию древней китайской цивилизации.

III. Таким образом, связи Восточного Туркестана с землями, где ныне Средняя Азия и Казахстан, носят уже в это время всеобъемлющий, системный характер. Эти регионы очень близки по природным условиям. Здесь и там проживали родственные или идентичные народы — тохары, саки, на рубеже нашей эры создатели кочевых империй и оседлых государств — юэчжи, кангюй (канцзюй), кушаны, скорее всего, относящиеся к кругу древнеиранских народов, а также пришельцы с востока Азии — усунь и сюнну (хунну, гунны), возможно первые представители алтайской языковой семьи, к которой относятся и тюркские языки. Материальная культура, обычаи, оружие, одежда, верования — все образует, хотя и своеобразные, но во многом сходные или даже тождественные комплексы. Сопоставление восточнотуркестанских и среднеазиатско-казахстанских археологических, антропологических, историко-этнографических материалов с античными источниками свидетельствует о том, что уже в ранней древности или в античную эпоху эти регионы объединялись одинаковыми моделями экономики и общими этноязыковыми, культурными и историческими традициями.

Кулешова Н.С.

Языковое пространство русскоязычного населения в ЦАР

В результате распада СССР и мощных миграционных процессов последних десятилетий существенным преобразованиям подверглось функциональное пространство русского языка и само сообщество русскоязычных. Языковая проблема остается одной из наиболее сложных и политизированных проблем в странах постсоветского пространства. Имея глубокие исторические корни, данная проблема по-разному воспринимается населением стран. Неурегулированность вопроса о статусе русского языка в значительной мере ущемляет естественные права и свободы прежде всего русскоязычных жителей. Различные политические силы время от времени актуализируют проблему повышения статуса русского языка, это происходит в основном в период приближающихся выборов и находит отражение в общественном мнении населения.

Следует признать, что даже в тех странах, где русский язык вытесняется, не признан в качестве государственного, за придание русскому языку статуса официального выступает большинство населения. В большинстве постсоветских государств русский язык вне зависимости от его государственного статуса остается разговорным. Русский язык — это язык чтения на постсоветском пространстве. Безусловно, сферы функционирования русского языка на постсоветском пространстве сужаются. Результаты социологических исследований подтверждают реальную проблемную языковую ситуацию русскоязычных жителей стран.

Абсолютное большинство респондентов — те, кто считают себя по национальности русскими. Также абсолютное большинство респондентов имеют гражданство страны проживания. Наиболее интегрированными в этом смысле являются опрошенные жители Кыргызстана, среди которых имеют гражданство страны проживания имеют 95,3% респондентов. В Казахстане абсолютное большинство опрошенных (91%) родились в этой стране. В Армении, Кыргызстане и Молдове большинство также не являются мигрантами (соответственно 72%, 71% и 61%). Наиболее значительна доля тех, чьи семьи живут в стране в первом поколении — в Ка-

захстане (11,5%). Свою идентичность респонденты оценивали при помощи пятибалльной шкалы. На этой шкале оценка “1” означала наиболее низкую степень идентификации, а оценка “5” — наиболее высокую.

Таблица 1

<i>В какой степени Вы считаете себя...</i>	Средние значения					
	Армения	Беларусь	Казахстан	Кыргызстан	Молдова	Украина
частью русского народа	4,1	3,5	4,6	4,3	4,5	4,0
частью титульной нации	3,1	3,6	2,4	3,4	2,6	3,1
частью русской общины Вашей страны	3,3	2,6	3,4	3,5	3,7	2,8
гражданином (-кой) страны Вашего проживания	4,5	4,1	4,5	4,6	3,9	4,3

Овладение языком титульной нации, который является государственным языком, — одна из наиболее важных проблем на территории бывшего Советского Союза. Хуже всего знают язык титульных наций соотечественники, проживающие в Казахстане и Кыргызстане. Здесь не владеют языком титульной нации соответственно 63,2% и 58,9% опрошенных. Степень владения языком во многом связана с возрастом респондентов. Молодежь, естественно, демонстрирует более высокий уровень знания языка титульной нации. Однако и в Казахстане, и Кыргызстане, даже для молодежи степень владения языком остается недостаточной .

Таблица 2

Возраст / Варианты ответа		В какой степени Вы владеете языком титульной нации?					
		% от числа опрошенных					
		Ар- ме- ния	Бела- русъ	Ка- зах- тан	Кыр- гыз- тан	Мол- дова	Ук- раи- на
До 24 лет.	1. Свободно.	54,9	38,4	3,6	5,5	27,5	45,8
	2. Могу объ- ясняться, но с трудом.	28,6	46,4	33,9	41,8	47,8	45,0
	3. Практически не владею.	16,5	13,6	57,9	50,7	23,2	8,3
	4. Затрудня- юсь ответить.	0	1,6	4,3	1,4	1,4	0,8
	5. Отказ.	0	0	0,4	0,7	0	0
25 лет — 34 года.	1. Свободно.	46,8	29,7	6,0	4,1	17,2	47,2
	2. Могу объ- ясняться, но с трудом.	37,7	47,1	30,8	40,2	54,7	39,6
	3. Практически не владею.	15,6	19,4	59,0	51,6	28,1	11,3
	4. Затрудня- юсь ответить.	0	3,9	4,1	3,3	0	1,9
	5. Отказ.	0	0	0	0,8	0	0

<i>В какой степени Вы владеете языком титульной нации?</i>							
Возраст / Варианты ответа		% от числа опрошенных					
		Ар- ме- ния	Бела- русъ	Ка- зах- стан	Кыр- гыз- стан	Мол- дова	Ук- раи- на
35 лет — 54 года.	1. Свободно.	39,5	27,8	7,5	2,5	10,3	38,1
	2. Могу объ- ясняться, но с трудом.	46,7	40,4	16,8	29,0	47,4	44,2
	3. Практически не владею.	13,2	30,3	72,3	68,1	40,5	15,9
	4. Затрудня- юсь ответить.	0,6	1,6	2,8	0,4	1,7	1,4
	5. Отказ.	0	0	0,6	0	0	0,5
Старше 55 лет.	1. Свободно.	41,2	27,1	8,2	7,2	11,9	25,7
	2. Могу объ- ясняться, но с трудом.	38,2	36,5	22,1	34,5	37,8	35,6
	3. Практически не владею.	20,6	33,0	59,8	58,2	50,4	37,3
	4. Затрудня- юсь ответить.	0	3,4	4,9	0	0	1,4
	5. Отказ.	0	0	4,9	0	0	0

Возможно, слабое знание титульного языка связано с тем, что в повседневном общении, т.е. на работе или в учебном заведении достаточно русского языка. Язык титульной нации в качестве средства общения чаще всего используется в Армении (16,4%), в других странах — гораздо реже (от 0,8% в Казахстане до 4,6% в Украине). Абсолютное большинство детей и внуков респондентов в Кыргызстане и Молдове учатся в русских школах (91,1% и 89,2% соответственно), 7% в Кыргызстане обучаются на двух языках. В Казахстане дети и внуки уже 20,5% респондентов учатся на двух языках, 2,8% — на казахском. Овладение языком титульной нации младшим поколением опрошенных различается в странах. Наименее успешен, по мнению респондентов этот процесс в Казахстане и Кыргызстане. Указали, что для детей или внуков это серьезная проблема 68,9% респондентов Казахстана и 45,6% Кыргызстана.

Несмотря на трудности с освоением титульного языка, именно соотечественники Казахстана высказали наибольшую озабоченность перспективами русского языка, языковой идентификацией младшего поколения (26,8%). В других странах абсолютное большинство уверено, что младшее поколение будет считать русский язык своим родным. Следует также отметить, что образовательный уровень российских соотечественников высок: примерно треть и более из них имеют высшее образование. Таким образом, образовательный и профессиональный потенциал соотечественников остается высоким и является достаточно привлекательным и для России. Во всех странах респонденты выразили удовлетворенность жилищными условиями и взаимопониманием между людьми разных национальностей и разных вероисповеданий. Относительно других аспектов жизнедеятельности такого единодушия нет. В Беларуси и Армении респонденты выразили удовлетворенность качеством образования, тогда как в других странах получение качественного образования, по-видимому, является серьезной проблемой. Наибольшую неудовлетворенность качеством образования выразили более трети опрошенных в Украине, Киргизии и Казахстане.

Знакомы с Программой по истории, по которой обучаются их дети или внуки, от 22% опрошенных в Армении до 61% в Казахстане. При этом наибольшую удовлетворенность тем, как в Программе представлены отношения России и страны их проживания высказали именно соотечественники Армении (71,1%). В Казахс-

тане мнения соотечественников разделились примерно пополам: 38,6% довольны Программой, а 39% — нет. В Центральной Азии и Молдове доля тех, кто неудовлетворен знанием языка и культуры титульной нации достигает половины опрошенных. Поддержание своей этнической идентичности через возможность приобщения к русской культуре рассматривают в основном респонденты Беларуси, Казахстана и Кыргызстана. Результаты исследований констатируют одновременно несколько процессов в языковой среде на постсоветском пространстве: с одной стороны, русский язык исторически играет роль языка межнационального общения, и большинство населения стран СНГ еще достаточно свободно им владеет, с другой стороны наблюдается расширение функционального пространства языка титульной нации, что в свою очередь неизбежно ведет к разрушению русскоязычного пространства. Таким образом, есть все основания полагать, что русский язык и русская культура все еще сохраняют значимые позиции и продолжают влиять как на образовательные, так и в целом, на этносоциокультурные процессы на постсоветском пространстве. Русский язык остается языком науки, культуры, межнационального общения. Но государственная политика независимых национальных государств, направленная на расширение функционального пространства языка титульных наций в качестве единственного государственного, неизбежно ведет к постепенному вытеснению русского языка из общественно-политической, хозяйственной жизни, области культуры, средств массовой информации; сокращаются возможности получения образования на русском языке. Сохранение сферы русского языка важно не только для полного удовлетворения языковых и культурных потребностей наших соотечественников за рубежом, но и для интеграционных процессов на постсоветском пространстве.

Купчя С.С.

О подготовке научно-педагогических кадров в вузах России

Вступление человечества в XXI век — это не просто примечательная календарная дата. Мы вошли в новую эпоху, в которой нас

ожидают как новые реальности и новые шансы, так и новые проблемы, и новые вызовы.

Происходит резкое повышение темпов общественных перемен, т.е. ускорение исторического времени. Человеческая цивилизация становится все более единой, взаимосвязанной и одновременно все более многообразной. Глобализация и универсализация политической, культурной и хозяйственной жизни становится нормой. Формируется информационная доминанта развития общества и производства в связи с резким увеличением роли информационных технологий и телекоммуникаций. Проблемы и «вызовы» наступающего столетия будут связаны со все более жестокими ограничениями, которые накладывают на технологическую деятельность людей исчерпание основных видов невозобновляемых природных ресурсов и обострение экологической ситуации. И чем более жесткие требования будет выдвигать перед человечеством природа, тем большее значение будут приобретать человеческие способности, дарования и качества. И если XX век было принято образно называть веком электричества, а затем и атома, то XXI век должен стать веком человеческих качеств — интеллектуального потенциала). Новое столетие будет веком образования. Российская система образования должна вписаться в происходящие в мире изменения, выступая не в качестве пассивной стороны, лишь приспособляющейся к внешним обстоятельствам, но играя в этих переменах самостоятельную, ответственную, новаторскую и творческую роль. Реформы последних десятилетий парадоксально наращивали своего рода экономический фатализм. И сегодня решение многих насущных проблем некоторые предлагают отложить до экономического подъема. В таком случае где же искать точки экономического роста? Увязка всех проблем с экономическим кризисом загоняет болезнь вглубь.

Необходимо акцентировать внимание на внеэкономических источниках развития страны — это наши человеческие ресурсы. В образовательной сфере надо видеть мощный инструмент развития общества, личности, государства, экономики и культуры. Чтобы реализовать эти идеи, необходимо в первую очередь существенно усилить подготовку научно-педагогических кадров. Системы общего и профессионального образования страны еще обладают высококвалифицированным преподавательским составом, составляющим основную часть его кадрового потенциала, однако все более

актуальными становятся проблемы его воспроизводства. Высшая школа страны является самовоспроизводящей не только свои научно-педагогические кадры, но и обеспечивает ими все другие системы образования. В настоящее время основной формой подготовки научно-педагогических кадров в высшей школе, а также и ведущей формой послевузовского образования является аспирантура. Подготовка аспирантов осуществляется и в научно-исследовательских институтах, но их удельный вес в численности обучаемых в аспирантуре постепенно снижается (в 1992 г. он составил 29,2%, в 2003 г. — только 13,5%, в 2008 г. — 11,8%).

Масштабы подготовки научно-педагогических кадров в современной России имеют устойчивую тенденцию к росту. В 2008 г. аспирантура имела в 717 вузах страны, т.е. их число увеличилось по сравнению с 1992 г. почти в 1,6 раза. В период 1992-2008 гг. численность аспирантов в вузах России выросла с 36,7 тыс. чел. до 130,3 тыс. чел., или в 3,5 раза. На динамику роста численности аспирантов определенное влияние оказывает коммерциализация и этой формы послевузовского образования, так как многие вузы ведут прием в аспирантуру на контрактной (возмездной) основе. Однако определяющим фактором здесь все же является расширение бюджетных мест в аспирантуре высшей школы, т.е. параметр, которым должно управлять Министерство образования и науки России. Данные показатели характеризуют только сам процесс подготовки научно-педагогических кадров, но не его конечный результат. Результатом является выпуск аспирантов, причем этот результат можно признать положительным только в случае защиты кандидатской диссертации. Выпуск аспирантов с защитой диссертации является относительно невысоким. Так, в 1992 г. он составил 23,2% от общего выпуска аспирантов, в 1993 г. — 26,2%, в 1994 г. — 23,3%, в 1995 г. — 23,5%, в 1996 г. — 24,6%, в 1997 г. — 25,6%, в 1998 г. — 27,1%, в 1999 г. — 28,5%, в 2000 г. — 31,5%, в 2001 г. — 25,1%, в 2002 г. — 27,5%, в 2003 г. — 28,5%, в 2004 г. — 33,1%, в 2005 г. — 33,5%, в 2006 г. — 36%, в 2007 г. — 32,6% и в 2008 г. — 28,1%.

Кроме того, исходя из числа студентов, принятых в аспирантуру, удельный вес выпуска аспирантов по отношению к приему в 1995 г. составил 76,1%, в 1996 г. — 71,1%, в 1997 г. — 72,6%, в 1998 г. — 74,2%, в 1999 г. — 75,6%, в 2000 г. — 75,7%, в 2001 г. — 75,5%,

в 2002 г. — 73,9%, в 2003 г. — 71,5%, в 2004 г. — 71,4%, в 2005 г. — 70,3%, в 2006 г. — 74%, в 2007 г. — 75,2% и в 2008 г. — 71,6%. Следовательно, порядка 25-30% лиц, принятых в аспирантуру, отчисляются из нее до окончания срока обучения. Из тех же аспирантов, кто дошел до выпуска, только порядка 25-30% защищают диссертации в установленные сроки. Правда, некоторая часть выпускников аспирантуры все же защищает кандидатские диссертации через 1-2 года после ее формального окончания. Однако приведенные показатели в целом свидетельствуют о крайне низкой эффективности функционирования аспирантуры в вузах современной России, совпадающем с рыночными преобразованиями в национальной экономике. Эффективность функционирования докторантуры в вузах страны была несколько выше по сравнению с работой аспирантуры высшей школы. В период 1992-2008 гг. число вузов, осуществляющих подготовку докторантов, увеличилось почти в 2,8 раза, а число докторантов в вузах страны увеличилось с 1,1 тыс. до 3,9 тыс. чел., или в 3,5 раза. Однако, так же, как и при анализе деятельности аспирантуры высшей школы страны, важны не количественные, а качественные показатели, характеризующие эффективность данной формы подготовки научно-педагогических кадров высшей квалификации. За рассматриваемый период выпуск докторантов увеличился в 2,7 раза, а защитивших докторскую диссертацию — в 1,8 раза. При этом показатель выпуска, как доля от числа принятых в докторантуру, составил: в 1995 г. — 81,0%, в 1996 г. — 86,4%, в 1997 г. — 90,1%, в 1998 г. — 93,6%, в 1999 г. — 99,0%, в 2000 г. — 97,3%, в 2001 г. — 85,3%, в 2002 г. — 87,8%, в 2003 г. — 85,2%, в 2004 г. — 89,6%, в 2005 г. — 91,6%, в 2006 г. — 87,2%, в 2007 г. — 85,3% и в 2008 г. — 83,4%. Значения данного показателя свидетельствуют о том, что эффективность функционирования докторантуры в вузах страны несколько выше, чем системы подготовки аспирантов. Другой показатель, характеризующий эффективность деятельности докторантуры вузов, — удельный вес выпущенных докторантов с защитой диссертации. В рассматриваемый период он составил: в 1992 г. — 38,9%, в 1993 г. — 29,7%, в 1994 г. — 33,5%, в 1995 г. — 28,6%, в 1996 г. — 36,1%, в 1997 г. — 36,1%, в 1998 г. — 38,8%, в 1999 г. — 34,0%, в 2000 г. — 38,5%, в 2001 г. — 32,1%, в 2002 г. — 33,4%, в 2003 г. — 29,8%, в 2004 г. — 35%, в 2005 г. — 36,9%, в 2006 г. — 33,4%, в 2007 г. — 32,9% и в 2008 г. — 25,1%. Выпуск докторантов с защитой в целом за анализируемый период

(33,7%) был заметно выше, чем выпуск с защитой диссертации аспирантов вузов (28,1%). Основной целью функционирования аспирантуры и докторантуры в вузах является подготовка высококвалифицированных научно-педагогических кадров в первую очередь для самой высшей школы и для других систем образования, и уже в меньшей степени — для последующей научно-исследовательской деятельности. Выпуск аспирантов с защитой диссертации значительно превосходил фактический прирост кандидатов наук в численности ППС вузов. Молодые кандидаты наук отнюдь не стремятся к преподавательской работе в вузах, что вполне объясняется предлагаемым им уровнем оплаты труда. Данные, характеризующие выпуск докторантуры и прирост докторов наук в составе ППС вузов, свидетельствуют о явно недостаточной роли этого института в подготовке научно-педагогических кадров высшей квалификации. В современных условиях образование и наука рассматриваются как приоритетные направления развития любого государства. Страна, не умеющая развивать знания, в XXI веке обречена на провал. Мы должны сформировать кадровый задел для высокотехнологичных и наукоемких производств будущего. Без современной системы образования и современных менеджеров, мыслящих широко, масштабно, по-новому, мы не сможем создать инновационную экономику.

Насилов Д.М.

Словарь Махмуда Кашгарского как источник тюркской этноистории: Кыпчаки в «Диване тюркских языков»

Филологический труд Махмуда Кашгарского «Дивану лугат ат-турк» был составлен в последней четверти XI в., когда его автору было около пятидесяти лет. Учёный родился в Кашгаре, крупном оазисе Таримской равнины в Восточном Туркестане. Здесь размещалась ставка ханов — правителей Караханидского государства, первого тюркского мусульманского государства в Центральной Азии.

Создавая свой «Диван», Махмуд ставил перед собой задачу познакомить ученый мир с его родным тюркским языком и другими родственными языками и диалектами. Махмуд осознавал значи-

мость изучения родного тюркского языка как достояния общей культуры: в его время в возникших на месте Халифата государствах началось становление собственной культуры, внутри которой местные иранские или тюркские языки стали играть ведущую роль, а арабский язык ограничился сферой религии и науки. Следуя традициям арабской лингвистики, Махмуд составил словарь тюркских наречий, распространенных на обширных пространствах Евразии. Предметом его изучения становится живой разговорный язык с его диалектами и племенными наречиями. Как и арабские ученые, изучавшие язык и быт бедуинов, Махмуд фиксирует диалектную лексику, подмечает языковые различия, записывает тюркскую поэзию, фольклорные тексты, фиксирует этнографические детали.

В своих комментариях, в целом, Махмуд обращает внимание на следующие языковые явления, которые, по его мнению, чем-то примечательны в том или ином диалекте; это прежде всего: 1) звонкий или глухой анлаут; 2) соответствия губных согласных в анлауте; 3) соответствия губных согласных в ауслауте; 4) соответствия интервокального -j-; 5) соответствия -j / -ń в исходе корня; 6) устойчивость гуттуральных (γ- / -q- / -h- / -x-) в основах или аффиксах; 7) особенности огласовки аффиксов ряда грамматических категорий; 8) синонимия аффиксов в разных диалектах; 9) специфические аффиксы в диалекте; 10) лексические различия.

Прежде чем, обратиться к характеристикам языка кыпчаков по словарю, отметим важный факт, который отражен Махмудом и на его карте, — это указание на два региона проживания кыпчаков. Одна их группировка занимает пространство на северо-западе от Кашгара, оно обозначено как «место обитания кыпчаков и огузов (!)», другие кыпчаки живут на западе, недалеко от суваров, близко от реки Итиль. Географически эти группировки на карте Махмуда разделяют многие сотни километров. Совершенно понятно, что Махмуд мог познакомиться с диалектом тех кыпчаков, которые жили в пределах Восточного Туркестана и Средней Азии, а сведения об кыпчаках на реке Итиль он получал из вторых рук. Отсюда следует вывод о том, что при анализе кыпчакских примеров нужно различать, о диалекте «ближних» или «дальних» кыпчаков идет речь у Махмуда.

Из приведенных автором примеров видно, что Махмуд сближает особенности языка (диалекта) огузов и кыпчаков, в своих пометах он регулярно указывает: «в языке огузов и кыпчаков», или «у

огузов и кыпчаков», или «это слово знают / не знают огузы и кыпчаки», а при слове kiš ‘колчан’ он прямо пишет: «Огузы и **их братья кыпчаки** этого слова не знают».

Из корпуса словаря видно, что когда Махмуд употребляет совместную помету, он имеет в виду ту группировку кыпчаков, которая помещена им на карте рядом с огузами, в том регионе, который был для автора хорошо известным или из собственных путешествий или благодаря тесному общению с носителями указанных двух диалектов. Из таблицы с примерами можно заключить, что в данном случае речь должна идти практически об одном тюркском диалекте — огузо-кыпчакском (возможно, распадающимся на два близких говора — огузский и кыпчакский, естественно, в терминах автора словаря), причем этот диалект в своих языковых особенностях не далеко отходит от стандартного караханидского языка.

Своим трудом «Диван лугат ат-турк» Махмуд Кашгарский предвосхитил многие последующие грамматические труды о тюркских языках. По своей энциклопедичности этот словарь не имеет себе равных в истории изучения тюркских народов и их языков. Материалы словаря Махмуда Кашгарского остаются востребованными современной наукой как источник аутентичных сведений о тюркских языках и народах вековой давности. Однако опираясь на этот труд, следует учесть, что и племенная терминология, и лингвистические комментарии его автора отражали состояние науки того времени, с одной стороны, а с другой стороны, Махмуд не мог, несмотря на свою энциклопедичность и универсальность, отразить всю пестроту тюркского этнического и языкового ландшафта X–XI вв. на огромных просторах Центральной и Средней Азии. Опыт оценки его диалектных данных, проведенный О.Прицаком и Г.Дёрфером, и наши данные показывают, что неосмотрительно прямо экстраполировать сведения Махмуда Кашгарского на современную картину тюркоязычного мира

Сыздыкова А.Б., Сыздыкова Ж.С.

Состояние и перспективы сотрудничества РФ и РК (экономический аспект)

Как известно, экономический смысл интеграции состоит в объединении национальных экономик в один воспроизвод-

твенный комплекс. В рамках, активно обсуждаемого Таможенного союза предполагается не только устранение межгосударственных таможенных и прочих барьеров, но и согласование между заинтересованными странами конечных целей социально-экономического развития и выработку согласованных направлений структурной, инновационной, внешнеэкономической и социальной политики. Участниками Таможенного союза являются РФ, Беларусь и Казахстан. В этой связи, рассмотрим состояние и перспективы сотрудничества России и Казахстана в экономической сфере.

Более семидесяти регионов Российской Федерации имеют сложившиеся устойчивые торгово-экономические связи с Республикой Казахстан. Наиболее активными участниками внешне-торговой деятельности с Казахстаном являются приграничные области России. Так, на 16 регионов РФ приходится 80% внешнего товарооборота двух стран. Среди них — Омская, Оренбургская, Астраханская, Челябинская, Новосибирская области и Алтайский край. В приграничной зоне действует около 300 совместных предприятий, межгосударственные объединения, как «Коксохим», «Казросхром», Автомобильный комплекс на базе УралАЗа и Кустанайского дизельного завода. Показательными примерами приграничного сотрудничества за последние годы стали:

- а) созданное на базе Оренбургского газоперерабатывающего завода совместное предприятия между «Газпромом» и «Казмунайгазом», которое на основе и казахстанского природного газа будет выпускать высокотехнологичную химическую продукцию;
- б) работающий в Саратовской области транспортно-логистический центр, призванный повысить эффективность совместной российско-казахстанской транспортной инфраструктуры на базе новейших технологий в данной сфере.

Среди тех, кто активно развивает межрегиональные связи можно назвать и Москву, и Санкт-Петербург. Между регионами Российской Федерации и областями Республики Казахстан заключено и действует более 200 соглашений в области торгово-экономического, научно-технического, гуманитарного сотрудничества, а также сотрудничества в области охраны окружающей среды, использования природных ресурсов и обеспечения экологической безопасности на сопредельных

территориях, в области предупреждения аварий, катастроф, стихийных бедствий и ликвидации их последствий и других. Развитие получило и инвестиционное взаимодействие. На территории двух стран функционируют сотни предприятий. Сотрудничество в нефтегазовой и энергетической сфере является важным направлением в структуре российско-казахстанских отношений. В числе приоритетов — совместная разработка казахстанских месторождений. В проектах по недропользованию на территории Республики Казахстан Россия занимает четвертое место. К наиболее крупным относятся проекты ведущих российских нефтегазовых компаний — ОАО «Лукойл», НК «Роснефть», АНК «Башнефть» и ОАО «Газпром». В нефтяной отрасли Казахстана компания «ЛУКОЙЛ» участвует в таких крупных проектах, как Тенгиз и Карачаганак. Кроме того, «ЛУКОЙЛ» готов расширять свое присутствие в Казахстане, вести не только разработку готовых месторождений, но и разведочные работы. Проект ОАО «НК «Роснефть» — совместное с китайской компанией «Sinopet» предприятие, занимающееся освоением Адайского нефтяного блока. Со времени начала освоения месторождения в 2001 г. «Роснефть» инвестировала в проект порядка 51 млн. долл. Наиболее перспективными продолжают оставаться российско-казахстанские проекты по освоению углеводородных ресурсов бассейна Каспийского моря. Строительство Прикаспийского газопровода мощностью 30 млрд. куб. м для туркменского газа в год может стать новым крупным совместным проектом, по предварительной оценке экспертов сумма составляет около 4,0 млрд. долл. СП создаваемое на базе Павлодарского нефтехимического завода является весьма значимым проектом в нефтегазовой сфере. В энергетической сфере ведется проработка проектов модернизации Экибастузской ГРЭС-2, а также разработки угольного разреза «Богатырь», принадлежащего на паритетной основе ОК «РусАл» и АО «Казахстанский» холдинг по управлению государственными активами «Самрук» (Казахстан). В атомной энергетике совместно осуществляется проект по производству обогащённого урана на базе международного центра в городе Ангарск Иркутской области, начата реализация совместного проекта по разработке реакторов малой и средней мощности.

В цветной и черной металлургии ожидается реализация таких крупных инвестиционных проектов, среди них особое место занимают такие, как: проекты ОАО «Северсталь», включающие разработку трех золоторудных, а также и молибденового месторождений; проекты ОАО «Мечел» (порядка 1,5 млрд. долл.) по разработке месторождений хрома и никеля, а также совместное с ТРК «Казахстанский никель» строительство первой очереди горнометаллургического комбината по производству ферро-никеля в Кустанайской области Казахстана (порядка 300 млн. долл.). В планах компании — строительство ферросплавного завода (объем инвестиций 1,0 млрд. долл.); проекты Русской медной компании (РМК) по развитию мощностей совместного предприятия — Актюбинской медной компании — и разработке перспективных площадей; проекты АО «Полюс Золото», планирующего к 2011 году существенно увеличить производственные мощности казахстанских активов. В планах Трубной металлургической компанией (ТМК), крупнейшего производителя трубной продукции в России, — инвестиции в развитие производственных мощностей «Казтрубпрома», которые позволят в существенной мере расширить ассортимент выпускаемой продукции. Со стороны казахстанских компаний планируются к реализации проекты АО «Казцинк», крупнейшего производителя цветных металлов, по финансированию разработки Ново-Широкинского рудника в России (в объеме 48,6 млн. долл.) и модернизация казахстанским сырьевым холдингом «Eurasian Natural Resources Corporation» (ENRC) Серовского завода ферросплавов. Перспективными проектами в машиностроительной отрасли являются: 1) проект ОАО «КамАЗ» по строительству в Республике Казахстан сервисных центров, а также способствовать и развитию производства компонентов; 2) планы концерна «Тракторные заводы» по созданию сборочного производства в Казахстане; 3) соглашение о стратегическом партнерстве между ОАО «АВТоваЗ», АО «Азия АВТО» и АО «Евразийский банк развития» о стратегическом партнерстве.

В химической и нефтехимической промышленности значимые перспективы связаны с реализацией инвестиционного проекта по созданию аммиачно-карбамидного комплекса в ТОО «КазАзот». Российская компания «Еврохим» объявила о начале реализации

проекта по освоению трех фосфорных месторождений бассейна Каратау, строительству на их базе ГОКа и трех заводов. В сфере строительства сосредоточен основной объем казахстанских инвестиций в Российскую Федерацию. Так, в частности, в Москве построена гостиница международного класса «Ritz-Carlton Москва». Весьма интересным является участие казахстанской компании «VI Group» в проекте «Константиново», городе-спутнике Москвы, реализуемом российской девелоперской компанией «Евразия Сити». Предполагаемый объем инвестиций в этот проект около 3 млрд. долл. Компания «VI Group» в партнерстве с российским холдингом «Базовый Элемент» планирует развернуть в Казахстане совместное строительство дорог и осуществление концессионных проектов в ряде сфер. Соответствующее СП «VI-Strabag» выиграло тендере на строительство автострады, соединяющей города Ташкент, Шымкент и Тараз. Крупными инвестиционными проектами АО «БазэлЦемент» являются планы организации на Сас-Тобинском цементном заводе нового производства цемента «сухим способом», а также строительства заводов по производству газобетона вблизи Алматы и Астаны. Проектная мощность каждого предприятия — по 150 тыс. м³ газобетона в год. Другой подобный проект строительства в Казахстане цементного завода с применением современных технологий «сухого» производства стоимостью 5,25 млрд. руб. реализует АО «Сибирский цемент» на юге Казахстана в городе Тараз. Оба государства в контексте развития транспортного сотрудничества представляют друг для друга стратегическое значение, поскольку помимо широкой национальной транспортной сети занимают определяющее географическое положение. Большое значение будет иметь практическая работа по созданию транспортного коридора, связывающего Западную Европу, Западный Китай по маршруту Санкт-Петербург — Казань — Оренбург — Актюбинск — Алма-Ата — Китайская Народная Республика. Это очень перспективный проект, который усилит позиции наших стран в мировой системе грузовых перевозок. В последнее время активизируется взаимодействие в сфере высоких технологий, инноваций и нанотехнологий между предприятиями двух стран. Сотрудничество РФ и РК в космической сфере ярко выражено на примере взаимодействия по вопросам использования космодрома Байконур, создания стартового комплекса «Байтерек», участия

в навигационной системе ГЛОНАСС, на повестке дня совместные исследования в космосе с участием казахстанских космонавтов. В рамках ЕврАзЭС выполняется программа по разработке новых высокоэффективных технологий производства конкурентоспособной биопродукции для медицины, сельского хозяйства, охраны окружающей среды.

Заметим, что особого внимания заслуживают совместные высокотехнологичные проекты в химической отрасли, в том числе производство минеральных удобрений, а также имеющиеся проекты по разработке и внедрению агротехнологий в целях повышения урожайности и эффективного развития сферы сельского хозяйства в целом. По предложению Президента России в 2008 г. создана казахстанско-российская рабочая группа в сфере инновационного развития. В рамках этой рабочей группы ГК «РоснаноТех» предлагается к реализации более 9 проектов по нанотехнологиям. Рассматривается вопрос создания совместного казахстанско-российского венчурного фонда между акционерным обществом «Фонд устойчивого развития «Казына», компанией «РоснаноТех» и Российской венчурной компанией, который будет осуществлять инвестирование инновационных проектов, осуществляемых на территории РФ и РК.

Обращает на себя внимание то, что финансирование ряда совместных проектов осуществляется Евразийским банком развития (ЕАБР). Устойчиво работает дочерний банк АО «Сбербанк» в Казахстане, активы которого выросли более чем в 2 раза. С начала своей деятельности ДБ АО «Сбербанк» уже инвестировал больше 250 млн. долл. США в экономику Казахстана и проявляет интерес к финансированию проектов объемом до 2,5 млрд. долл. В секторе розничной торговли достаточно многообещающи планы российской розничной сети «Вестер», планирующей до 2011 года открыть в 12 городах Казахстана 15 гипермаркетов и 8 супермаркетов общей торговой площадью 82 тыс. кв. м. Общий объем инвестиций оценивается в 72,5 млн. долл.

Таким образом, когда мировая экономическая конъюнктура остается стабильно непростой и кризисные явления будут сказываться еще долго, именно региональное сотрудничество позволяет преодолеть тенденцию к снижению экономического роста, как в России, так и в Казахстане.

Гендерный аспект в системе политической власти и управления Таджикистана

На 4-й Всемирной Конференции ООН по проблемам женщин (Пекин, 1995) была одобрена новая концепция комплексного подхода и одобрена в Программе действий, которая была принята по завершению работы Конференции. Пекинская платформа действий (1995г.) дала определению гендерной проблеме, т.е это равенство мужчин и женщин во всех сферах жизни и деятельности. Её основные положения: 1. Равенство прав. 2. Равенство ответственности. 3. Равенство возможностей. 4. Равноправные отношения мужчин и женщин. После Пекинской конференции в странах СНГ началась разработка и осуществление гендерной политики. В Таджикистане в отличие от других стран -членов Содружества параллельно с приобретением независимости началось гражданское противостояние, которое, как это не парадоксально, ухудшило в первую очередь положение женщин, т.е сошли на нет те возможности, которые были приобретены в области прав женщин еще в советские времена. По данным Всеобщей переписи населения 1989 года, в Таджикской ССР женщины занимали 25,8% руководящих должностей. Женщины в советские времена на высшем уровне в республике традиционно работали министрами соцобеспечения и здравоохранения, еще курировали идеологическую сферу в партийных структурах вплоть до вышестоящего органа. В 1989 г. женщины составляли среди руководителей отделов кадров и канцелярий — 70,7%, детских домов и дошкольных учреждений -94,5, заведующих библиотеками-62,3, но среди руководителей предприятий и организаций базовых отраслей всего -17,1% [1]. Но период гласности и демократизации, приведший в том числе к упразднению квот, понизил статус женщины в обществе. Это ярко показали результаты первых относительно свободных выборов в Таджикистане в 1989-90гг. Среди 230 депутатов Верховного Совета республики 12-го созыва было всего 9 женщин или лишь 3,9%.

В начале 90-х в стране параллельно с приобретением независимости, началась гражданская война и на повестке дня были поставлены вопросы характерные для всех войн независимо от географии.

И, следовательно, было не до женщин и собственно их положения, тем более их роли в политических процессах и в системе управления. Хотя на митингах, предшествующим политическому противостоянию, среди участников были и женщины. И, на войне среди униженных и убитых оказались представители слабого пола. И от войны пострадали женщины. Конечно, эта ситуация не могла не повлиять на их участие в принятии решений на всех уровнях. На выборах 1995 г. доля женщин в органах власти упала уже до 2,8 % в парламенте и 8,7% в местных представительных органах власти[2]. Дискриминация была явная и в органах исполнительной власти. В этом же году всего 3,3% женщин было среди первых лиц, их заместители из числа женщин составляли 5,0% и 19,4% процента среди руководителей структурных подразделений.[3,р.27]. Всего в двух городах из 68-и председателями были женщины. Даже те должности, которые традиционно были женскими, как зампреды исполкомов по социально-культурным вопросам перешли к мужчинам. Но после подписания Общего соглашения о мире и национальном согласии в 1977 г. появились возможности повернуться лицом к изменению положения женщин в сфере политики и управления. Уже в 1999 году Республика Таджикистан ратифицировала Конвенцию « О политических правах женщин»,Международный пакт по гражданским и политическим правам. Впервые термин «гендер» был применен в правительственных актах в сентябре 1998 года при утверждении Национального плана действий Республики Таджикистан по повышению роли и статуса женщин на 1998-2005 годы. Этот документ предусматривал, в частности формирование резерва кадров для выдвижения в структуры управления на гендерной основе. При подготовке Государственной программы «Основные направления государственной политики по обеспечению равных прав и возможностей мужчин и женщин в Республике Таджикистан на 2001-2010 годы»,утвержденной Правительством в августе 2001 года, были устранены те недостатки, которые были выявлены в ходе реализации Национального плана. Таджикистан среди стран-членов СНГ одним из первых ратифицировал международную конвенцию о политических правах женщин, и нужно было соответственно создать механизм привлечения условий для привлечения женщин в процесс принятия решений на всех уровнях. Одним из основных подспорьем для этого стал

Указ Президента Республики Таджикистан "О повышении роли женщин в обществе" от 3 декабря 1999 г., где была предусмотрена квота для женщин на должность заместителей руководителей государственных органов, организаций, учреждений и предприятий, территорий. Этот указ дал толчок увеличению количества женщин в системе управления. Если до этого указа в двух хукуматах (администрациях) председателями были женщины, то теперь их количество возросло до 8. К 2005 г. в руководящем составе органов госуправления было 15,5% женщин, в министерствах и госкомитетах - 7,3%, в руководящем составе администрации Президента РТ - 12,3, в органах при президенте и правительстве - 10,6%. Заметно возросло женское представительство в составе территориальных органов исполнительной власти и органов местного самоуправления в поселках и селах. В четырех городах и районах, в 26,9% сел (джамоатах) председателями были женщины. Отметились позитивные тенденции роста женщин среди заместителей председателей городов и районов - до 27,4% [4, p.9].

Однако как показывает наш анализ, в основном низшие и средние звенья были подкреплены женщинами. 20% - начальники отделов и управлений в министерствах и ведомствах, 40% в отдельных госорганах. В парламенте страны одна женщина была заместителем председателя Маджлиси намояндагон (нижняя палата) и две возглавляли комитеты; в составе правительства была одна женщина; среди первых руководителей центральных органов управления - 3; - председателей городов и районов - 4, - председателей судов - 5. Эта пирамида управления наблюдалась и на местном уровне, хотя количества женщин было больше. 49,5% - среди заместителей председателей джамоатов, 35,7% - среди заместителей руководителей подразделений аппаратов председателя города, района, 35,2% - среди заместителей председателей городов, районов. Если до перехода на рыночную экономику, должности директоров школ и главврачей были женскими, то теперь их стало мало среди этих традиционных номенклатур. По данным 2005 г. их всего было 15,6% и 26,3% соответственно. Среди руководителей хозяйств было 3,4%, администрации председателей - 4,4% и предприятия - 4,6%. Когда доля работающих женщин составляла от 30 до 70% [4, p.9].

Сопоставительный анализ данных выборов в парламент страны 1995 -го и 2000 г. показал, что ситуация в отношении женщин из-

менилась. На выборах 2000 года участвовало в 3 раза больше женщин, чем на предыдущих. Хотя число женщин-кандидатов было в 10 раз меньше, чем мужчин-кандидатов. Из 287 кандидатов, выдвинувших свои кандидатуры по одномандатным округам, 29 составили женщины. Это чуть более 10% всех самовыдвиженцев. Мандат кандидата достался только 22 женщинам из 214 кандидатов, что также составляет 10% от общего числа кандидатов. Женщины были избраны депутатами в 4 из 41 одномандатного округа. Это также равно 10%. Выборы 2000 года ещё отличались тем, что успех достигли женщины, которые были выдвинуты политическими партиями. Следует отметить, что как в 70-х, так и в 90-х гг. и в самих крупных, и в средних странах устоявшейся демократии представительство женщин в парламентах на основе избирательной системы по типу партийных (пропорционального представительства) было всюду выше, чем в тех странах, где преобладающая форма или тип избирательной системы был одномандатным (мажоритарный).⁷ независимых кандидатов на выборах в 2000 г. ни получили поддержки не от одной из 6 партий. Но эксперты не видят в этом дискриминацию по признаку пола. Среди мужчин-кандидатов аналогичный показатель. Эти позитивы из вхождения женщин в мир большой политики связаны с тем, что после подписания мирного соглашения ситуация в стране стабилизировалась и женщины активно участвовали на выборах в 2000 г. Следует привести такие любопытные данные: В 1988 г. в странах мира наблюдалось рекордное число женщин-парламентариев-они составляли 14,8%^[5]. Однако предпоследние парламентские выборы в Таджикистане и уже новые выборы в 2005 г. показали, что партии не предоставляют мужчинам и женщинам равные шансы, женщин почти нет в руководящих партийных органах, как и нет в этих партиях специальных программ продвижения женщин во властные структуры. И, дискриминационный подход к распределению порядка мест в партийных списках- женщины занимают не первые места не дает возможности женщинам быть равными с мужчинами.

Оценка молодых женщин своего лидерства и потенциального участия в законодательном органе в конце 90-х годов была сильно занижена. Опросы женщин, которые были проведены НПО «Традиции и современность» в 1999-2000 гг., позволили выявить эти мотивы^[4,р.9]. 54% потенциальных кандидатов в выборные органы

всех уровней на вопрос «Хотели бы Вы выдвинуть свои кандидатуры в Маджлиси Оли? (парламент)» ответили, что хотели бы попытаться выдвинуть свои кандидатуры в Маджлиси намояндагон (нижняя палата), но только половина из них впоследствии выдвинула свои кандидатуры в нижнюю палату парламента по одномандатным округам. 11,5% опрошенных заявили, что считали участие на выборах бесперспективной, ссылаясь на негативный опыт выборов прошлых лет. Еще 11,5% опрошенных заявили, что у них интересная работа и не хотелось бы ее оставить.. Остальные 23% были уверены в своих силах, не уверены в поддержке избирателей и не имеют хорошей команды». Из 7 женщин, выдвинувших свои кандидатуры в нижнюю палату, что составляло 27% выборки, только 4 получили мандаты кандидата. Двое из них были избраны депутатами. Из 7 женщин выдвинувших свои кандидатуры в районные и городские парламенты шестеро были избраны депутатами. Высокий показатель успеха в прошедших выборах был очевиден, так как в выборку попали женщины, проявившие лидерские качества к моменту опроса.

Приход женщины во власть создает условие для улучшения положения женщин, повышения их статуса в обществе в целом. Реализации этой азбучной истины и ее пониманию со стороны женщин мешали стереотипы в отношении политиков из их числа. Т.е убедить женский электорат в том, что настали другие времена, и теперь прекрасная половина, попадая во власть, поможет решать собственно их вопросы, не было возможным. И женщины — депутаты пройдя этот тернистый путь в парламент убеждаются в этом. Так, одна из депутатов-женщин Маджлиси оли считает, что количество женщин-парламентариев в следующих выборах достигнет до 15 человек (ныне в нижнем парламенте страны 11 женщин-авт.). Но для этого по ее мнению, прежде всего, нужно женщинам объединяться, поддержать и понять друг друга при любых обстоятельствах[6].

В переходный период активизировалась работа общественных неправительственных организаций, в которых в основном работают женщины. Работа НПО в стране в первые годы независимости отличалась от их деятельности в других государствах Центральной Азии. Первый период их работы преследовал оперативную цель: восстановление разрушенных домов, помощь беженцам, оказание

поддержки детям-сиротам, семьям, потерявшим кормильцев во время вооруженного конфликта.

В 1995 г. в Таджикистане было всего 3 подобных организаций, в 1998-54, в 2000-73, 2005-152. Эти данные говорят о количественном росте НПО. Но вслед за количественной характеристикой начались качественные изменения в деятельности женских неправительственных организаций. Первые годы им было присуще сотрудничество по вертикальному принципу: донор — НПО — целевая группа. Со временем стал приоритетным горизонтальный принцип: проведение круглых столов, конференций, семинаров, корпоративных проектов. В настоящее время количество женских НПО составляет 15 213 [7].

С начала 2000 г. неправительственные организации начали объединяться в коалиции для лоббирования своих интересов, в частности по увеличению представительства женщин в органах власти, как назначаемых, так и выборных [10, р. 61]. Хотя НПО не занимаются политической деятельностью. Они реализуют свою долгосрочную цель — оказание защиты гражданских и политических прав, гражданское и правовое образование, воспитание женщин-лидеров, их социализация, тем самым предоставляют женщинам возможность реализовать себя, т.е. способствуют их вовлечению в политику. Тем временем сотрудничество власти и гражданского общества в лице женских и международных организаций привело к позитивным тенденциям. Так, на выборах в Маджлиси Намояндагон (нижняя палата парламента) в феврале 2005 г. были избраны 11 женщин (из 63 депутатов), что составило 17.5 % от общего числа. В Маджлиси Милли (Верхняя палата парламента) женщин 4 из 34 депутатов (12.1%), в местных маджлисах - 11.5%. По данным ООН, только когда среди депутатов парламента женщины составляют не менее 20%, только тогда в нем разрабатываются законы в интересах детей, т.е. будущего нации страны [8].

Представительство женщин в других структурах власти примерно соответствует средним мировым показателям: в 2006 г. на ответственных государственных должностях — более 15%, среди госслужащих — 24 %. Женщины как руководители, сконцентрированы в низшем и среднем звеньях управления. На должностях начальников отделов и управлений в министерствах и ведомствах их в среднем 20%. В высших эшелонах власти в парламенте — одна

женщина на должности заместителя Председателя Маджлиса Намояндагон и две возглавляют комитеты. В составе действующего правительства страны на должности вице-преьера — одна женщина. Больше всего женщин участвует в принятии решений на местном уровне и в районных администрациях. Здесь, представительство женщин выше, чем высших органах власти. Так, среди заместителей джамоатов — 43%, заместителей председателей городов, районов — 34%, а глав городов и районов — всего 9%[9].

Конечно, цифры не могут отражать работу, которую проделали женщины, находясь в категории руководителей. И, не все руководители избраны или назначены исходя из уровня политического и правового образования, имеющих опыт руководства. Но, пока женщины маргиналы в этой основной сфере, в сфере политики и управления. Поэтому ставится цель увеличения их количества. Нужно при этом при всех назначениях на должности в качестве временной меры руководствоваться правилом: предпочтение отдавать при альтернативе между мужчиной и женщиной представительницам слабого пола, там где их меньше, чтобы приблизиться к гендерному равенству. На представительство женщин в политике и управления влияют: преобладания мужчин в политических структурах и дискриминация, конечно не открытая в распределении мужских и женских ролей на уровне принятия решений, недостаток поддержки со стороны партий и СМИ, в руководстве которых тоже доминируют представители сильного пола.

Естественно в повышении статуса женщин многое зависит от них самих, от их личного участия в своем позиционировании как от НПО, женских организациях — их вклад в поднятие их же имиджа, образа. К слову, в СМИ страны очень редко появляются публикации о женских НПО, или международных организаций, занимающихся проблемами женщин, хотя их количество возрастает из года в год. Яркой иллюстрацией этого тезиса может стать статья «Гендер. Патриархат... и безответщина»[10,р.191].6-7 человек мужского пола по просьбе корреспондентов газеты «Миллат» («Нация»)ведут разговор о гендерной проблематике в Таджикистане. Эксперты, занимающиеся женскими проблемами в разных НПО, по мнению авторов, отказались участвовать в дискуссии. Суммировать их высказывания-опасения можно следующим образом: Общество должно остаться патриархальным, так оно является

основой нашей культуры; Все НПО больше поднимают вопросы феминизма, нежели гендера; НПО работают только из-за гранта. Хотя мужчины согласны с тем, что сегодня женщина стала кормилицей, но на это смотрят как на вынужденный временный фактор.

Словом, издание считает, что НПО,СМИ и другие структуры, занимающимися гендерными проблемами, варятся в собственном соку. Возможно те же международные организации еще не на должном уровне готовят журналистов, пишущих на гендерную тематику. Иначе как объяснить, что журналистка задает вопрос в интервью депутату примерно такого содержания: Почему женщины становятся депутатами не через одномандатных округов т.е независимо, а через партийные списки?[6]. А ведь мировой опыт наглядно показывает какие факторы способствовали общему увеличению женского представительства в высшем эшелоне законодательной ветви власти в странах «устоявшейся» демократии: наличие осознанной политической воли, которая выражается в том, что в качестве приоритета партийной политики выдвигается цель увеличения женщин-кандидатов в парламентах, избираемых по пропорциональной избирательной системе (политическая партийная квота);наличие законов, требующих, чтобы соотношение полов в списках кандидатов от партий соответствовало соотношению полов в стране; изменение электоральной системы с одномандатного (мажоритарного) на пропорциональное представительство. Вот над чем наверно нужно поразмышлять женскому движению ,политикам и журналистам, занимающимися гендерном аспектом в политике и управлении. И.конечно, еще каждая страна, в том числе Таджикистан имеет свою специфику в продвижении женщин в политику и акцентировать нужно свои действия именно на нее.

А пока, согласно сообщению Председателя комитета по делам женщин и семьи при правительстве Республики Таджикистан 612 женщин занимают руководящие посты в органах государственной власти различных уровней. «Очень много женщин являются руководителями различных учреждений, главврачами больниц, директорами учебных заведений, руководителями общественных объединений»[11]. В республике, начиная с 2008 г. реализуется Государственная программа «Воспитание ,подбор и размещение руководящих кадров из числа способных женщин и девушек на 2007-2016 годы». Женщины составляют 49,8% населения страны.

Литература:

1. См.: Итоги Всесоюзной переписи населения 1989 года по Таджикской ССР.-Душанбе,1990.
2. Гендерная статистика в Республике Таджикистан.-Душанбе,1999.
3. Таджикистан :на пути к гендерному равенству.Душанбе,2003. С.27.
- 4.. Анализ гендерной ситуации в сфере политики в Республики Таджикистан.Душанбе,2005.С.9.
5. Н.А.Шведова.Гендерный подход как фактор политической культуры.Гендерный калейдоскоп.М.,2002.С.271-290.
6. Л.Шарифова.Женщина может быть президентом.Газета «Миллат»(«Нация») -12 июля 2007 года.
7. <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1217251260>
- 8.См.: Время//25 апреля 2000).
9. См.: М.Н.Хегай. Женское лидерство в Таджикистане:проблемы и пути развития.В сб.: Женские и гендерные исследования в Таджикистане.выпуск1.-Душанбе,2000.-С.61.
10. Х.Хушкадамова.Образ женщин в современной таджикской журналистике.Душанбе,2006.С.191.
11. М.Хасанова. В РТ 612 женщин занимают руководящие должности в органах власти. <http://www.khovar.tj>,19.01.2008.

Языкознание

Басова С.В.

Условно-речевые упражнения как средство формирования речевых навыков

Основой коммуникативного метода обучения является обучение говорению на иностранном языке, результатом которого является формирование **речевого умения** — речевой способности, формируемой под влиянием речевого общения. Основой речевого умения является **речевой навык**, как способность совершать относительно самостоятельное действие в системе речевой деятельности, которое благодаря наличию полного **комплекса качеств**, стало одним из условий выполнения этой деятельности.

Формирование навыка с присущими ему качествами, такими как **автоматизированность, устойчивость, гибкость и относительная сложность**, требует определенных условий. Очевидно, что поскольку такие условия создаются в упражнениях, для формирования речевых навыков необходимы специальные упражнения. Эти упражнения должны отвечать определенным требованиям, вытекающим из принципов коммуникативного метода. К **стабильным требованиям** следует отнести: наличие речевой задачи говорящего, ситуативность, преимущественная направленность произвольного внимания обучаемого на цель и содержание высказывания, а не на его форму, моделирование речевого общения в каждом из элементов упражнения, коммуникативная ценность фраз, экономичность упражнения во времени, достаточное количество однотипных фраз

и действий, обеспечение относительной безошибочности действий обучаемого, одноязычность упражнений. К **варьируемым требованиям** следует отнести: совмещение изолированно усвоенных явлений, дифференцирование усваиваемых явлений, тематическая и логическая связанность фраз, простота и краткость первых реплик, наличие заданного языкового материала, наличие указаний на операции с материалом. Причем варьируемые требования не следует понимать как факультативные: они используются не по желанию, а по необходимости. Обычные тренировочные и подготовительные упражнения зачастую не отвечают вышеперечисленным требованиям. Чтобы перенос в реальную жизнь из учебного процесса был по-настоящему успешным, работа в аудитории должна как можно точнее имитировать условия реального языкового общения. Такая работа и происходит в условно-речевых упражнениях. Каковы же **принципы их организации**?

Первым принципом построения условно-речевых упражнений является **принцип использования речевой задачи говорящего в качестве установки**, который создаст в упражнениях условия, адекватные речевым, т. е. основу для переноса, изменит характер производимых учеником действий по имитации, подстановке и т. п., которые будут действительно речевыми действиями, а не языковыми операциями, обеспечит комплексность усвоения лексической, грамматической и произносительной сторон речевой деятельности. Второй принцип построения условно-речевых упражнений — **принцип аналогии в образовании и усвоении грамматических форм** означает, что, выполняя речевую задачу, обучаемый конструирует свои реплики по аналогии с образцом, который постепенно сворачивается и благодаря этому интериоризируется, появляется чувство формы, на основе которого человек затем в речи и конструирует эту форму мгновенно. Третий принцип — **принцип параллельного усвоения формы и функции при ведущей роли последней**.

Различается множество **видов условно-речевых упражнений**, которые классифицируются по составу, по установкам и по способу выполнения. Поскольку для становления навыка наиболее важно то действие, которое в упражнении выполняет обучаемый, покажем классификацию условно-речевых упражнений по способу выполнения. По этому критерию условно-речевые упражнения де-

ляются на **имитативные, подстановочные, трансформационные и репродуктивные**. Все четыре вида, выполняемые в указанной последовательности, представляют собой **комплекс условно-речевых упражнений**, используемый обычно для усвоения какой-то одной формы или группы лексических единиц.

Приемы работы с условно-речевыми упражнениями в корне отличаются от приемов работы с другими упражнениями и, кроме того, существует ряд **факторов успешной работы** с ними, среди которых помимо ранее упомянутых ситуативной обусловленности и достоверности реплик, необходимо особо подчеркнуть **психологическую перестройку преподавателя**, который должен понять, что процесс выполнения условно-речевых упражнений — это общение, пусть условное, регламентированное нуждами обучения, но общение. Сущность коммуникативного метода заключается в том, что процесс обучения является моделью процесса общения и создать процесс обучения как модель процесса общения означает смоделировать принципиально важные, сущностные параметры общения, к которым относятся: личностный характер коммуникативной деятельности субъекта общения, взаимоотношения и взаимодействие речевых партнеров, ситуации как формы функционирования общения, содержательная основа процесса общения, система речевых средств, усвоение которой обеспечило бы коммуникативную деятельность в ситуациях общения, функциональный характер усвоения и использование речевых средств, эвристичность. Понимание этого должно определять все поведение преподавателя в рамках коммуникативного обучения и требует настроя на новый лад работы.

Бессонова Е.Ю.

Культурно-значимая лексика в составе японских эпистолярных сезонных клише

1. Адекватное восприятие японских посланий предполагает знание японской эпистолярной традиции и структурно-языковых особенностей японского эпистолярного текста. Понимание культурно-национальной значимости японских письменных посланий

осуществляется на основе соотнесения их основного значения с исходными понятиями сферы культуры. В свою очередь, культурно-исторические традиции находят свое воплощение в структуре и компонентах эпистолярных текстов.

2. Значения сезонных эпистолярных клише, их структурно-языковые элементы имеют национальную специфику, которая определяется условиями жизни носителей данного языка. Система единиц эпистолярного текста является отражением культурно-национального опыта, в эпистолярных клише хранятся установки культуры, также в них закрепляются культурно-значимые реалии, которые передаются новым поколениям.

3. При анализе сезонных клише учитывается семантический аспект. Интересны примеры клише, основу которых составляют слова, связанные с природными явлениями: 立春 *риссюн*, 立秋 *риссю:*, 新緑 *синрёку*, 梅雨明け *цуюакэ*, 五月晴れ *сацукибарэ*, 大寒 *дайкан* и т.п., например, 新緑の候 *синрёку но ко*: «время молодой листвы» (май), 暦の上では立秋を迎えましたが、相変わらずの暑さが続いております。 *Коёми но уэ дэ ва риссю*: *о мукаэмасита га, аикаварадзу но ацуса га цудзуитэоримасу*. «Хотя по старому календарю и наступил сезон «начала осени», все также стоит жара» (август). Вторая группа, участвующая в языковом анализе, это клише, основу которых составляет лексика со значением японских реалий: 松の内 *мацу но ути*, 雛祭り *хинамацури*, お花見 *о-ханами*, ゴールデンウィーク *го:рудэнви:ку*, 鯉のぼり *коинобори* и т.п., например, 早いもので松の内も明けて ... *Хаяй моно дэ мацу но ути мо акэтэ...* «Вот уже и закончились новогодние праздники...» (январь), お嬢様の雛祭りは、ご家族でお祝いなされたことと存じます。 *О-дзё:сама но хинамацури ва, го-кадзоку дэ о-иваи насатта кото то дзондзимасу*. «Думаю, что вы отмечали всей семьей праздник: День девочек» (март), お花見にはもういらつしやいましたでしょうか。 *О-ханами ни ва мо: ирассяимасита дзё: ка*. «Вы уже, наверное, ходили любоваться цветами сакуры» (апрель), ゴールデンウィークはご家族おそろいで楽しまれたことと存じます。 *Го:рудэнви:ку ва го-кадзоку осорои дэ таносимарэта кото то дзондзимасу* (май). «Думаю, Вы всей семьей смогли прекрасно провести майские выходные дни». Третья группа объединяет клише, основу которых составляет культурно-значимая лексика общего характера: 花火 *ханаби*, ツリー *цури:*, レインコート *рэйнкo:то*,

生ビール *намаби:ру*, エアコン *эакон* и т.п., например, あちこちのツリーが目を楽しませてくれる季節 ... *Атикоти но цури: га мэ о таносимасэтэ курэру кисэцу...* «Время, когда глаз радуют рождественские ёлки...» (декабрь), *花火*の音が聞こえる季節となりました。 *Ханаби но ото га кикозэру кисэцу то наримасита*. «Сезон фейерверков» (июль).

4. Данные примеры сезонных эпистолярных клише указывают на наличие в эпистолярных текстах обращений к заметным в жизни общества событиям. С каждым сезоном у японцев связаны определенные обычаи и обряды, которые переданы с помощью культурно-значимой лексики в составе японских сезонных клише.

5. Основными критериями отбора анализируемого материала были выбраны принцип частотности и принцип сплошной выборки, источниками послужили письмовники, изданные в Токио в период 2007-2010 гг.: 横田京子. きちんとした手紙とはがきの書き方. — 東京: 大泉書店, 2007 (*Ёкота Кэйко. Китинто сита тэгами то хагаки но какиката*. — Токио: О:издуми сётэн, 2007); 中川越. てがみ・はがきの書き方がすべて載ってる大事典. — 東京: 永岡書店, 2009 (*Накагава Эцу. Тэгами, хагаки но какиката га субэтэ ноттэцуру дайдзитэн*. — Токио: Нагаока сётэн, 2009); 手紙の書き出しと結び組み合わせるだけ! 文例集. — 東京: 雁の文研究会, 2010; (*Тэгами но какидаси то мусуби кумиавасэру дакэ! Бунрэйсю:*. — Токио: Кари но фуми кэнкю:кай, 2010); 手紙・はがき基本文例集. — 東京: 主婦の友, 2008 (*Тэгами, хагаки кихон бунрэйсю*. — Токио: Сюфу но томо, 2008).

Быкова С.А.

К вопросу о нормативности языка Токио

Язык Токио, ранее называемый «эдого», является основой для стандартного японского языка «хё:дзюнго» и общепонского языка «кё:цу:го». Считается, что язык Токио нормативен, функционирует в качестве языкового эталона и лишен каких-либо диалектальных особенностей. Однако данные анкетирования жителей Токио и других регионов Японии доказывают обратное: в Токио существуют собственно токийские диалектальные формы, отличающие его как от стандартного японского языка, фундаментом для формирования

которого послужил в свое время язык Эдо (прежнее название Токио), так и от территориальных диалектов. Язык Токио, окруженного префектурами района Канто, несомненно, отличается от одноименного диалекта прежде всего максимальной близостью к стандартному языку. Однако при этом в языке Токио, т. наз. «то:кё:го», фиксируются определенные нарушения фонетических и грамматических норм стандартного языка, которые позволяют сделать вывод о существовании в нем особенностей диалектального характера. Яркой иллюстрацией этого утверждения могут служить данные опроса телезрителей с целью выяснения их оценки языка дикторов и комментаторов NHK (Государственная радиотелевизионная корпорация Японии). Язык ведущих главного канала японского телевидения всегда оценивался как эталонный. Однако в результате анкетирования, проведенного НИИ культуры NHK среди представителей интеллигенции, т. е. той прослойки японского общества, которая получила хорошее образование, достаточно знакома с представлениями о тех или иных языковых нормах и, по крайней мере в официальной обстановке, предпочитает говорить на нормативном (стандартном) языке, выяснилось, что язык дикторов государственного канала далек от идеала. В полученных в ходе опроса телезрителей ответах отмечались следующие нарушения норм в речи дикторов: нечеткая артикуляция при произношении слога ДЗЮ, исчезновение назализации звука Г в слогах с этим звуком в середине и конце слов, что является нарушением фонетических норм стандартного японского языка, отсутствие единого типа акцентуации у различных дикторов (токийская акцентуация является нормативной в современном японском языке), усиленная редукция ряда гласных звуков, приводящая к непониманию слушателями высказываний, произношение слога ДЗЮ как ДЗИ, произношение слога ХИ как СИ и наоборот, недопустимо высокая частотность употребления т. наз. стяженных глагольных форм при образовании форм длительного и совершенного вида в передачах для детей, что ведет к закреплению в речи молодого поколения жителей страны подобных нарушений грамматических норм, характерных для языка токийцев и употребляемых в неформальных ситуациях.

Еще более значительными отклонениями от норм стандартного языка отличается речь коренных токийцев, как правило не имеющих никакого отношения к СМИ. Многие из этих особенностей токийс-

кого языка объясняются исторически существовавшей в Токио дифференциацией двух диалектов, Яманотэ и Ситамати (букв. «нижний город»). Язык кварталов Яманотэ, которые населяли представители аристократии и интеллигенции, отличался правильностью и соблюдением языковых норм. Кварталы Ситамати населяли в основном представители «третьего сословия»: купцы, ремесленники, торговцы. Речь обитателей кварталов Ситамати характеризовалась отклонениями от норм стандартного японского языка, но в то же время отличалась чрезвычайной яркостью, образностью, эмоциональностью. Можно согласиться с утверждением, что стандартный японский язык «хэ:дзюнго» сформировался на основе более правильного языка Яманотэ. Кантоское землетрясение в начале 20-го века нанесло значительный удар по всему району Канто, а в Токио, находящемся в центре этого района, — по кварталам Ситамати. Американские бомбардировки в конце войны уничтожили кварталы Яманотэ. Эти события привели к значительной миграции населения как в Канто, жители которого переселялись в Токио, так и в самом Токио, где постепенно происходило перемещение населения из Ситамати в Яманотэ и наоборот. Одновременно с миграцией населения в Токио те или иные формы, являющиеся отклонениями от норм стандартного языка и характерные прежде всего для речи жителей Ситамати, распространялись и в Яманотэ. Так постепенно отклонения от языковых норм стали закрепляться в речи токийцев, населяющих различные районы. Появление новых языковых форм в послевоенный период, распространение «новых диалектов», обязанных своим появлением молодому поколению жителей страны, в т.ч. Токио, широкое употребление сленговых и жаргонных форм — все это привело к значительным изменениям в языке столицы Японии. Продолжая играть ведущую роль в развитии «общего языка», язык Токио в то же время не может рассматриваться как идеальный или абсолютно нормативный, поскольку характеризуется нарушением ряда языковых норм. Однако прочное закрепление за «то:кэ:го» функций языка, на основе которого продолжает развиваться как современный стандартный язык, так и «общий» язык, предполагает возможность превращения в будущем тех или иных отклонений от норм японского языка в некий стандарт. Язык Токио нормативен лишь относительно, но наблюдающаяся фонетическая, грамматическая и лексическая «ненормативность» этого языка не означает утраты им статуса языкового эталона.

Актуальные проблемы современной языковой политики Японии

Начиная со второй половины 20 века, основной задачей языковой политики Японии было окончательное формирование и распространение литературного языка, а затем (примерно с начала 90-х годов) — сохранение утвержденных норм языка. В связи с этим, сложилась система постоянного наблюдения за состоянием языка, в которую вовлечены не только собственно органы языковой политики Японии, но и средства массовой информации, разнообразные эксперты и знатоки слова, а также широкая общественность. Интерес японцев к родному языку чрезвычайно велик, поэтому практически любое исследование в области социолингвистики и, в частности, деятельность органов языковой политики строится по схеме «постановка проблемы — всестороннее обсуждение — вывод компетентных органов».

В таких условиях повышенное внимание общества к языку становится важным аспектом для выбора средств языкового нормирования. Постоянный интерес японцев к родному языку не позволяет оставлять без внимания их мнение о языке, на котором они говорят и пишут, который они слышат и читают. Именно поэтому основными методами работы органов языковой политики Японии становятся массовые обследования информантов — носителей языка, выявляющие как изменения в состоянии языка, так и отношение общества к ним. Изучение вопросов, затрагиваемых в этих исследованиях, проводимых Государственным исследовательским институтом родного языка и Подкомиссией по родному языку Комиссии по культуре Министерства просвещения, дает достаточно полное и объективное представление о том, какие вопросы в настоящий момент являются приоритетными в работе органов языковой политики.

Примерно с 90-х годов 20 века органы языковой политики начинают уделять большое внимание состоянию родного языка. В частности, предметом подробнейшего обсуждения становится проблема «беспорядка» и «отклонений» в языке: появление и высокая частота употребления грамматически неверных конструкций (проблема так называемых «слов без -ра» — «ра-нуки котоба»), неоправданно большое количество заимствований, записываемых азбукой

катакана (так называемые «катакана го»), неправильное использование форм вежливости и т.п. Кроме того, актуальными вопросами для органов языковой политики становятся изменения, возникающие в языке под влиянием распространения компьютеров, мобильных телефонов и прочей оргтехники, а именно влияние активного пользования этими электронными носителями информации на степень владения родным языком, вопросы унификации шрифтов и т.п.

В настоящее время органы языковой политики Японии рассматривают вопросы, связанные с отношением к японскому языку в мире, разрабатывают более современные программы по обучению японскому языку иностранцев, способствующие его большему распространению в мире. Кроме того, проводятся разнообразные комплексные исследования родного языка, объединенные общей задачей приведения состояния японского языка в соответствие с реалиями стремительно развивающегося современного общества.

Такая форма работы органов языковой политики по сохранению и совершенствованию норм родного языка, когда все подчинено решению конкретных практических задач (основной задачей является максимальное удовлетворение потребностей общества в языке, способном соответствовать любым коммуникативным целям), позволяет достаточно ясно представить себе языковую ситуацию в целом. Поэтому изучение материалов по мероприятиям языковой политики и связанных с ними публикаций в средствах массовой информации дает впечатление о современном состоянии языка, о происходящих в нем изменениях, а также позволяет судить о тенденциях в языке, могущих проявиться в будущем.

Воронцова М.В.

Применение современных методов психологии в преподавании иностранных языков

1. В настоящее время в преподавании иностранных языков существуют 3 основных метода: традиционный, интенсивный и коммуникативный. Традиционный метод ориентирован на параллельное усвоение грамматических правил, сформулированных на родном языке и отражающих парадигматические связи изучаемого

языка, и определенного набора лексических единиц, каждая из которых заучивается отдельно через перевод на родной язык. Интенсивный метод ориентирован на максимально быстрое развитие речевых навыков и с успехом использует все известные достижения современной психологии, в частности, НЛП и позитивной психологии. Коммуникативный метод предполагает использование всего позитивного опыта интенсивного метода, в частности, его приемов по интенсификации процесса запоминания лексических единиц и грамматических структур и направлен на практическое обучение языку. В то же время коммуникативный метод предполагает обучение иностранному языку во всех его аспектах, выстраивая при этом определенную иерархию в степени владения тем или иным аспектом языка на каждой стадии обучения.

2. Проанализировав все основные современные течения в психологии, автор пришел к выводу, что в преподавании иностранных языков могут использоваться достижения когнитивной психологии, НЛП, а также позитивной психологии, основной целью которой является создание и закрепление положительной установки на определенный вид деятельности, что, в свою очередь, является основой для перехода данной информации в долгосрочную память.

3. Когнитивная психология начала развиваться в 70-е годы 20 века. Она связала проблему сложных психологических состояний человека с неадекватным восприятием человеком действительности. Поэтому в ее рамках были проведены значительные исследования, показавшие высокую степень индивидуализации при восприятии одинаковой информации разными людьми. Одновременно эти исследования показывают, что наличие негативного прошлого опыта при работе с информацией будет непреодолимым препятствием для успешного обучения в будущем, если предыдущий опыт не будет правильно осмыслен и не будут предложены другие схемы усвоения информации.

4. Направление в современной психологии, в максимальной степени ориентированное на достижение практических результатов и применимое в обучении иностранному языку — это НЛП (нейролингвистическое программирование). Один из основных тезисов НЛП можно сформулировать следующим образом: обучение (любое, в том числе и иностранному языку) — это общение обучающего и ученика, в котором слова лишь небольшая часть выразительных средств, которыми мы располагаем. Исследования показали, что воз-

действие на аудиторию на 55% обусловлено жестами и зрительным контактом, на 38% — интонациями и лишь на 7% — содержанием речи. Эффективность общения оценивается только по результату, по тому отклику, который Вы получаете. НЛП предлагает определенные техники для достижения понимания: это подстройка (в интонациях, жестах, ритме речи и т.п.) и ведение. Эти понятия являются базовыми не только для НЛП, но и для ряда других направлений современной психологии, связанных с изменением поведенческой модели человека и его восприятия. Другой важный тезис НЛП, который невозможно не учитывать, выстраивая методику преподавания, — это наличие у каждого человека предпочтительного способа восприятия информации и переноса информации в сферу сознания. Психология выделяет 3 основных способа восприятия и запоминания информации: визуальный, аудиальный и кинестический. Картина, звук или ощущение — это ведущая система, позволяющая войти в мир памяти. Узнать, каким именно образом мыслит другой человек, можно с помощью глазных ключей доступа, исследованию которых посвящена значительная часть НЛП. Третий важный для методики преподавания языков элемент НЛП — это использование механизма «якорей» для наиболее активного включения механизмов памяти, концентрации внимания и максимальной работоспособности. Использование состояний транса или полутранса для интенсификации процесса обучения, используемое в интенсивных методах преподавания, вряд ли можно считать оправданным, так как оно требует от преподавателя дополнительной психологической подготовки, а эффективность результата является спорной.

5. Одной из проблем преподавания иностранных языков является стабильность результата. Знания, навыки и умения должны сохраняться долго и не утрачиваться, как только занятия прекращаются и практика применения языка не возобновляется. Современные направления, восходящие к бихевиоризму, например, позитивная психология, получившая свое максимальное развитие в 90-е годы 20 века, утверждает, что только тот навык перейдет в долгосрочную память, который был сформирован с положительной эмоциональной установкой на успешность процесса обучения. Главная стратегия в позитивной психологии — это концентрация не на проблемах, а на имеющихся ресурсах, т.е. на сильных, успешных сторонах обучающегося. Такой подход позволяет мобилизовать имеющиеся

ресурсы для решения проблемы. Основная установка во взаимоотношениях между обучающим и учеником — это сотрудничество.

6. Современные психологические разработки — это тренинги, направленные на решение конкретных проблем. В методиках преподавания можно использовать их приемы использования различных каналов восприятия и запоминания информации, позитивную модель взаимоотношений обучающего и ученика, создание эмоционального настроя на успех. На практике именно использование этих психологических приемов наряду с ориентацией на практическое использование языка и иного рода системностью и отличает традиционный метод от коммуникативного. Коммуникативный метод использует многие элементы интенсивных методик, дополняя их лингвистической системностью.

Зубкова Л. Г.

Типологическая неоднородность языка и принцип знака

Грамматическая мотивированность и многомерность словесных знаков в единстве их внешней и внутренней формы, складывающейся в результате знаковой символизации на нескольких уровнях, предполагают, что язык является цельносистемным образованием.

Цельносистемная организация языка не исключает его типологической неоднородности. Уже И. А. Бодуэн де Куртенэ указывал на *одновременное* применение в строении различных языков не одного, а двух или даже трех морфологических принципов, считая «совершенно праздною затеей стремиться к определению морфологического типа какого бы то ни было языкового мышления посредством одной простой формулы». Вслед за И. А. Бодуэном де Куртенэ Э. Сепир также порицает стремление лингвистов, классифицирующих языки, «к единой простой формуле». Но в сравнении с И. А. Бодуэном де Куртенэ Э. Сепир менее категоричен. Выдвинув на первый план — и совершенно справедливо — в качестве фундаментального классификационного признака природу выражаемых в языке значений, Э. Сепир выделяет еще два классификационных признака, относящихся к технике выражения. Это степень синтеза (осложненности) и степень фузирования (свободы или

связанности, спаянности сочетаемых элементов). И хотя данные признаки позволяют производить дальнейшие подразделения в основных концептуальных типах, все же, по мнению Э. Сепира, при определении общей формы языка «степенью синтезирования можно всецело пренебречь» и «даже различие между агглютинацией и фузией можно, если угодно, оставить в стороне».

Однако, характеризуя язык как систему знаков, вряд ли допустимо пренебрегать его сущностными свойствами, а значит, ролью членораздельности и категоризации в осуществлении символизации. Поскольку же категоризация языковых знаков естественно сопряжена с членением языкового целого и предполагает их формальное разграничение, постольку степень синтезирования и степень фузирования, представляющие собой частные проявления степени членораздельности, приобретают категориальную значимость и так или иначе служат выражению соответствующих семантических различий.

В языке как знаковой системе с двойным означиванием (семиотическим и семантическим) и с двумя способами категоризации (внутри слова и применительно к положению слова в предложении) необходимость в использовании разных грамматических тенденций диктуется потребностями актуализации и категоризации языковых знаков в соответствии с двумя главными текстообразующими принципами — номинации и предикации.

Очевидно, именно благодаря гармоничному взаимодействию соотнесенных друг с другом разных грамматических тенденций — аналитизма, синтетизма и полисинтетизма, с одной стороны, агглютинации и фузии, с другой стороны, — в языке вырабатывается более последовательное различение основных типов словесных знаков в соответствии со степенью их лексичности/грамматичности, конкретности/абстрактности. Иными словами, в условиях выраженной типологической неоднородности (как, например, в русском) принцип знака, понимаемый, вслед за В. фон Гумбольдтом, как согласованность между звуком и мыслью, означающим и означаемым, осуществляется с большей определенностью, и тогда отчетливее различаются: семиологические классы слов — называющие и не называющие знаки; базовые части речи, выступающие в качестве идентифицирующих и предизирующих знаков; словообразовательно немотивированные и мотивированные знаки, а также семасиоло-

гические и ономаσιологические лексико-семантические категории, связанные отношением интерпретации, которое лежит в основе асимметричного дуализма языковых знаков. Тем самым типологическая неоднородность языка служит реализации принципа знака.

В категориальном разграничении языковых знаков как по степени синтезирования, так и по степени фузирования реализуется провозглашенный Ф. де Соссюром принцип линейной протяженности означающих, естественно лимитированной объемом оперативной памяти человека. Называющие знаки в среднем протяженнее (сложнее) неназывающих, а среди называющих синтагматически более сложные мотивированные и моносемичные знаки протяженнее немотивированных непроеводных и полисемичных знаков. Действие фузионной или агглютинативной тенденции также сопряжено с линейным характером означающих. Фузионная тенденция преобладает в словах меньшей синтагматической сложности (меньшей глубины и длины), в первую очередь в немотивированных воспроизводимых словесных знаках. Агглютинативная тенденция характерна для более сложных и протяженных мотивированных знаков, особенно если они являются производимыми и образуются на высоких ступенях мотивированности.

Действенность принципа линейной протяженности в разграничении и мотивации различных типов знаков в сочетании с «принципом линейного порядка», по Э. Сепиру, в процессе их актуализации, в свою очередь, указывает на единство парадигматики и синтагматики, языка и речи в целостной системе.

Каплун М.И., Суетина Ю.Г.

Актуальные проблемы фонологии слова хауса

Звуковая форма реализации значимых единиц определяет главные черты языковой системы. Акустические средства самым тесным образом связаны с функциональными свойствами языковой системы. Чем шире наши представления о способах и правилах акустического оформления языковых значений, тем яснее становится тот факт, что набор и свойства языковых единиц, которые необходимы для реализации коммуникативной функции языка, не-

посредственно связаны с набором и средствами звуковых единиц, различаемых представителями данного социума в условиях естественного речевого общения.

С точки зрения звуковой формы, фонологическая система языка хауса представляет собой сложный механизм взаимодействия акустических средств, необходимых для осуществления реализации оппозиции «высокий-низкий» тоны, противопоставление гласных по «долготе- краткости», а также наличие, по мнению многих исследователей, «ударения».

Надо признать, что очень немногие языковые системы имеют такую богатую, разветвленную фонологическую систему, как хауса. Это в свою очередь порождает разногласия в лингвистической интерпретации рассматриваемых оппозиций. Все это обусловлено, с одной стороны, отсутствием достаточно достоверных данных о функциональных механизмах акустических характеристик сегментных и просодических средств; с другой стороны, не разработана еще общая теория просодического устройства языковых систем, в рамках которой можно было ясно и непротиворечиво вскрыть и описать акустический механизм просодий типологически близких и разных языков, учитывая как универсальные, так и специфические черты исследуемых фонологических явлений.

Особое внимание в лингвистической литературе привлекает предположение, что возможно соединение в одной языковой системе нескольких принципов просодической организации слова: например, тон и ударение.

В работе Хофманн[Хофманн 1966] о соотношении долгих и кратких гласных в хауса прямо декларируется, что «в языке хауса высокий тон не всегда приходится на тот слог, на который падает ударение». Из этой фразы понятно, что Н. Хофманн эксплицитно и имплицитно, как о некоей данности, известной всем, вполне недвусмысленно высказывается о возможности сосуществования двух просодических средств — тона и ударения — в просодической системе хауса, хотя никаких доказательств этого сосуществования не приводит.

В недрах современной акцентологической практики всё явственней просматривается тенденция строгого различения понятий «акцент» и «ударение», употребленных не как синонимы, а как обозначение двух разных феноменов. Термин «акцент» характери-

зует свойства изолированной словоформы, в то время как термин «ударение» свойства «живой» словоформы, включенной в контекст. Оба эти термина всё чаще употребляются дифференцировано. Основная функция акцента — это смысловоразличительная, характеризующая его как средство лексической и грамматической дифференциации. Анализ многочисленных работ по просодии слова хауса даёт возможность предположить, что акцент как просодическое средство не несёт смысловоразличительную функцию. Ударение выполняет другие функции — делимитативную и ритмическую. Если ограничить понятие «ударение» именно этими функциями, то такой поворот в объяснении данного феномена будет весьма продуктивен. Чем, например, можно ещё объяснить, что в форме единственного числа таких слов, как *gíga*, *gímii*, *taága*, ударение падает на 1 слог, а в форме множественного числа этих же слов, образованных суффиксацией, ударение приходится на 2-ой слог: *gígúna*, *gímáyee*, *taagóogii*. Следовательно, ударение в данном случае не несёт формообразующую функцию, как могло бы показаться, а выполняет только просодическую (ритмическую)

В нашей работе мы исходим из того, что в хауса психологической реальностью является не акцент как дифференцирующая субстанция, а ударение, которому отводится особая роль в реализации ритмических процессов, нарушение которых легко замечается носителями языка, поскольку именно такая ритмика создаёт принятый в хауса орфофонический облик слова.

Литература:

1. Hofmann Inge. Das Verhaeltnis zwischen langen und kurzen Vokalen. Afrika und Uebersee, 1966, Bd. 43.

Каспржак Н.Ю.

Домашнее чтение в курсе французского языка в высшей школе: новые потребности и возможности

Трансформация общества, которое постепенно входит в информационную стадию развития, изменение политической и социально-экономической ситуации в России, не могли не сказаться на

востребованных потребителями результатах университетского образования. Более того, в процессе интеграции России в мировое образовательное пространство, подкрепленное переходом отечественной высшей школы на двухуровневое обучение, потребовало от преподавателей и руководителей вузов, задуматься и о результатах, которые достигает выпускник бакалавриата. Это объясняется тем, что сегодня стал вполне обыденным переход студента — выпускника бакалавриата МГУ в магистратуру другого направления, университета, другой страны. При этом, академическая мобильность студента не только не осуждается, но и приветствуется руководителями отрасли и страны. Преподавательская позиция не дает мне возможности обсуждать те изменения, которые должны у нас произойти для того, чтобы наш университет стал акцептором, а вот над тем, что можно сделать для повышения конкурентной способности выпускника бакалавриата ИСАА как абитуриента западных магистратур, подумать можно. Этому и будет посвящено мое выступление.

Исходным документом, определяющим результаты образования, которых должен достичь выпускник бакалавриата, является примерная программа обучения иностранным языкам, являющаяся составной частью Федерального государственного образовательного стандарта¹. Для того, чтобы понять, в чем состоят отличия в требованиях к выпускнику бакалавриата в российском и зарубежном университете, сопоставим результаты, заявленные в этой программе, с теми, которые определены, так называемой, европейской рамкой изучения иностранного языка².

Первые отличия можно наблюдать уже в преамбуле, где даются определения коммуникативной компетентности. Если в российском варианте, коммуникативная компетентность понимается как «*умение соотносить языковые средства с конкретными сферами, ситуациями, условиями и задачами общения*³», то позиция наших западных коллег отличается существенно большей претензией к деятельностной составляющей умений выпускника бакалавриа-

¹ Примерная программа дисциплины. Обучение иностранным языкам (в вузах неязыковых специальностей). Программа составлена в соответствии с государственными образовательными стандартами высшего профессионального образования по соответствующим направлениям. Утверждена Министерством образования РФ 06 июля 2000 года (<http://www.edu.ru>).

² Смотри материалы сайта <http://www.coe.int>

³ <http://www.edu.ru>

та. Для них это «...*способность ставить и решать* определенные типы коммуникативных задач...¹». Понятно, что и в том и другом случае, владение языком, выступает как средство успешной коммуникации, но если в первом случае — студент реагирует на внешние вызовы, он объект взаимодействия, то во втором, активный участник коммуникации, то есть — ее субъект. Для того, чтобы доказать этот полу-тезис, полу-гипотезу, можно сравнить набор умений, представленных в этих документах. Так, если в нашей программе перед выпускником бакалавриата ставится задача «зрело владеть всеми видами чтения», то европейцы говорят о «свободном чтении и понимании без особых усилий любых неадаптированных текстов различных жанров». Все, вроде бы тоже, но места интеллектуальных умений, сопутствующих и порождающих осмысленное говорение, практически не присутствуют в нашем стандарте. Сравнение можно продолжить и дальше, но.... Изменить это можно, лишь меняя организацию образовательного процесса, подходы к оцениванию уровня достижений студентов. Сделать это на базовом курсе не всегда возможно из-за жестких требований, предъявляемых стандартом. Следовательно, надо найти «место» в образовательном процессе, которое позволяет работать с обнаруженными учебными дефицитами. Так мы пришли к мысли о необходимости воспользоваться домашним чтением для решения обозначенных выше проблем.

В своей работе «Французский язык как второй²», мы уже обсуждали место домашнего чтения в курсе изучения иностранного языка в вузе. Было отмечено, что «...появление такого рода учебных модулей в учебных программах курса связано, как нам кажется, прежде всего, с <...>:

1. Российская (советская) традиция предполагает <...>, что изучение иностранного языка происходит вне языковой среды. <...>

2. Необходимостью переходом от решения задачи языка вообще (классическое обучение), к адресному решению задачи повышения

¹ «Ключевые компетенции 2000. Программа» (Oxford and RSA Examinations). Приводится по Программы «Модернизация образования: перспективные разработки» (координатор программы А. Каспржак, научный руководитель группы разработчиков — К. Митрофанов).

² Каспржак Н.Ю. Французский язык как второй: учебная программа курса французского языка для студентов социально-гуманитарных направлений и специальностей — М.: Университетская книга, 2008

коммуникативной компетентности <...> освоить ее как средство общения...¹».

Новые задачи (изменение образовательного процесса, оценивание), ставят акцент именно на второй причине, что заставляет нас остановиться подробнее на способах ее разрешения.

Организация образовательного процесса.

Одним из способов постановки студента в позицию субъекта, является использование проектного подхода. Если при традиционной организации образовательного процесса учебная деятельность студента определяется преподавателем (автором учебника или программы), то «Проектирование (проектная деятельность) — <...> в гораздо меньшей степени регламентируется педагогом, т.е. в ней новые способы деятельности не приобретаются, а превращаются в средства решения практических задач...²». То есть, в идеале, на этих занятиях, студент должен пройти все циклы проектирования: от замысла (выбор произведения), до оценки полученных результатов (рефлексии относительно достигнутых результатов).

Покажем, как это можно осуществить на конкретном примере. Можно, предложить студентам написать сценарий фильма по сборнику новелл Моруа, которые мы традиционно использовали на занятиях по домашнему чтению.

В процессе работы над сценарием «...у преподавателя появляются возможности предложить студенту совершить множественный, ответственный выбор. Это может быть достигнуто, если студентам предложить, например:

- Выбрать по каким новеллам, вошедшим в сборник надо делать фильм <...> ;
- Совершить кастинг режиссера и актеров, композитора, художника <...> ;
- Составить бюджет проекта <...>, обратиться к потенциальным инвесторам <...>;
- Соотнести замысел с полученным бюджетом <...> и т.д.

Понятно, что этот перечень проблемных ситуаций, которые могут быть инициированы в ходе реализации настоящего учебного проекта (по сути — игры), можно продолжить. Важно лишь помнить, что

---

¹ Там же.

² Поливанова К.Н. Проектная деятельность школьников: пособие для учителя — М.: Просвещение, 2008

игра должна быть серьезной: идти по единым, согласованным правилам, которые едины для всех, в том числе — преподавателя...¹».

Оценивание уровня достижений студентов.

Наибольшие сложности при работе в проектной логике представляет оценивание. Это связано с тем, что подходы к этой процедуре задаются кафедрой. Проектная же логика разворачивания учебной деятельности требует введения новых форм оценивания. Это заставляет нас, оставаясь в рамках традиционного подхода к оцениванию уровня достижений студентов, произвести только два изменения.

Первое связано с тем, что критерии оценки задаются изначально и остаются неизменными в течение всего времени прохождения курса. Оцениваются лишь отчуждаемые продукты, что позволяет публично обсуждать оценку, избегая, с одной стороны, субъективизма, а с другой, превращая оценивание в составной элемент обучения.

Второй — применяется накопительная система оценивания, что делает оценочную деятельность более прозрачной для всех участников образовательного процесса. Это, как показывает практика, приводит к активизации учебной деятельности студента.

* * *

Переходя к выводам, следует отметить, что эффективность подхода пока можно доказать лишь на уровне ощущений и некоторых фактов, сделанных на не репрезентативной выборке. Можно сказать, что студенты, выпускники бакалавриата, работающие в этой логике, успешно:

- Сдают классические экзамены, показывая весьма достойные результаты;
- Учатся в магистратурах ведущих университетов Европы и т.д.
- Переносят способы работы, используемые нами на домашнем чтении, на занятия по другим аспектам.

Но, повторю, время подробного анализа результатов эксперимента еще не наступило. Могу лишь заметить, что работаем мы со студентами на домашнем чтении с интересом, удовольствием, «не просто нарушая правила», «а сознательно пересекая границы»².

¹ Каспржак Н.Ю. Французский язык как второй: учебная программа курса французского языка для студентов социально-гуманитарных направлений и специальностей — М.: Университетская книга, 2008

² Пол Грайс Herbert Paul Grice (1913 Birmingham, England — 1988 Berkeley, California) — философ

Клюкина Е.В.

Globish — отдельный язык или...

Сегодня английский — глобальный язык. На нем — хорошо или плохо — изъясняются от 500 миллионов до 1 миллиарда жителей планеты. Жан-Поль Нерьер изобрел и теперь популяризирует упрощенную форму английского «Глобиша» (Globish).

«Глобиш» нельзя сравнить с искусственными языками, типа эсперанто, т.к. эти языки были созданы специально. «Глобиш» — форма английского, инструмент для упрощения общения. Не отдельный язык, потому что язык переносит культуру, «Глобиш» — нет. Выучив «Глобиш», можно общаться в деловых или тур.поездках. Но чтобы понимать язык Шекспира или Мозма, нужно потратить гораздо больше времени и усилий.

Нерьер утверждает, что 1 500 слов достаточно для общения и передачи мысли. Так, вы не найдете слово *pièce* в словаре «Глобиша», но знающие «Глобиш», понимают, когда вы говорите «дочь моего брата или сестры». 1500 слов для словарного запаса кажется мало, но сравните: выпускникам французских школ положено знать именно столько английских слов. Как правило, они знают всего лишь 800.

«Глобиш» избегает всех культурных ссылок. Американский английский полон метафор, часто связанных с бейсболом, например. Избавившись от таких выражений, вы теряете красочные образы американской культуры, которые, однако, не помогают общению. Так что в этом смысле вы ничего не теряете. Грамматика английского языка не из легких. Потому в «Глобише» Нерьер отказался от тех времен, без которых, он считает, можно обойтись. Он призывает использовать знаки препинания и краткие предложения.

По мнению Нерьера, «Глобиш», в конце концов, должен победить настоящий английский как язык глобального общения. И если это произойдет, то для английского будет лучше. Люди, плохо знающие язык, коверкающие его произношение, по мнению Нерьера, приведут его в упадок — ведь их большинство. «Глобиш» может помочь. Нужно ясно сказать: вот 2 формы языка. Выучив одну, вы узнаете прекрасную культуру, выучив другую, овладеете искусством глобального общения.

Учителя английского считают «Глобиш» слишком примитивным для того, чтобы преподавать его в университетах. Поэтому его следующий шаг — программное обеспечение. На интернет-сайте — www.jpn-globish.com есть программа, которая выделяет в тексте слова, слишком сложные для понимания и не подходящие для «Глобиша». Программа предлагает взамен список синонимов, дает вариант документа, который поймут в 5 раз больше людей, чем на традиционном английском. Далее нужно внедрить «Глобиш» в крупные компании и гос. учреждения, занимающиеся мировыми проблемами. Так, Нерьер считает, что армия США должна пользоваться «Глобишем».

По мнению Нерьера, выучив «Глобиш», на что потребуется меньше времени, чем изучение английского, петербуржец сможет легко общаться с изучившим «Глобиш» французом. А сэкономленное время они потратят на изучение какого-то еще языка. В эпоху глобального общения очень важно говорить на нескольких языках. Тогда мир будет открыт многим культурам: он не будет моноязычным, как Америка.

Последнее утверждение Нерьера выглядит несколько утопичным — ведь лишь небольшое количество людей учит языки просто ради самого процесса. Абсолютное большинство занимается этим из каких-то практических соображений — по работе, ради общения во время путешествий и т.д. Наивно надеяться, что люди, быстро выучившие некий вариант английского, вдруг начнут учить и другие языки, совершенно им ненужные.

Популяризация Глобиша также пока выглядит сомнительной. Трудно представить, что сотни миллионов человек, изучающих английский, проникнутся идеей т.н. English-lite и поставят себе цель его выучить. Мексиканский иммигрант в Калифорнии, говорящий “I go to library yesterday” тоже, в общем-то, осуществляет коммуникацию. Слушая его, мы тоже понимаем, что это что-то вроде английского, и главное — понимаем, что он хотел сказать. Так зачем ему Глобиш? Преподаватели классического английского не горят желанием его преподавать. Так что путь Глобиша в широкие массы через университеты и школы вызывает скепсис. Если уж Глобишу и суждено стать сколько-нибудь заметным на международной языковой арене, то более вероятным выглядит движение «снизу вверх» — когда потребность желающих говорить на английском

будет достаточной, чтобы вызвать некое давление снизу на тех, кто обеспечивает предложение — т.е. преподавателей, курсы, университеты и т.д. Пока что число людей, просто знающих о Глобише, ничтожно мало. Даже из числа преподавателей далеко не каждый слышал о таком изобретении.

Хоть г-н Нерьер и утверждает, что Глобиш — не искусственный язык, это утверждение все-таки выглядит некоторым лукавством — ведь словарь Глобиша и его грамматика были кем-то искусственно ограничены и отобраны. Так что он тоже в какой-то мере продукт искусственный.

Хотя, действительно можно предположить, что Глобиш или что-то ему подобное был бы палочкой-выручалочкой для людей, которым необходимо хоть как-то владеть языком в профессиональных целях.

Кондрашевский С.А.

Особенности синтаксического оформления прилагательных в современном китайском языке

Вопрос возможности постановки дополнения в постпозиции к прилагательному в китайском языке поднимался в китайской лингвистической литературе уже с 1898 года (马氏文通). В своём труде автор выделяет два типа возможных конструкций: 1. прилагательное + предлог + косвенное дополнение; 2. прилагательное + косвенное дополнение. Таким образом, уже в конце 19 века в китайской филологии возникает проблема возможности постановки дополнения в постпозиции к прилагательному. По мнению Ма Цзяньчжуна, прилагательные китайского языка подобно глаголам могут управлять дополнениями. Вновь этот вопрос возникает в трудах другого учёного Ян Шуда в 1930 году в труде «Высшая грамматика китайского языка». Автор соглашается с мнением Ма Цзяньчжуна, выделяя сочетания прилагательного с дополнением, оформленные предлогом, и без него.

Другой китайский лингвист Ли Цзиньси 新著国语文法, рассуждая на тему китайских прилагательных, отмечает, что поскольку прилагательное в китайском языке может выступать в роли предиката и принимает такие вспомогательные грамматические компо-

ненты как 了 и 着, и таким образом приближаясь по форме к глаголу, в случае принятия прилагательным дополнения в постпозиции, оно приобретает черты, характерные именно для глагола. Профессор Ван Ли в своей работе Теоретическая грамматика китайского языка (1944) отмечает, что хотя мы и можем сказать «吃了饭», но мы также можем сказать и «红了脸», можем сказать «做着工», но можем «大着胆». В данном случае профессор Ван Ли подчёркивает, что 吃 и 做 являются глаголами, 红 и 大 — типичными качественными прилагательными, а 了 и 着 вовсе не являются в данном случае маркерами глагола. По мнению данного учёного, прилагательные, управляющие дополнением, вовсе не переставали быть прилагательными, а их способность выступать в качестве предиката основывалась именно на помощи 了 и 着. Лю Шусян, как и профессор Ван Ли, отмечает в своих работах, что в живом языке небольшая часть прилагательных может использоваться в глагольной функции, и чаще всего это происходит именно в случае оформления прилагательного дополнением «你越冷淡他, 他越舍不得你». Таким образом, в данных лексических единицах Лю Шусян видит одновременно как признаки прилагательного, так и признаки глагола.

Очевидно, что с 1898 года по 40-е года 20 века китайские лингвисты уже выделяли проблему сочетания прилагательного с дополнением, однако не проводили специальных подробных исследований в данном направлении.

По сей день вопросы о том, могут ли прилагательные китайского языка принимать после себя дополнения и какие происходят при этом с ними синтаксические изменения вызывают множество споров в научной среде. Вот несколько точек зрения, встречающихся в китайской лингвистической литературе по данному вопросу:

1. Прилагательное может принимать дополнение, оставаясь при этом прилагательным.

Так, Сюй Дэнань (1980) полагает, что среди прилагательных, выступающих в функции предиката, часть может управлять дополнением, образуя таким образом особую конструкцию. Фан Сяо (1983) высказывается ещё более определённо, категорически утверждая, что в большинстве случаев прилагательные не получают оформления дополнением, однако при некоторых условиях это всё же может произойти. В таких примерах, как 她红着脸说, он считает 红 прилагательным.

2. Одним из способов дифференцирования прилагательных и глаголов в китайском языке является тот факт, что прилагательные не могут оформляться дополнением, а глаголы могут.

Данное утверждение довольно популярно среди китайских лингвистов. Так, Чжан Чжигун (1959) утверждал, что «глаголы могут принимать дополнение, прилагательные не могут принимать дополнения». Син Фу'и (1991) считает, что прилагательные могут быть оформлены наречиями степени, и не могут оформляться дополнениями, полагая это наиболее очевидной особенностью прилагательных китайского языка. В учебнике «Современный китайский язык» (1993), выпущенном факультетом китайской филологии Пекинского государственного университета также чётко прописана норма: «как правило глаголы могут быть оформлены дополнением, прилагательные не могут быть им оформлены».

3. Прилагательные не могут быть оформлены дополнением, те прилагательные, которые оформляются дополнением, необходимо рассматривать в качестве глаголов. Таким образом, образуется особая категория, обладающая как свойствами признака, так и свойствами действия.

Так, Лю Шусян (1966) указывал на то, что за односложными прилагательными следуют именные компоненты двух типов: 1. существительные или местоимения; 2. числительные. Всё, что предшествует такому прилагательному, с грамматической точки зрения, следует считать дополнением. В своей статье Чжу Дэси (1982) указывает, что прилагательным следует считать предикат, который, помимо сочетания с грамматикализованным наречием 很, не способен управлять дополнением. При этом он пишет, что 宽大, будучи прилагательным, в современном китайском языке начинает принимать дополнение, что превращает его глагольную форму. Е Чан'инь (1990) пишет, что основными функциями прилагательного в китайском языке являются предикативность, описание качества предмета и неспособность управлять дополнением. Однако в тех случаях, когда прилагательное принимает дополнение, оно оказывается на промежуточной позиции между прилагательным и глаголом.

Безусловно, все вышеперечисленные позиции имеют своих сторонников и противников, доводы за и против. На наш взгляд такое различие основывается на разных подходах учёных к данной про-

блематике. Мы склонны согласиться с третьей точкой зрения, поскольку данным подход кажется нам наиболее аргументированным.

[1] Ма Цзяньчжун 马氏文通, «Грамматика китайского языка, составленная господином Ма», изд-во Шан'у. Пекин, 1983, стр.120-121

[2] Ян Шуда 高等国文法 «Высшая грамматика китайского языка», изд-во Шан'у. Пекин, 1984, стр.105, 160

[3] Ли Цзиньси 新著国语文法, «Новая грамматика китайского языка», изд-во Шан'у. Пекин, 1992, стр.123

[4] Ван Ли 中国语法理论 «Теория грамматики китайского языка», изд-во Чжунхуа шуцзюй, Пекин, 1954, стр.28

[5] 中国现代语法, изд-во Шан'у. Пекин, 1985, стр.159

[6] 现代汉语, «Современный китайский язык», изд-во Шан'у. Пекин, 1993, стр.282

[7] Чжу Дэси, 现代汉语语法研究 «Исследование по грамматике современного китайского языка», изд-во Шан'у. Пекин. 2001.

[8] Коротков Н.Н., Основные особенности морфологического строя китайского языка, изд-во Наука, Москва, 1968.

Порхомовский М.В.

О структуре предложения в современном турецком языке

Интерес к изучению порядка слов значительно возрос в последние десятилетия вместе с обращением лингвистов к углубленному исследованию синтаксических структур. Порядок слов предложения отражает не только логико-грамматическую связь между членами предложения, но подчиняется еще ряду неизбежных требований речи. В турецком языке порядок слов в предложении в значительной степени предопределяет синтаксические функции членов предложения, актуализирует отдельные его члены и придает стилистическую окраску предложению в целом.

Схема конструктивного (т.е. грамматического) порядка слов в турецком предложении определяется обычно так: подлежащее (П), обстоятельство времени (О_{вр}), другие обстоятельства (О), кос-

венное дополнение (D_k), прямое дополнение (D_n), сказуемое (С). В разговорной же речи, как отмечают многие исследователи, порядок слов синтаксически более свободен, т. к. здесь на порядок слов оказывают сильное влияние разговорные особенности актуального членения. В целом необходимо отметить, что в письменной речи доминирует конструктивный порядок слов и объективный порядок следования коммуникативных членов (тема предшествует реме). В спонтанной разговорной речи словоупотребление в значительной мере определяется субъективным порядком следования коммуникативных членов (рема предшествует теме).

Особый интерес для исследователя представляет структура предложения в современной турецкой прессе, где жанровые и стилевые особенности статьи или заметки существенно влияют на структуру предложения. Так, в статьях, содержащих размышления или комментарии автора, употребляется свободный порядок слов. В статьях же информационного характера преобладает конструктивный порядок слов. Распространено и такое явление как «игра» с порядком слов внутри одной и той же статьи в зависимости от прагматической задачи автора. Когда автор приводит собственные рассуждения, то используется свободный порядок слов; при введении автором в текст статьи информативной части происходит переход к конструктивному порядку слов. Тот же подход используется и в тех случаях, когда автор пересказывает официальные документы, например, текст закона, а не приводит точную цитату.

В рамках анализа структуры предложения в современном турецком языке необходимо отметить, что во всех случаях письменной фиксации разговорной речи (переписка в социальных сетях в Интернете, короткие заметки в блогах, смс-сообщения и т.п.) частотность использования свободного порядка слов заметно преобладает над использованием конструктивного порядка слов.

Румак Н.Г.

Преподавание устного (разговорного) аспекта студентам первого года обучения (японский язык)

При изучении иностранного языка, когда приходится работать с непривычными для уже сложившейся артикуляции учащихся зву-

ками, важно визуализировать работу речевого аппарата для постановки артикуляционных органов. При отсутствии или недостатке таких занятий учащимся приходится ориентироваться на собственное восприятие чуждой фонетики, что не может не привести к различным искажениям в произношении в результате бессознательного уподобления звуков иностранного языка звукам, которые знакомы учащимся (родного или другого иностранного языка).

На первом этапе обучения этой проблеме рекомендуется уделять как можно больше времени, используя визуальные пособия (изображения артикуляционных органов), теоретический лекционный материал, а также упражнения по постановке органов речи. В упражнениях целесообразно сочетать произношение изучаемых звуков и произношение уже известных звуков родного или другого иностранного языка для сравнения и выделения различий. На втором этапе необходимо уделить достаточно времени практике (при этом первый и второй этапы могут сочетаться в пределах одного занятия: после знакомства с правильной артикуляцией новый звук необходимо отработать в аудитории под контролем преподавателя).

Отдельные занятия, разумеется, не предполагают полное разделение изучения различных аспектов языка, поэтому рекомендуется сочетать отработку произношения с чтением предлагаемых в учебных пособиях текстов. Для того чтобы разнообразить виды деятельности, можно предложить студентам записывать на доске со слуха различные заимствованные слова и угадывать их значения. Также представляется целесообразным использовать аудиозаписи, сделанные носителями языка.

Немаловажным представляется изучение особенностей японской музыкальной интонации. Не акцентируя внимание учащихся на интонационном рисунке отдельных лексических единиц, необходимо уделять большое внимание правильному интонированию фраз. Для этого рекомендуется после введения теоретического материала продемонстрировать различие в интонационных моделях на схеме (озвучивая каждую схему). Затем студентам можно предложить ряд упражнений по употреблению интонационных моделей, восприятию разных моделей на слух, а также отработке произношения.

Представляется очень полезным во время прослушивания аудиозаписей произносить текст вместе с диктором, с запаздыванием

на долю секунды, так как это не позволяет учащимся фиксировать внимание на интонации, заставляя подстраиваться под произносимый текст и тем самым автоматически правильно интонировать фразы. Для контроля рекомендуется давать учащимся задание записать своё чтение на аудионоситель.

На следующем этапе можно переходить к прослушиванию тематических аудиокурсов для начинающих. Как правило, работа с аудиокурсами подразумевает выработку навыка понимания на слух речи носителей языка. Кроме того, подобные тексты, безусловно, обогащают лексику учащихся и их представление о культуре и повседневной жизни изучаемой страны.

После прослушивания аудиотекстов необходимо давать упражнения на понимание (ответы на вопросы, выбор правильного ответа из предложенных и т.п.), делать упражнения на замену лексических единиц, составлять монологи и диалоги по образцу. Также целесообразно организовывать ролевые игры с использованием изучаемых фраз в описанных и подобных ситуациях и т.п. Кроме того, при использовании подобных аудиокурсов необходимо уделять внимание отработке произношения и интонирования (чтение одновременно с диктором, запись для самоконтроля и контроля преподавателем, заучивание наизусть для декламации в аудитории и т.п.).

Необходимы также занятия такими традиционными аспектами, как чтение, перевод и пересказ текстов из учебных пособий, упражнения на обратный перевод, ответы на вопросы преподавателя, формулирование вопросов учащимися, а также беседа по изучаемым темам.

При работе с аудионосителями в аудитории даже на самых ранних этапах обучения можно предложить такой вид деятельности, как «последовательный и синхронный перевод». Для этого, предложив учащимся ещё раз прослушать уже знакомый им текст, нужно попросить перевести его сначала последовательно (останавливая запись после каждой фразы или даже дробя фразы на части), а затем — синхронно. Во время этого упражнения отрабатывается навык одновременного слушания-говорения (а также память), что должно послужить хорошим подспорьем для будущих занятий устным переводом.

В конце первого года обучения можно также использовать на занятиях аудио- и видеозаписи песен японских исполнителей, как традиционных, так и современных. Знакома учащимся с культурой страны изучаемого языка, преподаватель также даёт им возмож-

ность тренировать навык восприятия на слух звучащей речи и знакомиться с аутентичными текстами.

Румянцев М.К.

Проблема создания банка (фонотеки) нормативных интонаций по восточным и африканским языкам

В речевом человеческом общении просодически взаимодействуют две знаковые единицы: слово и фраза. Фраза создается из слов. Просодическое устройство слова в разной его типологии всегда было предметом особой заботы лингвистов. Ныне существует немалая научная литература по слову в разных языках, и обязательно **словари**, в которых фиксируется основное нормативное правило словесного просодического устройства. В языках со словесным ударением помечена его позиция, в тональных языках указан тон.

Во второй половине XX в. проявился активный интерес лингвистов и к просодии фразы, к интонации. И не только к фонологии интонации, но и правильности, нормативности ее акустического воплощения. Лингвисты вполне осознали необходимость «создания „интонационной орфоэпии“ — свода правил нормативного интонационного оформления речи»¹. Однако интонация, ее нормативный акустический образ в типологически разных языках до сего дня специально нигде не фиксируется и существует лишь виртуально, в сознании интеллигентного слоя говорящих на том или ином языке. Звуковые воплощения нормативных интонаций можно извлечь из случайно сохранившихся записей стихов и прозы, начитанных мастерами художественного слова, сохранившихся записей спектаклей, других источников — в частности, из записей речи приглашенных носителей языка. Но все это научную и учебную проблему современного понимания интонации решить не может. Назрела необходимость создания специальных банков (фонотек) по разным языкам, в том числе восточным и африканским, в которых будут представлены научно комментированные звуковые воплощения образцовых (эталонных) интонаций каждого данного языка. Такие банки-хранилища эталонных интонаций будут надежным источником для сов-

¹ Светозарова Н.Д. Интонационная система русского языка. Л., 1982, с.8.

ременной лингвистической науки и для науки будущей, а также для практики обучения не тому, как говорят, а тому, как надо говорить.

Началу дикторских записей таких интонаций должен предшествовать этап профессиональной подготовки текстов и контекстов, которые должны быть озвучены дикторами самой высокой квалификации. На этом этапе подготавливаемый материал каждого языка должен быть развернут так, чтобы максимально была обеспечена самая трудная составляющая интонации — ее специфическая часть, ибо интонация не может быть нормативной, не будучи принадлежащей данному языку. А специфика интонации в каждом языке почти всецело задается просодическим устройством слова данного языка. Именно просодия слова приемлет и по-своему модифицирует универсальные признаки интонации — коммуникативные, модальные, эмоциональные, стилистические. Китайские, например, слова в разных тонах (в высоком ровном, круто восходящем, нисходяще-восходящем, резко падающем), приемля универсальные коммуникативные признаки интонации, преобразуют эти признаки на китайский лад: универсальные интонации звучат по-китайски. Поэтому весь материал должен быть нацелен на демонстрацию интонации как явления парадоксального — универсального и одновременно уникального.

Интонации любого языка представлены, как известно, многочисленными вариантами интонаций основных коммуникативных типов — утверждений, вопросов, побуждений. Для разных целей из всего многообразия типов и видов интонаций лингвисты выделяют разные их наборы. Так, для целей преподавания русского языка иностранцам Е.А.Брызгунова выделяет в русском языке всего пять, а затем семь интонационных конструкций. Цель предлагаемой фонотеки (банка) — собрание и демонстрация звуковых воплощений образцовых интонаций для возможно большего количества типичных речевых контекстов. Для этой цели необходим другой подход к выделению интонационных вариантов и возможно больший их набор. Сколько типов и видов (вариантов) интонаций должно храниться в банке, сказать нельзя, — никто таких хранилищ еще не создавал. Но основные принципы выбора интонаций в первом приближении сформулировать можно. Прежде всего, это разные виды интонаций основных коммуникативных типов в синтаксически разных контекстах и на материале разного синтаксиса: однословные фразы, фразы с разными предикатами — двусловные и трехсловные, синтаксичес-

ки развернутые построения разной структуры, в том числе сложные. Обязательна разметка синтагматических и фразовых ударений, паузации, логических интонационных выделений, создающих разное актуальное членение звучащего текста. Другими словами, желателен такой набор типичных интонаций, который бы наиболее полно отражал всю интонационную палитру современной речи.

Начинать создавать хранилище интонаций надо с полного, выразительного стиля речи. Этот стиль будет отправным для всех дальнейших переходов к другим стилям, в том числе и к разговорно-бытовому.

Создание банков интонаций на материале восточных и африканских языков неизбежно столкнется с разной степенью литературной отработанности языков, т.е. в каких-то языках интонации литературные (интеллигентные) и не литературные не будут так отличаться, как, например, в русском языке. Но это науку смущать не может: в банке будет отражено то состояние языка, его интонационных средств, которое существует в настоящее время. Пройдет 50-100 лет, это состояние может измениться. Но у лингвистов-наших потомков будет материал нашего времени, с которым они могут сравнить то, что они будут наблюдать в свое время.

Софронов М.В.

Семантика и синтаксис принадлежности в современном китайском языке

В современном китайском языке семантико-грамматическую категорию неотчуждаемой принадлежности образуют имена существительные двух типов. Они различаются не только по типу значения, но также и по синтаксическим свойствам, которые проявляются в составе разных синтаксических конструкций.

1. Личная принадлежность

В категорию личной принадлежности входят имена существительные, обозначающие человека, и названия общественных структур, где человек выступает как их составная часть. В грамматике современного китайского языка этот вид принадлежности отражается в притяжательной атрибутивной конструкции, где определение, обозначающее субъект притяжания, может быть выражено личным местоимением

или именем собственным, идентифицирующим личность. Определяемое, выраженное именем существительным, обозначает его объект.

Частную лексико-грамматическую категорию личной неотчуждаемой принадлежности образуют термины родства. В эту категорию входят также названия производственных, административных и иных учреждений, частью которых состоит личность: 家 *цзя* 'дом', 'семья', 国 *го* 'государство' 军 *цзюнь* 'армия', 教 *цзяо* 'религия' и существительные, обозначающие личное окружение человека. В отличие от остальных имен существительных притяжательные определения при словах этой категории не требуют обязательного оформления суффиксом 的 *-дэ*.

При односложных терминах родства притяжательные местоимения не оформляются суффиксом *-дэ*: 我爹 *во де* 'мой отец', 他哥 *та гэ* 'его брат'. По соображениям ритма, связанным с размером определяемого, такое оформление преобладает при двусложных терминах родства и названиях общественных структур: 我家 *во цзя*, но при двусложном синониме определяемого 我的家庭 *водэ цзятин* 'моя семья'. Иерархия семейных отношений переносится на отношения общественные и производственные. По образцу семейной организации строятся отношения в производственных единицах, что находит соответствие в оформлении определения: 他学生 *та сюэшэн*, реже 他的学生 *тадэ сюэшэн* «его ученик», 他们老板 *тамэнь лаобань* «их начальник», 我秘书 *во мишу* «мой секретарь».

При названиях производственных единиц и общественных учреждений притяжательное местоимение обычно выступает во множественном числе: 我们学校 *вомэнь сюэсяо* «наша школа», 他们公司 *тамэнь гунсы*, реже 他们的公司 *тамэньдэ гунсы* «их компания».

Особым видом объектов притяжания являются двусложные локативы, обозначающие личное пространство говорящего лица. Притяжательное местоимение в таких случаях обычно не оформляется суффиксом *-дэ*.

Притяжательное определение, выраженное именем собственным, обычно выступает без суффикса *-дэ*: 娜拉妈妈 *Нала мама* «Налина мама», наряду с выделенной формой 娜拉的妈妈 *Наладэ мама* «мама Налы».

2. Неличная принадлежность

В классе неличного притяжания человек и неодушевленные объекты рассматриваются как совокупность отдельных частей, образу-

ющих единство. Определение к такому существительному, обозначает субъект притяжания, выраженный именем существительным со значением живого существа, — человека, животного, растения — или предмета, обладающего явно различимыми частями.

К нему относятся существительные, обозначающие части тела человека и животных, и растений: 头 *тоу* ‘голова’, 肚子 *дуцзы* ‘живот’, 鼻子 *бицзы* ‘нос’, 叶子 *ецзы* ‘листья’, 枝子 *чжицзы* ‘ветви’ и т. п., а также существительные, обозначающие различного рода абстрактные понятия, обозначающие свойства человека или предмета: 劲 *цзинь* ‘сила’, энергия’, 味 *вэй* ‘вкус’, 度量 *дулян* ‘вместимость’.

В атрибутивной конструкции слова категории неличной принадлежности, как и обычные имена существительные, имеют притяжательное определение с суффиксом -дэ: 我的手 *водэ шоу* «моя рука» и 他的头 «его голова» при невозможности определительной конструкции 我手 *во шоу* «моя рука» без суффикса -дэ в качестве отдельного высказывания.

Грамматические особенности существительных неличной принадлежности находят свое отражение в структуре предложения. Группа сказуемого в предложениях с именами этой категории выражена словосочетанием, которое состоит из существительного категории неличной принадлежности и предиката, выраженного прилагательным: 这个木匠手巧 *чжэжэ муцзян шоуцяо* ‘у этого плотника руки искусны’ — ‘он искусный плотник’, 象鼻子长 *сян бицзы чан* ‘у слона хобот длинный’, 这个药劲头不小 *чжэжэ яо цзиньтоу бу сяо* ‘у этого лекарства сила не мала, это сильнодействующее лекарство’ и т. п. Большинство словосочетаний рассмотренного типа представляют собой фразеологические единицы с метафорической семантикой: та 脸皮字薄 *ляньпицзы бао* ‘он застенчив’, букв. ‘у него кожа лица тонкая’, 你耳朵软 *ни эрдо жуань* ‘вы легковерны’, букв. ‘у вас уши мягкие’, 他胆子大 *та даньцзы да* ‘он храбр’, букв. ‘у него печень велика’ и т. п..

Существительные класса неотчуждаемой принадлежности с определениями, выраженными прилагательными или числительными, могут самостоятельно, без помощи связки *ши* или глагола *ю* ‘иметься’, выражать сказуемое: 拿个人红头发 *Нэжэ жэнь хун тоуфа* ‘У этого человека рыжие волосы’, 这盏桌子三条腿 *Чжэчжан чжоцзы саньтяо туй* ‘У этого стола три ножки’; 他二十五岁 *Та эршы-у суй* ‘Ему двадцать пять лет’. Связка здесь возможна, но

в составе предметного сказуемого она выделяет или качественный, или количественный смысл предложения в целом.

В тех случаях, когда сказуемое выражено числительно-предметным словосочетанием, предложение может содержать глагол 有ю 'иметься', который в таких случаях вносит в предложение значение примерного, приблизительного счета.

Самостоятельная предикативность словосочетаний рассматриваемого здесь типа имеет общую причину с синтаксической особенностью существительных класса личной принадлежности. Она состоит в характере связи имени и его предикативной функции. Независимо от того, выступает оно в качестве определения к имени или в качестве именного предиката, для грамматики китайского языка существенное значение имеет характер обозначаемого им признака: является он естественным, т. е. присущим имени или приписанным ему в определенном контексте. Семантика естественности признака выражается средствами порядка слов. Семантика приписанного признака существительного категории личной принадлежности выражается суффиксом -де при определении и отсутствием связки или глагола ю иметь при именном сказуемом, выраженным существительными этой категории.

Фролова М.П.

Заметки об употреблении апострофа в современном английском языке

Задуматься о том, что не всё в порядке с употреблением пунктуации, особенно, апострофа в современном английском языке нас заставляют неграмотные объявления, наподобие: **No dog's** (искаженное от **No dogs** — *Вход с собаками запрещен*) или **BOB,S PETS** (искаженное от **BOB'S PETS** — *Питомцы Боба*). Название фильма **Two Weeks Notice**¹ без всяких признаков апострофа вызывает желание достать красную ручку и исправить эту ошибку. Когда же в газете мы читаем **Media says it was quite a phenomena...** (хотя **media** и **phenomena** являются существительными во множественном числе), возникает вопрос: чем же объясняется такая безграмотность?

¹ Искраженное от Two Weeks' Notice — «Уведомление за две недели». В российском прокате фильм шёл под названием «Любовь с уведомлением».

Замечательная книга Линн Трасс **Eats, Shoots & Leaves**, переведенная на русский Натальей Шаховой «Казнить нельзя помиловать. Бескомпромиссный подход к пунктуации», помогает найти ответ на этот вопрос.

Сначала о названии книги: **eats, shoots and leaves** (ест, стреляет и уходит). В его основе лежит следующая шутка: в кафе заходит панда, съедает бутерброд и, пальнув в потолок, направляется к выходу. «В чем дело?» — возмущается официант. Панда швыряет через плечо энциклопедию и уходит со словами: «Там всё написано». Из-за ошибочно вставленной запятой статья в энциклопедии гласит: «Панда — крупное черно-белое млекопитающее, похожее на медведя; распространено в Китае. Ест, стреляет и уходит». На самом деле составители энциклопедии хотели сообщить, что панда питается побегами и листьями — **eats shoots and leaves**.

Перевод названия позволил сохранить игру слов: как выполнить приказ «Казнить нельзя помиловать», если неизвестно, где стоит запятая?

Подзаголовок «Бескомпромиссный подход к пунктуации» сразу определяет позицию автора: пунктуацию нужно защищать, без неё нет надежного способа передать смысл.

Почему правилами пунктуации пренебрегают, хотя они способны предотвратить путаницу? Линн Трасс винит во всем педагогическую практику последнего времени. До 1960-го года пунктуация входила в программу британских школ. На экзамене в обычной школе ребёнку предлагалось расставить знаки препинания в следующей головоломке: **Charles the First walked and talked half an hour after his head was cut off**

(ответ: **Charles the First walked and talked. Half an hour after, his head was cut off¹**). Однако, более четверти века пунктуация и вообще грамматика английского языка в большинстве школ просто не преподавались. И хотя на выпускных экзаменах ежегодно отмечали низкий уровень письменного английского, ничего не менялось. Сегодня, правда, общенациональная образовательная программа снова предусматривает обучение детей расстановке запятых. Но в «темные века» британской образовательной системы учителя полагали, что грамматика и орфография мешают самовы-

¹ Карл I пребывал в добром здравии. Спустя полчаса ему отрубили голову.

ражению. В те годы ни один деятель образования и вообразить не мог, к какому взрыву письменного общения приведут персональный компьютер, Интернет и мобильный телефон. А теперь все, кого никогда не учили правилам родного языка, стали писателями!

Чем грозит отказ от знаков препинания? Как относиться к этому явлению? Линн Трасс считает, что к пунктуации можно с успехом применять как дескриптивный, так и нормативный подход. Лингвист дескриптивного склада наблюдает, как меняется язык, отмечает и анализирует эти перемены. Если он видит, что апостроф начинает появляться при образовании множественного числа (**book's**), то для него это знак того, что никто больше не имеет представления о правилах употребления апострофа, что этот знак устарел и скоро окончательно исчезнет. Это совершенно здравый и разумный подход, но от него веет холодом. А вот ярые сторонники нормативной грамматики, напротив, будут доказывать, что это безграмотность и невежество.

В книге «Не пропусти остановку» (1939) — признанный классик жанра — Г.В. Корн отмечает, что расставляя знаки препинания, нужно «на две трети руководствоваться правилами, а на одну треть — собственным вкусом». Сама же Л.Трасс придерживается простого правила: в одних вопросах пунктуации отличить верное от неверного предельно просто, в других — надо следовать своему чувству языка и здравому смыслу. «Мне нужно — с помощью знаков препинания — обеспечить максимум ясности, поэтому я прежде всего хочу видеть апострофы на нужных местах, и не прекратит борьбу мой дух, ... пока все до единого не осознают разницу между **its** и **it's**... Говорят, что в некоторых государственных учреждениях чиновникам дано прагматичное указание — опускать апострофы, потому что никто больше не умеет ими пользоваться. С прагматизмом такого рода мы, говоря словами Уинстона Черчилля, «мириться не можем».

Итак, нас призывают действовать.

Халютина М.Е.

The Great Bell — Big Ben

Officially, the Clock Tower's bell is called the Great Bell though it is better known by the name 'Big Ben'.

There are two theories for this name's origin. These are that the Great Bell was:

- named after Sir Benjamin Hall, First Commissioner for Works 1855-1858, whose name is inscribed on the bell
- named after Ben Caunt, a champion heavyweight boxer of the 1850s

The first theory is thought to be the most likely.

The name 'Big Ben' is often associated with the Clock Tower and the Great Clock as well as the Great Bell. It was to the Great Bell that the name originally was given.

Making the Great Bell

Warners of Norton near Stockton-on-Tees cast the new bell in August 1856. It was transported by rail and sea to London. On arrival at the Port of London, it was placed on a carriage and pulled across Westminster Bridge by 16 white horses.

The bell was hung in New Palace Yard. It was tested each day until 17 October 1857 when a 1.2m crack appeared. No-one would accept the blame. Theories included the composition of the bell's metal or its dimensions. Warners blamed Denison for insisting on increasing the hammer's weight from 355kg to 660kg.

Warners asked too high a price to break up and recast the bell so George Mears at the Whitechapel Foundry was appointed. The second bell was cast on 10 April 1858.

This bell was 2.5 tonnes lighter than the first. Its dimensions meant it was too large to fit up the Clock Tower's shaft vertically so Big Ben was turned on its side and winched up. It took 30 hours to winch the bell to the belfry in October 1858. The four quarter bells, which chime on the quarter hour, were already in place.

Big Ben rang out on 11 July 1859 but its success was short-lived. In September 1859, the new bell also cracked and Big Ben was silent for four years. During this time, the hour was struck on the fourth quarter bell.

Fixing the Great Bell

In 1863, a solution was found to Big Ben's silence by Sir George Airy, the Astronomer Royal.

- Big Ben was turned by a quarter turn so the hammer struck a different spot
- the hammer was replaced by a lighter version

• a small square was cut into the bell to prevent the crack from spreading

The total cost of making the clock and bells and installing them in the Clock Tower reached £22,000.

Apart from occasional stoppages Big Ben has struck ever since.

Forged in Houghton-le-Spring

Once an hour, every hour, a little piece of Houghton apparently rings in the passing of time in London, for the tongue (clapper) of the famous Big Ben bell in Westminster clock tower was forged in an ironworks in the centre of Houghton-le-Spring.

The Westminster Clock Tower started keeping time accurately on May 31st 1859, following a construction period that was five years behind schedule. John Warner & sons cast the Great Bell on August 6th 1856 at their foundry in Stockton-on-Tees and it was transported by rail and sea to London.

The bell was tested for an extensive period, however a crack appeared on October 17th 1857. Warners placed the blame on the weight of the hammer and a lighter replacement bell was cast at the Whitechapel Foundry on April 10th 1858 and it was winched into place alongside the four quarter bells in October of the same year.

Unfortunately the new bell did not last long, and in September 1859 it cracked and was silent for four years.

In 1863, Sir George Airy, the Astronomer Royal, found a solution, which saw the bell being rotated by a quarter turn and a new, lighter hammer cast.

“The largest bell in Gt. Britain is «Great Paul» in St. Paul’s Cathedral, cast in 1881, and weighing about 18 tons; but the most famous bell we have is probably «Big Ben» at Westminster.

There have been two musical giants of this name, and they have both been unfortunate, as within a year after being hung they were both found to be cracked. The first Big Ben was cast by Messrs. Warner, Houghton-le-Spring, Durham, from a bronze composed of 22 parts of copper and 7 parts of tin. Its diameter was 9 ft. 5 1/4 in., while its height was 7 ft. 10 1/2 in. ; it weighed 15 tons 8 cwt., and the clapper 12 cwt. About a year after it was hung it was discovered to be cracked, so it was broken up, and Messrs. Hears, of Whitechapel, cast another from the same metal, but about 2 tons lighter; the hammer also was much lighter about 6 cwt. In a short time this bell was also found to be cracked, but

the fault was remedied by filing the crack open, and in this condition Big Ben continues to mark time with no uncertain sound its note is E natural.”

Links

1. Wikipedia article en.wikipedia.org/wiki/Big_Ben
2. Whitechapel Bell Foundry www.whitechapelbellfoundry.co.uk/bigben.htm
3. Official Big Ben website www.bigben.parliament.uk
4. Parliament’s Flickr photostream www.flickr.com/photos/uk_parliament

Щека Ю. В.

Функциональный метод и изучение уступительности в тюркских языках

Целью данной работы является критика функционального метода на конкретном примере рассмотрения тюркских уступительных конструкций в статье И. А. Невской¹. Сразу подчеркнем, что И. А. Невская справедливо реализует свое право выбора тех или иных общих теорий и мастерски применяет их к тюркскому языковому материалу. В этой связи ее статья заслуживает всяческих похвал. Другое дело, что сами исходные положения (функциональный подход) нуждаются в серьезной критике, что, однако, повторим, никак не умаляет ценности цитируемой статьи, достаточно объективно и глубоко раскрывающей истинную суть функционального метода.

Одной из особенностей функционального метода представляется кажущаяся простота: «Уступительно-противительные отношения ... относятся к группе межситуационных». Однако это неверно, т. к. уступительность может характеризовать полипредикативные или сложные предложения, но никак не ситуации. Так, словосочетание «две противоречивые ситуации» или, с другой стороны, два пространственных текста, например, о Гайдаре-деде и Гайдаре-внуке

¹ И. А. Невская. Уступительные и противительные конструкции в тюркских языках Сибири // Российская тюркология. № 2, М. 2010, с. 17

описывают противоречивые ситуации, но никакой уступительности в них нет. Автор пишет: «Уступка — это отношение, обратное причинному: уступительная ситуация, в отличие от причинной, порождает антиследствие». Во всех случаях это внеязыковое и квазилогическое утверждение также несостоятельно, т. к. уступка («уступительная ситуация»), например, работодателей по отношению к рабочим, никакого отношения к «причине» или «антиследствию» не имеет (тем более, никто не знает, что псевдонаучный жаргонизм «антиследствие» означает). Языковые же уступительные конструкции также имеют весьма сомнительное отношение к причинам и «антиследствиям». Так, если чей-то приход несколько раз совпал со звоном в левом ухе говорящего, то фраза «Хотя он пришел, я не слышу звона в ушах» никакого причинного или «антиследственного» значения не имеет. Или: «Хотя шел дождь, он должен был бы выйти на улицу» — но ведь не вышел, и его сидение дома является не «антиследствием», а полной гармонией с дождем на улице. Значение языковой конструкции может соотноситься с ситуацией лишь условно. На самом же деле это сущности совершенно разноплановые (поэтому, например, выражение «семантические типы уступительных отношений» относится к однозначной логике и реальной жизни, но вовсе не к языку). Поэтому функциональный метод постоянно приводит к ошибочным обобщениям. Так, как пишет автор, «в условно-уступительных конструкциях речь идет о ... нефактических ситуациях», что неверно (даже если он и не пришел).

Функциональный метод объявляет себя «исследованием от значения». Но именно этим, наряду с изучением значений форм, как раз и занимается традиционное языкознание (оно, ведь, например, учит переводу как с языка, так и на язык). При этом языкознание делает это единственно разумным, оптимальным способом, ориентируясь на конкретные языковые категории. За функциональным же «исследованием от значения», на самом деле, как представляется, кроется фикция, которая, витая где-то над языкознанием (ср. выше вместо полипредикативности некие «ситуации») и под логикой («уступки» и «антиследствия»), не принадлежит ни тому, ни другому, оставаясь, так сказать, недоразумением, лишь кажущимся «простым» (ср. выше).

Функциональный метод приводит не только к семантической путанице, но и к хаосу в рассмотрении грамматических форм и ка-

тегорий. Даваемая автором семантическая классификация тувинских уступительных конструкций в условной форме в сочетании с частицей 'даа' оказывается относящейся не к собственно уступительным конструкциям, а к системе условных форм, т. е. к другой категории. Недопустимость подобных смешений можно пояснить тем, что мы ввели бы типологию, например, местного падежа в виде: местного собственного, местного нарицательного, местного одушевленного, местного абстрактного и т. д. (т. е. подменили бы классификацию форм падежа классификацией имен существительных). Условная форма с частицей 'даа' (или ее эквивалентами) выражает в тюркских языках просто уступительность. Реальное же значение «Чаъс чагза даа» 'Если идет дождь', гипотетическое значение «Чаъс чап келир-даа болза» 'Если бы (завтра) пошел дождь', ирреальное значение «Чаъс чап турган-даа болза» 'Даже если бы шел дождь' и пр. передает соответствующая форма глагола, присоединяющая условный аффикс. Не существует — как грамматической категории — и уступительных конструкций «генерализированных» и «негенерализированных», поскольку эти оттенки значений далеко не ограничены формами уступительности, но характеризуют также значение множества других разнообразных форм. По той же причине не существует — как признака именно данной категории — и уступительных «итеративных» конструкций («каждый человек знает, но не скажет»), в сопоставлении с которыми упоминаются так называемые «экспрессивные» конструкции, которые на самом деле вовсе не являются уступительными вообще. Условная форма с вопросительным местоимением является разговорной конструкцией различных других экспрессивных значений, не являющихся собственно уступительными: «кого бы Петров ни спрашивал» (= все, кого Петров спрашивал), «как бы ты ни спешил» (= даже в спешке) и пр.

Функциональная грамматика (как и ряд других современных направлений) относит себя к лингвистике, но ориентируется не на языковое значение, а на однозначную действительность, логику, представляя серьезную опасность для языкознания, его специфики и научного аппарата (ср. мое сообщение в разделе экологии в данном сборнике).

Литературоведение

Акимушкина Е. О.

Эволюция жанра *шахрашуб* в персоязычной поэзии XI — XII вв.

Настоящий доклад посвящен выявлению основных этапов эволюции жанра *шахрашуб* (в пер. с перс. “городской смутьян; нарушитель спокойствия в городе”) в персоязычной поэзии указанного периода. Материалом для сообщения послужили циклы стихотворений в этом жанре, принадлежащие двум поэтам газневидского круга — Масуду Саду Салману (1046 — 1121) и Санаи Газневи (ок. 1048 — 1126), а также представительнице закавказской поэтической школы Мехсити (XII в.) (общий объем их творчества в жанре *шахрашуб* составляет около 1000 бейтов). В произведениях, написанных в этом жанре, как правило, восхваляется красота юношей, представителей различных профессий, характерных для средневекового персидского города.

Несмотря на свою распространенность в персидской поэзии, этот жанр сравнительно мало исследован как в отечественной, так и в зарубежной иранистике. Он упоминается в фундаментальных трудах по истории персидской литературы (например, у А.Е. Крымского, Е.Э. Бертельса, Я. Рипки, И. Йар-Шатера), а также рассматривается в работах, посвященных творчеству отдельных авторов (например, Мехсити), однако монографические исследования его генезиса и эволюции в иранистическом литературоведении пока отсутствуют.

Учитывая объем проанализированного на данный момент материала, можно выделить два этапа в развитии жанра *шахрашуб* на протяжении указанного периода: втор. пол. XI — перв. четв. XII века (творчество Масуда Сада и Санаи) и вт. пол. XII в. (творчество Мехсити). Рассматривая эволюцию данного жанра, можно констатировать сужение набора жанровых форм, в которых представлены мотивы *шахрашуб*. Так, если Масуд Сад в этом жанре создавал кыта, газели и рубаи (преобладают кыта 80%, газели составляют 15 %, рубаи — 5%), у Санаи мотивы *шахрашуб* встречаются уже в двух жанровых формах — газели и кыта (насчитывается значительно меньше таких произведений — всего 8 против 92 у Масуда Сада; 4 газели и 4 кыта), то Мехсити в данном жанре писала только рубаи (52). При этом все кыта Санаи и значительная часть кыта Масуда Сада (35%) имеют объем в два бейта и обнаруживают сходство в композиции с рубаи, что заставляет сделать предположение о закреплении за данными мотивами жанровой формы рубаи (по крайней мере, к середине XII в.). Изменение числа произведений в жанре *шахрашуб* неизбежно повлекло за собой и колебания в количестве упоминаемых профессий: примерно 40 профессий (занятий) у Масуда Сада, 5 — у Санаи, 21 — у Мехсити. В творчестве Санаи, и особенно Мехсити, наблюдается тенденция к циклизации стихов внутри раздела *Шахрашуб*: представителю одной и той же профессии посвящено несколько стихотворений, идущих подряд в Диване.

В произведениях вышеупомянутых поэтов прослеживаются общие типы композиции, общие принципы оформления зачина и концовки произведения, преобладание повествовательности над описательностью, доминирование логической связи между бейтами на фоне постепенного роста числа произведений с логико-ассоциативной связью.

На протяжении указанного периода прослеживается кристаллизация тематики жанра *шахрашуб*. Цикл стихов Масуда Сада в этом жанре представляет собой не только и не столько восхваление красоты представителей различных профессий, каждый из которых является объектом нежных чувств лирического героя, сколько своеобразное описание панорамы жизни города через описание его жителей — их внешности, ремесла, времяпрепровождения (например, у Масуда Сада есть кыта о друге, отправившемся в хаджж,

о красавце с золотым поясом). Между тем, как произведения Санаи и Мехсити в этом жанре посвящены исключительно представителям различных профессий. Если в рамках цикла произведений Масуда Сада в жанре шахрашуб представлена светская лирика, то с произведениями Санаи в данном жанре ситуация обстоит иначе: его газели имеют четко выраженный суфийский характер, а в кыта суфийский подтекст практически себя не проявляет. Кроме того, если в большинстве произведений Масуда Сада преобладают любовные мотивы, но есть и стихотворения, в которых доминируют мотивы описания (*ваcdf*) и мотивы философско-аскетической лирики (*зухдиййат*), то во всех произведениях Санаи в данном жанре преобладают любовные мотивы. В стихах Мехсити, как и у Масуда Сада, господствуют любовные мотивы, но она даже расширяет палитру мотивов, которые могут доминировать в произведениях данного жанра, добавляя к вышеперечисленным мотивы осмеяния (*хаджв*). В этой связи, следует отметить, что лексика в стихах Мехсити гораздо менее рафинированная, чем в произведениях Масуда Сада и Санаи: встречаются вульгаризмы и двусмысленности не вполне пристойного содержания. Видимо, Мехсити использовала в качестве источника мотивов не только жанры придворной поэзии, но и городской фольклор.

Жанр *шахрашуб*, как и жанры тюремной (*хабсиййат*) и чужбинной (*гарибиййат*) лирики, является жанром производным, формируется, главным образом, на базе любовной поэзии, куда переносятся мотивы пиршественной (*хамриййат*), панегирической (*мадх*), хулительной (*хаджв*) и охотничьей (*тардиййат*) поэзии, мотивы дорожных жалоб, философско-аскетической лирики (*зухдиййат*) и т.д.

Акинина О.Г.

О синонимии и омонимии в «Книге» Сибавайхи

1. Проблема синонимии и омонимии в литературном арабском языке (далее — ЛАЯ) рассматривалась уже в первой дошедшей до нас грамматике классического арабского языка — «Книге» Сибавайхи — басрийского грамматиста 2-й половины VIII в. Упомянутый трактат дает систематическое изложение норм ЛАЯ и отража-

ет концепцию и результаты исследований предыдущих поколений филологов. Сибавайхи придавал теме синонимии и омонимии большое значение, о чем свидетельствует хотя бы тот факт, что она рассматривается в рамках вводного раздела «Книги» среди шести других ключевых тем.

2. Синонимия и омонимия освещаются Сибавайхи в IV главе «Книги»¹. Это глава о слове и выражаемых им значениях (al-lafz li-l-ma‘ānī). Грамматист выделяет в речи арабов такие явления, как: различие двух слов (ikhtilāfu-l-lafzaini), выражающих различные значения (li-khtilāfi-l-ma‘naуauni), например, «сел» и «пошел» (jalasa wa dhahaba); различие двух слов, а значение — одно (ikhtilāfu-l-lafzaini wa l-ma‘nā wāḥid), например, «пошел» и «ушел» (пустился в путь) (dhahaba wa-ṅalaqa); совпадение форм двух слов (ittifāqu-l-lafzayni) при различии двух значений (li-khtilāfi-l-ma‘naуauni), например, «Я рассердился на него» (wajadtu ‘alayhi) (значение глагола происходит от слова al-mawjida «чувство гнева; враждебное чувство, злоба, ненависть») и «Я нашел (обнаружил)» (wajadtu), если выражается значение «обнаружения потерянного» (wijdāna-d-ḡāllati).

3. Представляет интерес сопоставление подходов арабских языковедов и европейских лингвистов к рассматриваемой проблеме. Что касается синонимии, то это явление является характерным для языков разных типов. Оно заключается в полном или частичном совпадении значений языковых единиц. (Ср. у Сибавайхи: «различие двух слов, выражающих одно значение (ikhtilāfu-l-lafzaini wa l-ma‘nā wāḥid)»). Синонимы рассматриваются в общем языкознании как «слова одной и той же части речи (а также, в более широком понимании, фразеологизмы, морфемы, синтаксические конструкции), имеющие полностью или частично совпадающие значения»². В качестве единицы смыслового сопоставления лексических синонимов выступает элементарное значение слова, его лексико-семантический вариант. Наиболее представительной и функционально разнообразной в языке является лексическая синонимия.

4. В различных языках важнейшими семантическими функциями синонимов является замещение и уточнение. «Замещение на-

¹ Абу Бишр ‘Амр Сибавайхи. Китаб. Т. 1-2. Каир [Булак], 1938 — 1940. Т.1, с. 7-8.

² Л.А.Новиков. Синонимы. Лингвистический энциклопедический словарь. — М., 1990, с. 447.

блюдается чаще всего в следующих друг за другом частях текста и состоит во взаимной замене семантически адекватных единиц, что позволяет избежать однообразного повторения одних и тех же слов»¹. На эту функцию указывал и Сибавайхи, приводя в «Книге» пример «пошел» и «ушел» (пустился в путь) (dhahaba wa-nt̄ alaqa). Что касается уточнения, то оно состоит в раскрытии свойств и различных характерных признаков обозначаемых предметов и явлений действительности, которые в силу своей многосторонности не «покрываются» одним словом.

5. Омонимия рассматривается в общем языкознании как «звуковое совпадение различных языковых единиц, значения которых не связаны друг с другом»². Здесь наблюдается очевидное совпадение с точкой зрения Сибавайхи, указывающего на «совпадение форм двух слов (ittifāqu-l-lafẓaynī), выражающих разные значения (li-khtilāfi-l-ma‘nayaunī)». Лексические омонимы, по определению европейских языковедов, — это «одинаково звучащие слова, не имеющие общих элементов смысла (сем) и не связанные ассоциативно»³.

6. Возникновение омонимов в разных языках вызвано различными причинами. В результате исторических языковых изменений может произойти совпадение ранее различных по звучанию слов, например, рус. «лук» (растение) и «лук» (для стрельбы). Наиболее продуктивным и исторически наиболее сложным фактором появления омонимии является разрыв первоначально единой семантики многозначного слова. Здесь, как нам представляется, будет уместно провести параллели с ЛАЯ, где, например, глагол wajada одновременно может выражать два противоположных значения — «находить» и «сердиться» (см. Сибавайхи). Сложность этого фактора заключается в том, что расхождение значений, т.е. утрата ими общих семантических элементов, обычно осуществляется постепенно и определенные трудности вызывает разграничение полисемии и омонимии. Кроме того, не во всех случаях удается установить происхождение слова, а также разграничить значения, связанные одно с другим, и значения, которые, хотя и выражены одинаковой звуковой формой, в семантическом плане не имеют ничего общего.

¹ Л.А.Новиков. Синонимия. (Там же, с.446)

² Д.Н.Шмелев. Омонимия. (Там же, с. 344)

³ Там же, с. 345.

7. Проблема синонимии и омонимии затрагивается и получает более подробное освещение как в других главах «Книги» Сибавайхи, так и в трудах арабских грамматистов в более поздние периоды.

Оганова Е.А.

Женская линия в современной турецкой драматургии

Зарождение турецкой авторской драматургии связывается с появлением в 1860 г. комедии Ибрагима Шинаси «**Женитьба поэта**». По имеющимся у нас данным, женская драматургия зародилась в Турции также во второй половине XIX в. — первой женщиной-драматургом была некая Рухсар, т.е. женщины выступили на драматургическом поприще примерно в одно время с мужчинами, однако, насколько можно судить по откликам, первая пьеса, написанная ей, — «**Странный пастух**» не представляла большой значимости с художественной точки зрения. Схожая ситуация сохранялась и в первой половине XX века. Из женщин-драматургов 10-20-х гг. упомянем такие имена, как Фехиме Нюзхет, Месадет Бедирхан, Фахринюсса Фахреддин и др.; 20-40- гг. — Нудие Низаметтин, Хулья Муаммер, Ренгин Гюльсерен и др. Насколько мы можем судить, пьесы их, в целом достаточно слабые, на сцене не ставились. Таким образом, отметим, что женская драматургия в Турции достаточно долгое время находилась в тени женского поэтического и прозаического творчества, представленного, в частности, такими талантливыми поэтессами и писательницами, как Михри-хатун (сер. 15 в.), Фатьма Алие (втор.пол. XIX — нач. XX вв.), Халиде Эдип (первая половина XX века) — последняя написала несколько пьес, которые также по своей эстетической значимости не могут быть сопоставлены с ее прозаическим наследием, ставшим целой эпохой в турецкой литературе.

Женская драматургия стала обретать свое узнаваемое лицо лишь начиная с середины 50, а особенно в 60-е гг. XX в., в первую очередь благодаря плодотворным усилиям талантливого драматурга и прозаика Адалет Агаоглу, а впоследствии и таких известных

женщин-драматургов, как Улькер Кёксал, Бильгесу Эренус, Незихе Араз, Незихе Мерич, в последние годы Асмин Н.Сингез.

За первой написанной Агаоглу пьесой **«Давайте напишем пьесу»** (1953) последовала целая серия ее успешных пьес: **«Игра в дочки-матери»** (1962), **«Лото»** (1963), **«Трещина в крыше»** (1964), **«Выход»** (1970), **«Коконь»** (1971), **«Очень далеко, слишком близко»** (1991) — последняя на данный момент. В центре большинства ее пьес — женщина в современном мире со всеми ее проблемами, переживаниями, нравственными исканиями и пр. Во главе угла — проблема самореализации женщины в современном мире, поиск хрупкой гармонии между семейным очагом и карьерой, непростые взаимоотношения мужчины и женщины. Как правило, ее пьесы, созданные в русле семейно-бытовой проблематики, минорно окрашены (тенденция характерная для современной турецкой драматургии в целом). В ее пьесах много драматургических находок и художественных открытий — необычная форма построения, гиперболоизация, фантазмагория (особенно в пьесе **«Коконь»**), хронотопные смещения и пр.

Одной из самых ярких пьес не только Агаоглу, но и всей современной турецкой драматургии является одноактная пьеса **«Лото»** — лишенная событийной канвы, это пьеса о пронзительном одиночестве двух пожилых людей, которые, вырастив детей, оказываются вычеркнутыми из жизни: по вечерам они играют в лото, по-детски обижаются друг на друга, трогательно заботятся друг о друге.

Также значимым явлением для турецкой драматургии стала другая ее пьеса **«Трещина в крыше»**, в которой поднимается ряд важных проблем, интерпретируемых и в творчестве других драматургов вплоть до настоящего времени: женщина становится жертвой запретов, существующих в патриархальном обществе, она не подготовлена к жизни, не имеет никаких шансов самореализоваться. Главная героиня Фатма, обладающая целым букетом положительных качеств, оказывается в жизни очень несчастной. В другой ее пьесе **«Очень далеко, слишком близко»** трагизм положения женщины в современном мире выведен в иную плоскость: тут перед нами уже получившая образование женщина, успешно строящая карьеру, однако она вынуждена постоянно доказывать свою профессиональную состоятельность и возможность личного счас-

тъя своим братьям-близнецам. После замужества и рождения ребенка все семейные проблемы ложатся на ее плечи, но она лишь «закаляется в бою». Схожий образ — в пьесе У.Кёксал «**Саджиде**» (1972) с основной идеей, заключающейся в том, что в безразличном к женщине, эксплуатирующем ее обществе женщине самой приходится завоевывать уважение к себе.

Различные вариации на тему работающая женщина — семья встречаются и в творчестве других женщин-драматургов, напр., неоднократно у У.Кёксал: так, в пьесе «**Ребро Адама**» (1979) главная героиня несмотря на свое прекрасное образование, трудолюбие, желание реализоваться и пр. мирится с тем, что находится в тени ее коллег-мужчин, а после того как ее собственная дочь вышла замуж и родила ребенка, увольняется с работы с целью присматривать за внуком, чтобы ее дочь не испытала такого же крушения надежд, как и она сама. Проблема выбора семья — карьера — и в другой ее пьесе «**Взрослые дети мира**» (1987): прожив с мужем всю жизнь, успешная актриса в результате долгих нравственных мучений отказывается по настоянию мужа переселиться в деревню и тем самым порывает со своей семейной жизнью, предпочитая ей искусство. Та же проблема — в пьесе Н. Араз «**Сумерки**» и др.

Н.Араз принадлежит другая значимая для турецкой драматургии пьеса с популярной для Турции XX века проблематикой — «**Песня о Бозкыре**» (1975) — история борьбы деревенской женщины с дикими нравами и предрассудками: у ее главной героини Гюлизар хватило сил не только выстоять самой, но еще и спасти падшую женщину, с которой спутался ее муж. Еще один похожий образ в ее творчестве, выписанный в ином отчасти идеалистическом ключе, — образ женщины «из народа» Хайрийе Аблы из пьесы «**Светилась вода**» (1969) как пример духовной целостности, жизненной силы.

Нельзя не сказать и о творчестве Б.Эренус. Главные ее героини, как правило, женщины из рабочей среды, которые всеми силами пытаются вырваться из нее, повысить свой социальный статус, но обычно их усилия приводят лишь к трагическим событиям (пьесы «**Компаньон**» (1975), «**Куда ты, Пайидар**» (1976) и др.).

Помимо т.н. «женской темы» в творчестве женщин-драматургов существуют единичные примеры пьес с иной проблематикой. Здесь, пр. всего, нужно назвать У.Кёксал и ее радиопьесы «**Без**

одной минуты ноль» (1963; антимилитаристская пьеса-притча, изображающее человечество, которое, с одной стороны, выступает против войн, с другой, — оказывается самым непосредственным образом в них вовлеченным), **«Странная пьеса»** (1978; проблема ответственности людей друг перед другом и перед обществом, решаемая в ходе импровизированного «судебного заседания» над пятью лицами, в различное время вольно или невольно совершивших преступление), **«Чужие»** (1984; пьеса о непонимании родителями детей и учителями своих учеников) и др. Проблема, высвеченная в творчестве Б.Эренус, — невозможность рабочих эмигрантов приспособиться к условиям жизни на чужбине (пьеса **«Дверь чужака»** (1973).

Пьесы проявившейся в последние годы 30-летней курдской писательницы А.Н.Сингез получают самые высокие оценки критиков в Турции (пьеса **«Горный цветок»** (2010) и др.), что позволяет надеяться, что турецкие женские пьесы наконец-то пробьют себе дорогу на мировые сцены.

Подводя итог, отметим, что в творчестве турецких женщин-драматургов можно выделить несколько основных проблемно-тематических блоков: женщина в сфере любовных переживаний и проблемы турецкой семьи; женщина в патриархальном обществе, лишенная шанса на самореализацию (в большинстве пьес это сельская женщина); женщина, борющаяся за свои права и бросающая вызов традиционалистскому обществу (как городская, так и сельская); женщина, получившая образование и успешно/безуспешно сочетающая домашние заботы и карьеру (как правило, городская).

Интересным представляется проследить смещение акцентов при изображении женских проблем во временном аспекте — здесь проявляется отчетливый сдвиг от пьес, в центре которых неграмотная героиня, лишенная воли к победе и даже не помышляющая о том, чтобы хоть на секунду оторваться от мужа, униженная и эксплуатируемая всеми, пр. всего, самим мужем и его родственниками, являющаяся жертвой религиозных и прочих запретов и предрассудков, к пьесам с сильными волевыми героинями, пытающимися сочетать домашние обязанности с продвижением по служебной лестнице (зачастую неуспешно). Такое движение, безусловно, связано с социально-экономическими, культурными, мировоззренческими изменениями в турецком обществе.

Ценным с точки зрения дальнейшей разработки гендерных вопросов литературы представляется сравнение творчества женщин-драматургов и мужчин-драматургов, особенно на материале пьес, разрабатывающих схожую проблематику (для турецкой драматургии это пьесы, в центре которых образ женщины и связанные с ней драматические коллизии), но данное сопоставление выходит за рамки настоящего доклада.

Рейснер М.Л.

Таухид («утверждение единобожия») в персидской классической поэзии: между темой и структурой

Термин *таухид* как религиозное понятие в исламе означает утверждение монотеизма, веры в единого Бога, заключенное в формуле «Нет божества, кроме Бога» (*lā ilāha illā llāh*). Помимо нормативного ислама *таухид* в качестве религиозно-философского концепта активно развивался и в рамках суфийской доктрины. В персидской классической поэзии с раннего периода, т.е. с IX-X вв., *таухид* появляется как особая поэтическая тема, которая служит обозначением начала любого эпического сочинения. Если взять полностью дошедшие до нашего времени поэмы, то тема «утверждения единобожия» представлена уже в интродукции к «Шах-нама» Фирдауси (рубеж X и XI веков). В последующее время в поэмах (*маснави*) разного содержания постепенно формируется достаточно четкая последовательность вступительных глав, предшествующих основному повествованию. В этой последовательности глава о единобожии неизменно занимает первую позицию, знаменуя начало произведения, своеобразный вход в него. Далее могли следовать главы, посвященные, соответственно, сотворению мира, славословию Пророка, восхвалению адресата сочинения, затем следовала глава о причинах написания поэмы с традиционным самовосхвалением автора. Только после этой интродукции (порой весьма пространной) автор мог приступать непосредственно к повествованию. По некоторым признакам можно заключить, что эта часть произведения, выражающая его принадлежность мусульманской культуре, представляет собой разворачивание в поэтическом пространстве формулы, знаменующей начало речи и называемой *бисмилла* («Во

имя Аллаха, Милостивого, Милосердного»). В иранской письменной словесности задолго до распространения ислама существовал обычай начинать сочинение с формулы поминания Бога, о чем свидетельствуют дошедшие до нас литературные памятники среднеиранской эпохи на языке пехлеви. По причине наличия собственной традиции словесных формул, маркирующих начало речи, иранцы до сих пор легко заменяют арабскую *бисмиллу* близкой по содержанию и назначению первой строкой «Шах-нама», гласящей «Во имя Господина души и разума» (*bi nām-i khudavand-i jān u khirad*).

Родовое религиозное понятие *таухид* с определенного периода стало употребляться и в качестве термина, обозначающего соответствующую тематическую разновидность стихов. В персидской поэтике этот термин появился только на рубеже XV и XVI вв., когда Хусайн Ва‘из Кашифи включил в свой трактат «Чудеса мысли в искусстве поэзии» целый блок терминов, отвечающих за религиозную и мистическую тематику в стихах. *Таухид* упоминается среди таких терминов, как *мункабат* (букв. «заслуга, добродетель»; «талант»; «хвала, восхваление»), *асрап* (букв. «тайны»), *мува‘иза* («проповедь»). Во вводной главе своего трактата автор писал: «*Таухид* в словарном значении — это «исповедание единобожия», а в терминологическом — так именуют стихи, которые включают хвалу Господа Всевышнего, поминание Его, Его атрибутов и деяний». Однако в теоретической поэтике ничего не говорится о структурообразующей функции стихов, содержащих мотивы «утверждения единобожия».

Первоначально развиваясь в качестве одной из поэтических тем внутри эпоса, *таухид* на определенном этапе истории персидской литературы переходит в лироэпическую поэзию — касыду. Перенос (*накл*) мотива или целого блока мотивов из одного вида поэзии в другой был теоретически закреплён в средневековой арабской и персидской поэтике среди других типов поэтических заимствований (*сарикат*). Характерно, что и в каноне касыды изучаемая тематика сохраняет свои структурообразующие свойства: стихотворения, открывающие *диван* (собрание монорифмических стихов) и рифмующиеся на *алиф*, первую букву арабского алфавита, как правило, посвящались восхвалению единства Божьего и деяний Творца. Такие стихотворения, маркирующие начало *дивана*, входят в литературный обычай с XII века, что хронологически совпадает с

формированием новой жанровой разновидности касыды — философско-религиозной. С падением продуктивности касыды как жанра некоторые традиционные мотивы и целые тематические блоки, в том числе и *таухид*, транспонируются в газель, с частичным сохранением функций. Газели на эту тему обычно бывают «открывающими» *диван*.

Помимо эксплицитного выражения с применением характерной религиозной лексики мотивы *таухид* имеют в персидской поэзии и метафорическое воплощение, связанное с устойчивым представлением красоте Творения. В касыдах, открывающих *диваны* поэтов XI века, преобладают весенние календарные зачины, в которых прямо или косвенно присутствует мотив «малого Творения», повторяющегося каждую весну и напоминающего о первом украшения мира Господом. Ключом к раскрытию смысла такой «весенней» вариации на тему *таухида* во множестве текстов служит мотив единства и взаимного отражения земли и небес: расцветающие на земле весенние цветы напоминают небесные звезды и светила, а звездное небо, в свою очередь, представляется как цветник. Через образы весеннего цветения, широко представленные в декоративном оформлении фронтисписов средневековых персидских манускриптов, можно также соотнести поэтическое и живописное выражение религиозного концепта единобожия в культуре рукописной книги.

Репенкова М.М.

Модификации турецкого литературного постмодернизма

Турецкий постмодернизм обнаруживает разнообразие модификаций. Он занимает срединное положение между западной (североамериканской, западноевропейской) и восточной (латиноамериканской, восточноевропейской) моделями постмодернизма, находясь в некой диффузной зоне, в которой происходит их скрещивание. Принимая во внимание классификации, разработанные Н.Б.Маньковской (мировая постмодернистская живопись и архитектура) и И.С.Скоропановой (русская постмодернистская литература), в турецкой литературе можно выделить следующие

модификации постмодернизма: нарративный, лирический, шизоаналитический, меланхолический.

Нарративный постмодернизм считается самой «умеренной», как бы «переходной» модификацией. Его представители используют в своём творчестве некоторые приёмы натуралистического и реалистического искусства, но при этом дистанцируются от реализма как творческого метода, ассоциируемого в их представлении с дидактизмом, иллюстративностью, пропагандистской направленностью. «Нарративисты» переоценивают ценности, разрушают метанарративы, размыывают структуру. Пынар Кюр в «Романе о преступлении» (*Bir Cinayet Romani*, 1989), Ихсан Октай Анар в романе «Рассказы Афрасиаба» (*Efrāsiyāb'ın Hikāyeleri*, 1998), Тахсин Юджель в романе «Ложь» (*Yalan*, 2002) обращаются к нравственной проблематике, размышляя о соотношении искусства и морали, религии и морали, науки и морали в предлагаемых обстоятельствах этического релятивизма.

Лирический постмодернизм — это лирическое самовыражение на «чужом» гибридно-цитатном сверхязыке симулякров, предполагающее использование авторской маски. Обращение к авторской маске позволяет разрушить культ писателя-пророка, писателя — учителя жизни, которому будто бы известна истина в последней инстанции. Турецкий автор-трикстер в романах Назлы Эрай «Станция сна» (*Uyku İstasyonu*, 1994), «Бар влюблённого попугая» (*Aşık Párağan Varı*, 1995), Бильге Карасу «Проводник» (*Kılavuz*, 1991), Перихан Магден «Убийства мальчиков-посыльных» (*Haberci Çocuk Cinayetleri*, 1991) балансирует между позицией гения (интеллектуала, эстета, эрудита) и клоуна (графомана, инфантила). Обычно акцентируется маргинальность его положения, связанная с экзистенциальными или эстетическими причинами. Часто образ травестированного автора автобиографичен в своей основе (Назлы Эрай, Бильге Карасу). К тому же он — композиционный центр, объединяющий гетерогенные элементы произведения, и сквозь его паясничанье проступает иное, не высказанное словами, отражающее чувства, которые затаились на дне души реального автора. Эта модификация не нашла широкого распространения в западном постмодернистском искусстве. В турецкой же литературе лирический постмодернизм, трансформированный в национальном духе, занял одно из центральных мест.

К безличностному типу моделирования гиперреальности, наиболее рельефно демонстрирующему явление «смерти автора», обращён **шизоаналитический постмодернизм**. Однако в прозе известного турецкого шизоаналитика Муратхана Мунгана при доминанте безличностного письма иногда (в основном в ранних произведениях) присутствуют и такие личные повествовательные формы, как персонажная и авторская маски. В книге рассказов «Сорок комнат» (Kırk Oda, 1987) и в сборнике повестей «Сорок комнат с тремя зеркалами» (Üç Aynalı Kırk Oda, 1999) Муратхан Мунган, используя шизоанализ, показывает разрушительное воздействие деструктивных импульсов коллективного бессознательного на жизнь людей на Земле, что он объясняет многовековой идеологической и религиозной активизацией негативного потенциала человеческого архетипа.

Представитель **меланхолического постмодернизма** Орхан Памук в романах «Белая крепость» (Beyaz Kale, 1985), «Чёрная книга» (Kara Kitap, 1990), «Моё имя — Красный» (Benim Adım Kırmızı, 1998), «Снег» (Kar, 2002) также использует шизоанализ. Однако у него шизоанализ не является главным принципом художественного исследования. Это вспомогательное средство, без которого тем не менее невозможно дать представление о турецком национальном архетипе. Орхан Памук с помощью шизоанализа ищет в коллективном бессознательном национальное и стремится определить степень воздействия коллективного бессознательного на историю страны. «Меланхолический» постмодернизм Орхана Памука отражает разочарование в ценностях эпохи модерна, отказ от линейно-позитивистского принципа в подходе к истории, линейного концепта прогресса. Его произведения проникнуты меланхолическим настроением.

Основные модификации турецкого постмодернизма органично вписываются в мировой общепостмодернистский контекст, хотя и имеют свои специфические особенности. В то же время нельзя не сказать, что предлагаемая классификация достаточно условна хотя бы потому, что писатель, меняясь, может выходить в новые для него измерения постмодернистского искусства. Да и вообще все жанровые и «направленческие» признаки в произведениях постмодернистов неустойчивы, зыбки, размыты, вариативны. Тем не менее существенные черты постмодернистской прозы данная классификация отражает.

Семененко И.И.

Архетип творчества в «Книге песен»

Понятие творчества в Древнем Китае восходит к мифологическим представлениям о генезисе мира и человека. Позднее эти представления переосмысливаются и получают более рациональную трактовку. В теме о сотворении «вещей» на первый план выходит вопрос о соотношении понятия Неба с биномом Неба и земли. Примечательно, что солидарности по данному пункту у древнекитайских источников нет. В одних из них производительная функция закрепляется только за Небом, в других ее относят к нему в сочетании с землей и еще во многих приводятся оба варианта.

Древнейшую версию представляет одна из наиболее авторитетных книг конфуцианского канона — «Книга песен» *Шицзин* 詩經 (11-6 вв. до н.э.). В ней Небо, называемое также «Владыкой» *Ди* 帝 или «Верховным владыкой» *Шан ди* 上帝, демиургическое божество, не только правит миром, но и «творит» *цзо* 作, «порождает» *шэн* 生 различные элементы сущего: от горы (270; IV,1,5)¹ до «всей массы людей» — человечества (255, III,III,1; 260, III,III,6). Несомненна его единичность в этих производительных актах, подтверждаемая и случаями, когда божество допускает к творению соучастника, как в песне, повествующей о зачатии и рождении предка чжоуского племени представительницей человеческого рода вследствие того, что она наступила на след от большого пальца небесного Владыки (245, III,II,1). Подобные эпизоды уже подразумевают изначальное отсутствие у Неба сопоставимого с ним по масштабу соучастника в порождении сущего. Им могла бы быть земля, но ей тут как отдельному самостоятельному началу, судя по всей структуре, динамике образов «Книги песен», в таком соучастии явно отказано. Об этом свидетельствует и сравнение терминов «Небо» *Тянь* и «земля» *ди* по частоте их употребления: в трехстах пяти песнях *Шицзина* *Тянь* встречается 164 раза, синонимичные ему слова «Владыка», «Верховный владыка» — 42, а *ди* — только дважды и из них лишь в одном случае в сопоставлении с Небом (192, II,IV,8), бином же *Тянь ди* — ни разу. Правда, частотность

¹ Здесь сначала приводится сплошная нумерация песен в порядке их общей последовательности в памятнике, а затем — по принятому у нас разграничению на разделы, главы и песни.

другого слова, тоже обозначающего «землю», *ту* 土, намного больше — 29, но его сопоставление с Небом ограничивается в основном их различием по положению в пространстве, на которое указывает постоянный для *ту* эпитет «нижняя». Но такое отношение к земле отнюдь не означает, что *Тянь* вовсе без нее обходится. В одной из песен упоминается о ритуале, в соответствии с которым мальчиков при рождении клали на кровать, а девочек — на землю (189, I, IV, 5), иначе говоря, земля уже в «Книге песен» связывалась с женским началом, и в этом плане Небо находилось с ней в определенной корреляции. Например, в том же песенном своде встречается строка, позволяющая толковать «Небо» в сочетании со словом «мать» как почетное обращение к своему земному отцу (45, I, IV, 1). Да и приводимый выше пример о беременности женщины от следа Верховного владыки указывает на его мужскую доминанту, к которой добавляется женский компонент. А в одной из песен уже одно Небо прямо называется «отцом и матерью» (198, II, V, 4). Но в связи с единичностью Неба это не приводит к его разделению на два начала. Логически тут может идти речь о половом дуализме или, точнее, женском качестве (а значит, по шицзиновскому контексту, и о земле) как свойстве Неба. Это объясняется тем, что, по *Шицзину*, все сущее, включая человечество, возводит к Небесному владыке свое рождение, род, а род в те времена велся по мужской линии, вмещавшей в себя женский элемент. Отсюда Небо, мужское божество, было, конечно, шире половой двойственности. Этот родовой монизм вполне очевиден в уже неоднократно упоминавшейся истории о беременности женщины от следа «Владыки» — здесь божество по изначальной универсальности своего фактического объема неизмеримо превосходит человеческого соучастника божественного акта. То же подтверждает и другая песня, в которой говорится о том, как «ласточка» по велению Неба «спустилась» и способствовала рождению первопредка шанского племени (303, IV, IV, 3). Появившийся в данном случае посредник из вида пернатых ничуть не умаляет непосредственного и определяющего участия Владыки в порождении предназначенных стать родоначальниками людей. Именно это-то как раз и давало основание считать их сыновьями Неба (273, IV, I, 8). Окончательную форму такое представление принимает у героя одной из песен, заключающего строки о том, что он плоть от плоти своих родителей, следующими словами:

О Небо, давшее мне жизнь! (*Тянь чжи шэн во!* 天之生我!)

Как свыкнуться мне с этим временем? (197, II, V, 3).

Здесь у Неба, главного действующего лица в постоянном, рутинном воспроизводстве человеческого рода, посредниками становятся уже сами люди, родители, посредничающие в рождении Небом их детей. Из рассмотренных песен складывается образ Верховного владыки как универсального жизненного импульса, принятие которого, собственно, и обеспечивает продолжение жизни. И главным принципом в *Шицзине* становится кровнородственная связь, род, а не пол. Половой дуализм здесь подчинен родовому монизму. Отсюда и такая демиургическая единичность Неба с почти полным умолчанием о земле.

Научное издание

ЛОМОНОСОВСКИЕ ЧТЕНИЯ
ВОСТОКОВЕДЕНИЕ

Подписано в печать 08.04.2010

Формат 60x90 $\frac{1}{16}$. Усл. печ. л. 16,75. Тираж 30 экз. Заказ № 118

Издательский дом «Ключ-С»

Москва, Малый Каретный переулок, д. 11

Отпечатано в Издательском центре ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова
Москва, ул. Моховая, д. 11